

КУЛЬТУРА. ЛИЧНОСТЬ. ОБЩЕСТВО:

методология, опыт эмпирического
исследования

Коллективная монография

(по материалам XX Международной конференции – второй этап)
при поддержке гранта РФФИ проект № 17-03-14132/17-ОГОН

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА»,

УРАЛЬСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ,
департамент политологии и социологии

**КУЛЬТУРА. ЛИЧНОСТЬ. ОБЩЕСТВО:
МЕТОДОЛОГИЯ, ОПЫТ
ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Коллективная монография
(по материалам XX Международной конференции – второй этап)
при поддержке гранта РФФИ проект № 17-03-14132/17-ОГОН

Под общей редакцией
Е.В. Грунт и А.В. Меренкова

Екатеринбург
2017

УДК 316
ББК 60.5
К 90

Рекомендовано к печати
Учебно-методическим советом Уральского гуманитарного института
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Рецензенты:

С. Е. Вершинин, доктор философских наук,
профессор кафедры социологии и социальной работы
Российского государственного профессионально-педагогического университета;
Н. И. Шаталова, доктор социологических наук, профессор

К 90 Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: коллективная монография (по материалам XX Международной конференции – второй этап) / под общ. ред. Е.В. Грунт и А.В. Меренкова. Екатеринбург: Изд-во ИСТУ. 2017. – 292 с.

ISBN 978-5-91256-393-5

Данный труд представляет собой коллективную монографию, которая является итогом деятельности участников XX Международной конференции «Культура. Личность. Общество: методология, опыт эмпирического исследования», проведенной в Уральском федеральном университете имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина при поддержке гранта РФФИ проект № 17-03-14132/ 17- ОГОН.

В монографии с различных сторон рассматриваются проблемы личности, современной культуры и общества на постсоветском пространстве.

Данное издание предназначено для научных работников, практиков, преподавателей вузов, студентов, всех тех, кто интересуется данной проблематикой.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-91256-393-5

© Е.В. Грунт, А.В. Меренков,
общая редакция, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Департамент политологии и социологии
Уральского федерального университета
имени первого Президента Б. Н. Ельцина,
2017
© Изд-во ИСТУ, 2017

Авторский коллектив:

Введ., заключение – Грунт Е.В., д-р филос. наук, проф. УрФУ (Россия).

Гл. 1: Алампиев О.А., канд. социол. наук, доц. БЭГУ (Республика Беларусь); Левченко И.Е., канд. филос. наук, доц. УрФУ (Россия); Веселкова Н.В., канд. социол. наук, доц. УрФУ (Россия); Шкурин Д.В., канд. социол. наук, доц. УрФУ (Россия); Злотникова Л.М., канд. филос. наук, БГЭУ (Республика Беларусь); Ильдарханова Ч.И., д-р социол. наук, глав. науч. сотрудник, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (Россия); Шадриков А.В., аспирант ГБУ «ЦПЭИ АН РТ», глава Дрожжановского муниципального района Республики Татарстан (Россия).

Гл. 2: Меренков А.В., д-р филос. наук, проф., УрФУ (Россия); Мкоян Г.С., АГПУ им. Х. Абовяна, преподаватель (Армения); Санникова О.В., д-р социол. наук, проф. УДГУ (Россия); Гузикова М.О., канд. ист. наук, УрФУ (Россия); Климова Е.В., д-р техн. наук, проф., СППУ Петра Великого (Россия); Чипкар Я., д-р философии, доц., канд. филос. наук, университет им. П.Й. Шафарика (Словакия); Шуклина Е.А., д-р социол. наук, проф. УрФУ (Россия); Гаврилина Т.О., магистрант УрФУ (Россия); Дронишинец Н.П., д-р филос. наук, проф. УрФУ (Россия); Прохода В.А., канд. социол. наук, ст. науч. сотрудник, МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия); Ладыжец Н.С., д-р филос. наук, проф., УДГУ (Россия).

Гл. 3: Вишневский Ю.Р., д-р филос. наук, УрФУ (Россия); Нархов Д.Ю., канд. социол. наук, доц., УрФУ (Россия); Зырянова О.Б., аспирант УрФУ (Россия); Бедулина Г.Ф., БГЭУ (Республика Беларусь); Блажко В.А., гл. науч. сотрудник Центра политологии, д-р хабилизат социологии, проф. (Республика Молдова); Дулина Н.В., д-р социол. наук, проф., ВГТУ (Россия); Икингрин Е.Н., канд. социол. наук (Россия); Симхович В.А., д-р социол. наук, проф. БГЭУ (Республика Беларусь).

Гл. 4: Антонова Н.Л., д-р социол. наук, проф. УрФУ, Россия; Валидова А.Ф., канд. экон. наук, ведущий науч. сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (Россия); Грунт Е.В., д-р филос. наук, проф. УрФУ (Россия); Старшинова А.В., д-р социол. наук, проф. УрФУ (Россия); Панкова С.Н., канд. социол. наук, доц., УрФУ, Россия; Осипова Е.А., ассистент УрФУ (Россия); Зарубина Ю.Н., канд. психол. наук, доц., ЯГУ им. П.Г. Демидова (Россия).

Гл. 5: Брага Л.И., канд. полит. наук, доц. (Республика Молдова); Бахлова О.В., д-р полит. наук, доц., проф. Национального исследовательского МГУ им. Н.П. Огарева (Россия); Зырянов С.Г., д-р полит. наук, проф. РАНГиС при Президенте РФ, Челябинский филиал (Россия); Аверьянова Д.А., млад. науч. сотрудник лаборатории политологии и социологии РАНГиС при Президенте РФ, Челябинский филиал (Россия); Иголкин К.С., млад. науч. сотрудник лаборатории политологии и социологии РАНГиС при Президенте РФ, Челябинский филиал (Россия); Лукин А.Н., канд. культурол., доц., РАНГиС при Президенте РФ, Челябинский филиал (Россия); Наронская А.Г., канд. полит. наук, доц. УрФУ (Россия).

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ (Е.В. Грунт)	6
ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	8
1.1. Некоторые аспекты социально-экономической дифференциации белорусского общества (по данным официальной статистики) (О.А. Алампиев)	8
1.2. Теологические и философские истоки танатосоциологии (И.Е. Левченко)	16
1.3. Музей Л.Н. Когана как пространство воображения: опыт включения в учебный курс (Н.В. Веселкова)	30
1.4. Многомерные методы обработки вопросов с множественным выбором на примере здоровьесберегающих стратегий современных студентов (Д.В. Шкурин)	36
1.5. Этическая компонента реформирования экономики (Л.М. Злотникова)	49
1.6. Пространственное развитие регионов: потенциал теоретической и эмпирической социологии (Ч.И. Ильдарханова, А.В. Шадриков)	56
ГЛАВА 2. КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ	63
2.1. Культура эгоизма: сущность и основные характеристики (А.В. Меренков)	63
2.2. Воздействие Армянской Апостольской церкви на формирование духовных ценностей двух поколений в современном армянском обществе (Г.С. Мкоян)	80
2.3. Некомпенсируемая образовательная миграция: риск-ориентированный подход (О.В. Санникова)	87
2.4. Проблемы и опыт создания полиязычной среды при подготовке иностраннх студентов (М.О. Гузикова)	99
2.5. Социальная идентичность преподавателей вузов на этапе реформирования образования (Е.В. Климова)	108
2.6. Науки социальные и гуманитарные в процессе глобализации (Я. Чипкар)	112
2.7. Неформальные образовательные практики студенческой молодежи в условиях мегаполиса (Е.А. Шуклина, Т.О. Гаврилина)	118
2.8. Становление и развитие образования в закрытых атомных городах России (Н.П. Дроншиинец)	137
2.9. Охват образованием взрослого населения европейских стран (В.А. Прохода)	146
2.10. Современные проблемы управления европейским высшим образованием (Н.С. Ладыжец)	153

ГЛАВА 3. МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ	159
3.1. Идеи Л.Н. Когана о вечности и проблемы устойчивого развития и безопасности молодежи (Ю.Р. Вишневецкий, О.Б. Зырянова, Д.Ю. Нархов)	159
3.2. Исследование поликультурных аспектов благотворительности в студенческой среде (Г.Ф. Бедулина)	171
3.3. Особенности стратификации молодежи в Республике Молдова (В.А. Блажко)	179
3.4. Легко ли быть молодым в меняющемся мире? (Н.В. Дулина, Е.Н. Икингерин)	184
3.5. Инновационная активность современной белорусской молодежи (В.А. Симхович)	193
ГЛАВА 4. ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ, ЗДОРОВЬЯ, СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	202
4.1. Медицинское обслуживание сельского населения: взаимодействие врачей и пациентов (Н.Л. Антонова)	202
4.2. К вопросу об эффективности программ повышения рождаемости: обзор теоретических и прикладных исследований (А.Ф. Валидова)	210
4.3. Жизненные и семейные ценности семей в современной России: региональный аспект (Е.В. Грунт)	216
4.4. Ресурсы медицинского учреждения в развитии условий доступности медицинской помощи детям с тяжелыми нарушениями здоровья (А.В. Старшинова, С.Н. Панкова, Е.А. Осипова)	240
4.5. Краудсорсинговые технологии как инновационный метод социальной работы с детьми (Ю.Н. Зарубина)	255
ГЛАВА 5. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ	262
5.1. Изменения в социальной структуре общества в контексте глобализационных процессов и их влияние на характер политических трансформаций в Республике Молдова (Л.И. Брага)	262
5.2. Возможности и уязвимости российско-белорусской интеграции: военно-политический аспект (О.В. Бахлова)	270
5.3. Активность граждан и общественных объединений как показатель состояния и развития гражданского общества (на примере Челябинской области) (С.Г. Зырянов, Д.В. Аверьянова, К.С. Иголкин, А.Н. Лукин)	278
5.4. Политическая коррупция: сущность и особенности (А.Г. Наронская)	286
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (Е.В. Грунт)	291

Введение

В марте и октябре 2017 года в Уральском Федеральном университете в департаменте политологии и социологии в два этапа проведена XX Международная конференция «Культура. Личность. Общество: методология, опыт эмпирического исследования» памяти профессора Л.Н. Когана (второй этап – октябрь 2017 года проводился при поддержке гранта РФФИ проект № 17-03-14132/17-ОГОН). В конференции приняли участие более 600 человек из 34 российских регионов, ближнего и дальнего зарубежья.

Данная коллективная монография представляет концептуальное видение проблем современного общества, анализ данных эмпирических исследований, проведенных участниками конференции. Структура монографии состоит из пяти глав.

Глава 1 «Методология и методика социологического исследования» включает в себя концептуальное видение тенденций современного развития белорусского общества, истоки развития танатосоциологии; анализ пространственного развития регионов и пр.

Глава 2 «Культура и образование в меняющемся мире» раскрывает особенности формирования культуры эгоизма в современном мире; проблемы воздействия Армянской Апостольской церкви на формирование духовных ценностей двух поколений в современном армянском обществе; создание полиязычной среды в вузах для подготовки иностранных студентов. Особое место в главе занимают проблемы образовательной мобильности россиян; становление образования в современных российских закрытых атомных городах и развитие науки в Словакии. Петербургский исследователь представляет анализ идентичности преподавателей вузов.

Глава 3 «Молодежь в условиях современного нестабильного общества» предлагает анализ проблемы устойчивого развития и безопасности российской молодежи. Интерес представляют материалы исследований ученых из Молдовы и Белоруссии, в которых рассматриваются проблемы молодежи в этих странах. Волгоградские исследователи пытаются ответить на вопрос: «Легко ли быть молодым в меняющемся обществе?» и пр.

Глава 4 «Проблемы здоровья, семьи, социальной работы в современном обществе» знакомит читателя с жизненными ценностями современной российской семьи, особенностями медицинского обслуживания в се-

лах России, проблемами доступности медицинской помощи российским детям с тяжелыми нарушениями здоровья. Ярославский исследователь представляет анализ использования краудсорсинговых технологий при работе с детьми в социальной работе и пр.

Глава 5 «Политический процесс: единство во многообразии» раскрывает проблему изменения социальной структуры молдавского общества в контексте глобализации и ее влияние на политическую трансформацию в стране. Уральские исследователи анализируют проблемы политической коррупции, гражданской активности населения и пр. В исследовании мордовских ученых представлена проблема возможности и уязвимости российско-белорусской интеграции в рамках военно-политического аспекта.

Прочтя эту книгу, у читателя может сложиться впечатление о разноплановости поднимаемых ею проблем и большом количестве авторов-исследователей. Однако ее в полной мере можно назвать монографией, так как весь материал, во-первых, логически структурирован, во-вторых, объединен общей идеей – построен на теоретических или эмпирических исследованиях авторов современного общества в условиях неопределенности и нестабильности.

Данная монография предназначена для научных работников, преподавателей вузов, студентов, административных работников, а также всех тех, кто интересуется данными проблемами.

При поддержке гранта РФФИ, проект № 17-03-14132/ 17-ОГОН.

Глава 1. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Некоторые аспекты социально-экономической дифференциации белорусского общества (по данным официальной статистики)

Постсоветское социально-экономическое развитие Республики Беларусь имеет ряд специфических особенностей, отличающих его от соседних государств, также прошедших через трансформацию административно-командной экономики. Характерными чертами экономического развития независимой Беларуси стали эволюционный путь социально-экономических преобразований, активное государственное регулирование социально-экономической сферы, отказ от крупномасштабной приватизации, сохранение доминирования в экономике государственной формы собственности, стремление к максимальному сохранению социальных гарантий и т. п. Модель белорусского социально-экономического развития получила название социально-ориентированной рыночной экономики, в числе задач построения которой ставились обеспечение справедливого распределения доходов и избежание высокого социально-экономического расслоения в обществе с целью обеспечения не только равных прав, но и равных возможностей для жителей страны, создания условий для удовлетворения материальных и духовных потребностей человека, а не только экономического роста. Нельзя утверждать, что претворение в жизнь данной модели социально-экономического развития оказалось однозначно социально и экономически более эффективным, чем модели, которые были реализованы в других постсоциалистических странах. Во многих странах, имевших схожие или даже худшие стартовые позиции в начале 1990-х гг., таких как Польша, Словакия, Венгрия, Эстония, по многим показателям эффективность экономики, уровень и качество жизни населения оказались выше, чем в Беларуси. Между тем, следует учитывать, что одной из целей создания белорусской модели социально-экономического развития было стремление к справедливому распределению ресурсов для уменьшения рисков, связанных с социально-экономической дифференциацией. В этой связи важно рассмотреть социальную дифференциацию белорусского общества на современном этапе в контексте ее социальных последствий и в сравнении с другими странами региона. Для сравнения были взяты соседние исторически

и культурно близкие Беларуси Российская Федерация и Польша. В качестве показателей социальной дифференциации использовались квинтильная группировка доходов населения, квинтильный и децильный коэффициенты, коэффициент Джини, доля лиц, располагающих доходами ниже бюджета потребительского минимума, различия в уровне доходов представителей различных видов экономической деятельности. При отсутствии релевантных социологических исследований, осуществленных по единой методологии, целесообразно использовать в качестве источника данных официальные отчеты главных статистических ведомств соответствующих государств, при этом принимая во внимание их некоторую несовершенство.

Квинтильная группировка представляет собой ранжирование населения по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов в порядке их возрастания с последующим разделением на 5 групп, каждая из которых включает 20% населения и, тем самым, дает возможность выявить долю общих ресурсов, которая приходится на каждую из групп. Так, из табл. 1 видно, что в Беларуси по данным на 2015 год на долю 20% населения с наименьшими ресурсами приходилось 9,3% общих ресурсов, в то время как в Российской Федерации – 5,3%, в Польше – 6,6%.

Таблица 1

Распределение общего объема располагаемых доходов населения,
2015 г.

Показатель	Республика Беларусь	Российская Федерация	Польша
Располагаемые ресурсы, %	100	100	100
в том числе по 20-процентным группам			
первая (с наименьшими располагаемыми ресурсами)	9,3	5,3	6,6
вторая	13,7	10,0	12,6
третья	17,1	15,1	17,2
четвертая	22,0	22,6	23,0
пятая (с наибольшими располагаемыми ресурсами)	37,9	47,0	40,6
квинтильный коэффициент	4,1	8,9	6,15
децильный коэффициент	6,1	15,6	12,1
коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	0,276	0,412	0,322

Источник: Составлено по данным [3, с. 118; 4; 5, с. 287-288].

Приведенные в табл. 1 данные показывают, что наименьшие различия в ресурсах, которыми располагают рассматриваемые группы населения, среди трех выбранных стран характерны для Беларуси, при этом следует отметить, что подобная характеристика распределения общего объема располагаемых ресурсов населения Беларуси остается почти неизменной уже на протяжении 20 лет [см. 1, с. 110]. Также, справедливо утверждать, что при изменении уровня доходов населения, росте ВВП во второй половине 90-х – 2000-х гг., экономических потрясениях 2008-2015 гг. в Беларуси на протяжении двух десятилетий сохраняется примерно такая же структура распределения ресурсов, тенденции к увеличению социального неравенства не наблюдаются, при том, что подобная тенденция была весьма характерна для других постсоциалистических стран, а также многих экономически развитых стран мира, таких как США, Великобритания, Франция, Япония и другие; тем самым, рост социально-экономического неравенства являлся в данный период общемировой тенденцией [2]. На сегодняшний день, как показано в табл. 1, распределение доходов населения Беларуси более равномерное, чем в Российской Федерации и Польше, различия в уровне доходов между наиболее и наименее зажиточными слоями населения в Беларуси выражены в меньшей мере, чем в России и Польше. Показатели степени экономического расслоения общества, квинтильный коэффициент, децильный коэффициент, коэффициент Джини также показывают, что в Беларуси экономическая дифференциация не столь высока, как в Российской Федерации и Польше (см. табл. 1). При этом в рассматриваемом измерении ситуация в Беларуси в последние годы изменяется очень незначительно, несмотря на серьезные проблемы, с которыми столкнулась белорусская экономика в конце 2000-х и первой половине 2010-х гг., так, в 2008 году децильный коэффициент и коэффициент Джини были лишь незначительно меньше, чем в 2015 г. (5,9 и 0,274 соответственно) [1, с. 110]. В условиях сравнительно невысоких доходов населения (в сопоставлении с наиболее экономически развитыми странами) указанный характер распределения доходов имеет ряд преимуществ: подобная ситуация служит одним из факторов, препятствующих росту социальной напряженности, поддержанию низкого уровня преступности, такой характер социально-экономической дифференциации говорит о большей социальной защищенности наименее обеспеченных слоев населения в Беларуси, чем, к примеру, в Российской Федерации. В этом, однако, есть и отрицательные стороны. Меньшая дифференциация доходов служит одним из факторов снижения трудовой и образовательной мотивации, что

тормозит социальную мобильность и негативно сказывается на деловой активности, служит фактором воспроизводства не соответствующих актуальным потребностям экономического развития нерыночных, во многом «советских» схем экономического мышления и моделей поведения в экономической сфере, основанных на конформизме и патернализме, провоцирует экономическую безинициативность, боязнь перемен, что в конечном итоге может служить одним из факторов нарастания негативных тенденций в развитии белорусской экономики.

Одним из показателей, указывающих на специфику социально-экономической дифференциации, является доля лиц, доходы которых ниже официальной черты бедности. В Беларуси этот показатель называется бюджетом прожиточного минимума. В Российской Федерации и Польше существуют аналогичные показатели, однако ввиду различий между странами в методологии их расчета считать их в полной мере эквивалентными нельзя, поскольку различия в определении границы прожиточного минимума могут свидетельствовать не только о доле лиц, обладающих доходами ниже этой границы, но и сами различия между странами могут иметь объяснением разный подход к пониманию прожиточного минимума. Между тем, сравнение доходов по указанному показателю, сомнительное с экономической точки зрения, может быть полезным с социологической, поскольку отнесение людей по уровню дохода к той или иной группе может иметь конкретные социальные последствия, причем не только собственно экономического порядка, но и символического, связанного с социальным самочувствием, идентичностью, пониманием социального благополучия, может служить фактором приведения в действие механизмов стигматизации и самостигматизации и т.д. В Беларуси доходами ниже бюджета прожиточного минимума по состоянию на 2015 г. располагали 5,1% населения [3, с. 116]. В России доходами ниже официальной величины прожиточного минимума в 2015 году располагали 13,3% населения [6], в Польше доходы ниже прожиточного минимума в 2015 году имели 6,5% населения [7]. Таким образом, согласно официальной статистике в соответствии с принятыми в сопоставляемых странах критериями доходы ниже прожиточного минимума в Беларуси имеет меньшая доля населения, чем в Российской Федерации и Польше, причем при сопоставлении с Россией доля населения, официально признаваемого малообеспеченным, в Беларуси существенно меньше.

Экономическую дифференциацию характеризуют также различия в уровне доходов в различных видах экономической деятельности. Раз-

личия фиксируются как отношение уровня среднемесячной заработной платы того или иного вида экономической деятельности к среднесоциальному уровню. Средний уровень принимается за 100. В Беларуси пятью видами экономической деятельности с наибольшим отношением уровня среднемесячной зарплаты к среднему уровню, согласно официальной статистике, являются: финансовая деятельность, операции с недвижимостью, горнодобывающая промышленность, государственное управление и строительство (табл. 2). Финансовая деятельность является одной из наиболее доходных сфер также в Российской Федерации и в Польше. Отношение к уровню среднего дохода в горнодобывающей сфере в России и Польше более высокое, чем в Беларуси, что в случае России следует объяснять более высокой рентабельностью этого вида деятельности. В Беларуси большее соотношение характеризует операции с недвижимостью, в Польше эта деятельность не является существенно более прибыльной, чем другие. Согласно официальной статистике, заработная плата в сфере государственного управления в отношении к среднему уровню доходов в Беларуси оказались выше, чем в России; в Польше несколько менее доходным оказалось строительство. Следует учесть, что в случае более высокого уровня заработной платы при сопоставимом отношении уровня заработной платы в той или иной сфере деятельности к среднему между странами, это может стимулировать трудовую миграцию, которая чаще носит временный

Таблица 2

Виды экономической деятельности с наибольшим отношением среднемесячной зарплаты к среднереспубликанскому уровню в сравнении с аналогичными показателями для Российской Федерации и Польши, 2015 г.

Вид деятельности	Беларусь	Российская Федерация*	Польша
Финансовая деятельность	170,6	167,8	176,7
Операции с недвижимостью	146,6	127,3	111,7
Горнодобывающая промышленность	135,5	172,4	177,6
Государственное управление	124,3	115,7	_**
Строительство	112,2	112,9	104,5
* по состоянию на апрель 2015 г.			
** подобная категория в официальной статистике Гласного статистического управления Польши отсутствует			

Источник: составлено по данным [3, с.111; 8; 9, с.27].

характер. К примеру, работа на польских и, до недавнего времени, российских строительных объектах была привлекательна для белорусов, однако рассматривалась преимущественно как временное трудоустройство. В случае, если, помимо того, доходы в той или иной сфере выше в другой стране в отношении к среднему, то это может служить дополнительным социальным фактором миграции и содействовать уже не только трудовой, но и постоянной миграции.

Существенны оказались различия в наименее доходных видах экономической деятельности (табл. 3). Различия в рыболовецкой отрасли России и Беларуси следует видеть в первую очередь в наличии в России морского рыбного промысла, куда более прибыльного, чем существующий в Беларуси речной и озерный. Следует обратить внимание на то, что в Польше уровень зарплаты в сфере образования оказался выше средней зарплаты по стране, что выгодно отличает ситуацию в Польше от ситуации в России и Беларуси, свидетельствует о большем внимании со стороны властей проблемам образования, более высоком престиже такой деятельности, что является весьма актуальным в условиях становления информационного общества, а также может в перспективе служить объектом привлекательности для белорусской миграции, причем не только трудовой, мотивированной стремлением заработать, но и постоянной, мотивированной помимо экономических еще и социальными факторами. На сегодняшний день Польша становится все более привлекательной для высококвалифицированных белорусских (и не только белорусских) специалистов, при этом Польша не скрывает своей заинтересованности в привлечении таких специалистов, о чем свидетельствует упрощение правил трудоустройства для граждан ряда восточноевропейских стран, в том числе Беларуси. Также в Польше оказались выше заработная плата в отношении к средней в сфере здравоохранения, хотя и не так значимо. В целом низкие зарплаты в сфере образования и здравоохранения являются в современных условиях весьма противоречивым фактором социально-экономического развития, в особенности в долгосрочной перспективе, поскольку способствуют низкому престижу соответствующих профессий, более низкому качеству подготовки кадров в соответствующих сферах, снижению мотивации, более утилитарному отношению к образованию, низкому престижу научной деятельности, что уже фиксируется белорусскими исследованиями [10, с. 38-44], что в условиях становления информационного общества неизбежно будет вести нарастанию отставания Беларуси от наиболее экономически развитых стран.

Таблица 3

Виды экономической деятельности с наименьшим отношением среднемесячной зарплаты к среднереспубликанскому уровню в сравнении с аналогичными показателями для Российской Федерации и Польши, 2015 г.

Вид деятельности	Беларусь	Российская Федерация*	Польша
Рыболовство и рыбоводство	66,2	186,6	–
Гостиницы и рестораны	71,5	84,1	74,79
Образование	72,9	71,1	106,7
Сельское, лесное хозяйство и охота	73,7	58,7	122,6**
Здравоохранение и социальные услуги	81,1	75,8	93,4
* по состоянию на апрель 2015 г.			
** включая рыболовство и рыбоводство.			

Источник: составлено по данным [3, с.111; 8; 9, s.27].

На основе вышесказанного можно заключить следующее. В условиях сравнительно невысоких доходов относительно невысокий уровень социально-экономической дифференциации белорусского общества позволяет сгладить многие социальные противоречия, между тем, уравнительный характер распределения доходов служит одним из факторов снижения трудовой мотивации, формирования экономической пассивности, безинициативности, снижения предпринимательской активности, служит воспроизводству патернализма, нерыночной системы экономического мышления и поведения, что может отрицательно сказываться на темпах социально-экономического развития. Значительная доля национального дохода, приходящаяся на наименее обеспеченных лиц в условиях сравнительно невысоких доходов служит свидетельством менее выраженной бедности и социальной незащищенности, что выгодно отличает Беларусь от многих, в том числе экономически развитых, стран. Вместе с тем, дифференциация в уровне доходов по видам экономической деятельности на сегодняшний день не в полной мере соответствует потребностям становления информационного общества с соответствующими отраслями экономики; ситуация, при которой более высокий относительный уровень доходов в видах деятельности, часто требующих высокой квалификации, делает привлекательными для населения Беларуси соседние европейские страны, в частности Польшу, для постоянной миграции, снижает привлекательность для белорусской молодежи ряда необходимых для

успешного инновационного развития сфер деятельности, в частности, образования и науки. Все это ставит вопрос о необходимости дальнейшего исследования проблем социальной и экономической дифференциации белорусского общества с целью выработки оптимальных для нужд социального и экономического развития мер корректировки социально-экономического неравенства.

Список литературы

1. Соколова Г.Н. Социально-экономическое неравенство в Республике Беларусь: индикаторы и механизмы минимизации. / Г. Н. Соколова // Белорусский экономический журнал, 2011. № 1. С. 108-120.
2. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему: [перевод с английского] / Д. Е. Стиглиц. Москва: Э, 2017. 512 с.
3. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2016 (Стат. сб.). Минск, Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016. 519 с.
4. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения [Электронный ресурс]. / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.doc (дата обращения: 28.01.2017).
5. Budżety gospodarstw domowych w 2015 r. Household budget survey in 2015. Warszawa, Główny Urząd Statystyczny, 2016. 294 s.
6. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.doc (дата обращения: 28.01.2017).
7. Zasięg ubóstwa ekonomicznego w Polsce w 2015 r. (na podstawie badania budżetów gospodarstw domowych) [Электронный ресурс] // Główny Urząd Statystyczny. – Warszawa, 12.05.2015 г. Режим доступа: stat.gov.pl/download/gfx/portalinformacyjny/pl/defaultaktualnosci/5487/14/3/1/zasieg_ubostwa_ekonomicznego_w_polsce_w_2015.pdf (дата обращения: 28.01.2017).
8. Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2015 года (статистический бюллетень) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/bul_zp_2015.rar (дата обращения: 28.01.2017).
9. Zatrudnienie i wynagrodzenia w gospodarce narodowej w 2015 roku. Employment, wages and salaries in national economy in 2015. – Warszawa, Główny Urząd Statystyczny, 2016. 74 s.
10. Алампиев О.А. Особенности современной академической культуры студентов регионального вуза. / О.А. Алампиев. // Высшая школа: проблемы и перспективы: 12-я Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 22-23 окт. 2015 г. В 2 ч. Ч. 1. Минск, РИВШ, 2015. С. 38-44.

1.2. Теологические и философские истоки танатосоциологии

Значительное влияние на генезис социологии оказало христианство, возникшее в первой половине I в. Закономерно, что весомый вклад в формирование основ танатосоциологии (социологии смерти) внесли выдающиеся теологи прошлого.

М. Вебер полагал, что «решающим для судьбы раннего христианства было то, что оно по своему происхождению, по своей социальной основе и по содержанию своего образа жизни было религией спасения» [8, с. 176]. Аврелий Августин (354-430) пришел к христианской вере через искушения молодости и увлечения манихейством, скептицизмом и неоплатонизмом. В знаменитой «Исповеди» он признавался: «...было у меня и жестокое отвращение к жизни и страх перед смертью» и «настигла меня плетью своей телесная болезнь; я уже шел в ад, унося с собою все грехи» [1, с. 55, 69]. Но приобщение к христианству перевернуло его жизнь и наставило на «истинный путь».

С точки зрения Августина, «под смертью, в прямом смысле слова, и следует понимать то, что нечто, бывшее чем-либо, становится ничем» [2].

Подробный анализ социальных аспектов смерти осуществлен богословом в труде «О граде Божьем». Не сомневаясь, что «смерть произошла от греха Адамова», он утверждал: «...время этой жизни есть вообще не что иное, как путь к смерти, на котором никому не разрешается остановиться на некоторое время или идти несколько медленнее» [3].

По мнению Августина Блаженного, «два града – нечестивцев и праведников – существуют от начала человеческого рода, и пребудут до конца века. Теперь граждане обоих живут вместе, но желают разного, в день же суда поставлены будут розно» [3]. К первому относятся все, связанные с грехом, бесчестными делами, плотскими и суетными влечениями, идущие путями заблуждений и т. п. Ко второму – все верные Богу существа, добрые ангелы, истинные христиане и добродетельные люди [7, с. 33] (рисунки).

Различая идеальное и реальное общества, Аврелий Августин указывал, что в последнем сама основа его – общение – является нестабильной и постоянно находится под угрозой. Это относится ко всем трем видам земного сообщества, выделяемым теологом: к семье, гражданскому обществу (городу) и государству [21, с. 335-336]. Раздираемые эгоизмом и враждой, они все имеют тенденцию к дезинтеграции. Высшим идеалом всякого сообщества является мир, но в реальных земных обществах мир может сохраняться лишь недолго, а прочный мир просто недостижим.

Любовь к себе, доведенная до презрения к Богу		Любовь к Богу, доведенная до презрения к себе	
↓		↓	
Град земной		Град Божий	
<i>на небе</i>	<i>на земле</i>	<i>на земле</i>	<i>на небе</i>
ангелы, восставшие против Бога	потомки Каина	потомки Авеля	ангелы, сохранившие верность Богу
	повелители и господа мира	странники и пилигримы	
	обречены на вечное проклятие	определены к спасению	

Два града (по Августину Блаженному)

Мыслитель воспринимал бедствия как нечто неизбежное: «Ибо кого голод умертвил, того он освободил от зол этой жизни, как освобождает телесная болезнь; а кого не умертвил, того научил жить умереннее и подольше поститься» [3].

Августин Блаженный категорически отвергал суицид, так как никакие причины не могут оправдать этот грех: «убивающий самого себя, несомненно, человекоубийца; и когда убивает себя, бывает тем преступнее, чем он невиннее в том деле, из-за которого считает нужным убить себя – из опасения наказания или бесчестия», «добровольная смерть ни в каком случае не может относиться к величию души» [3].

Будучи современником вторжений варваров и крушения Римской империи, теолог специально обращался к изучению войн, диалектически переосмысливая проблему убийства во время боя и проблему применения смертной казни. С его точки зрения, «заповеди “не убивай” отнюдь не преступают те, которые ведут войны по велению Божию или, будучи в силу Его законов, т. е. в силу самого разумного и справедливого распоряжения, представителями общественной власти, наказывают злодеев смертью» [3].

Вместе с тем, для Августина очевидны трагические последствия военных действий: «...опустошения, убийства, грабежи, пожары, страдания, совершившиеся во время последнего римского поражения, – все это породил обычай войны» [3].

Аврелий Августин, осознавая, что в отдельных случаях невозможно произвести захоронения погибших в результате битв, сделал следующее богословское заключение: «Итак, земле не были преданы многие тела христиан, но из-за этого никто не отлучит их от неба и земли, которые

наполняет своим присутствием Тот, Кто знает, откуда воскресить сотворенное Им» [3].

По мнению теолога, «омытие и наряжение тела, обряд похорон, пышность проводов, – все это скорее утешение живых, чем помощь умершим. Если бы дорогостоящее погребение могло принести пользу нечестивому при жизни покойнику, то бедное или вообще никакое погребение могло бы повредить праведнику» [3].

В целом, принцип предопределения и принцип возмездия играют у Августина Блаженного роль «индикатора» и роль «рулевого управления» божественного провиденциализма в движении человеческой истории: кара Божья за грех имеет как экзистенциально-личностный, так и общечеловеческий, общесоциальный статус [25, с. 118].

Безусловно, изыскания Августина Аврелия стимулировали последующий анализ христианами мыслителями онтологического, гносеологического и антропологического аспектов проблемы смерти.

В социологическом плане особый интерес представляют проповеди средневекового немецкого монаха-францисканца Бертольда Регенсбургского (Простеца) (1210-1272) [12, с. 178-263; 14; 31]. Это была «эпоха презрения к миру и отречения от всего земного» [15, с. 50]. В проповеди «О пяти фунтах» богослов определил пять даров, которыми Господь наделил человека: 1) его личность, обладающая свободой воли выбрать путь добра или зла; 2) его сословное и профессиональное призвание; 3) время, отпущенное ему для жизни; 4) земное имущество; 5) любовь к ближнему [32, S. 11-28].

Бертольд Регенсбургский декларировал, что все люди должны служить социальному целому и, следовательно, Творцу. Отступив от жесткой трехсоставной (молящиеся, сражающиеся, работающие) структуры средневекового общества, в проповеди «О десяти хорах ангелов и христианского мира» он выделил социальные разряды аналогично ангельским чинам, где десятый составляют ангелы, отпавшие с Люцифером от Бога, т. е. бесы [32, S. 140-156]. В его функциональном подходе учитываются профессиональный и должностной критерии, а также степень возможной греховности членов разряда (табл. 1).

Простец был уверен, что после смерти душа попадает в ад (францисканец сравнивал его с военным лагерем), чистилище или рай в зависимости от ее обремененности грехами, тело же подвергается тлению в могиле, но в Судный день произойдет восстановление души в теле, и окончательно осужденная или оправданная личность войдет навеки в ту часть загробного мира, который будет ей указан высшим Судией.

Таблица 1

Социальная стратификация (по Бертольдзу Регенсбургскому)

Но- мер п/п	Социальный разряд	Состав	Функции
1	Священники	Папа, кардиналы, епископы, прелаты	Забота о душах христиан
2	Монахи	Монахи, крестоносцы, странствующие монахи, послушники, монахини, братья проповедники	
3	«Мирские судьи»	Император, короли, князья, герцоги, графы, свободные господа	Забота о земном благополучии христиан – защита вдов и сирот, охрана от воровства, грабежа и поджогов, от иудеев, язычников и еретиков, от клятвопреступников и несправедливого насилия
4	«Те, кто изготавливает одежду из шелка, шерсти, мехов, тачают обувь, шьют перчатки, пояса и все относящееся к одежде»	Ремесленники	«Верно служить и трудиться честно»
5	«Люди, работающие с железными орудиями»	Ювелиры, монетчики, кузнецы, железных дел мастера, плотники, каменщики	
6	«Все занятые торговлей»	Купцы	
7	«продавцы пищи и питья»	Розничные торговцы, трактирщики	Снабжение населения хлебом, мясом, пивом, медом, рыбой, сыром, яйцами, маслом, сельдями и другими припасами
8	«Те, кто возделывает землю»	Крестьяне	Производство вина и зерна
9	«Те, кто занят лекарским делом»	Врачи	Излечение тела
10	«Отпавшие от христианства»	Актеры, игрецы, барбанчики и т. п.	Их жизнь направлена на дурное и на погибель

Бертольд Регенбургский считал, что шансы быть осужденными на вечные муки имеют 100 тысяч человек против одного спасенного, а соотношение этих избранных и проклятых обычно изображалось как маленький отряд Ноя и его спутников в сравнении со всем остальным человечеством, уничтоженным Потопом [см.: 15, с. 393].

Таким образом, проповедник рассматривал смерть души в контексте греховности социального поведения представителей различных слоев традиционного общества. При этом его подход способствовал зарождению функционального анализа социальных явлений.

Современник Бертольда Простеца Фома Аквинский (1225-1274), представитель поздней схоластики, синтезируя учения Аристотеля и христианские истины, создал свою всеобъемлющую философию, где много внимания уделено социальным аспектам смерти. В «Сумме теологии» он писал: «Смерть можно рассматривать двояко. Во-первых, как зло человеческой природы, и в этом смысле она не исходит от Бога и является изъяном, возникшем в человеке вследствие его грехопадения. Во-вторых, как обладающую аспектом блага, а именно как являющуюся праведным наказанием, и в этом смысле она – от Бога» [29].

По его мнению, суицид является незаконным по трем причинам: 1) «самоубийство, будучи противно естественному закону и любви к горнему, всегда является смертным грехом»; 2) «любой человек является частью общества», поэтому «убивающий себя человек совершает неправомерный поступок» по отношению к нему; 3) «одному только Богу дано решать, кому умереть, а кому – жить» [29]. В итоге, в Средневековье феномен самоубийства вычленяется из общей проблематики, направленной на осмысление сущности Бога и его творения (мир – общество – человек) [20].

Стоя на страже католического вероучения, Фома призывал: «... еретики по осуждению их ереси должны быть не только отлучены, но и преданы смерти» [29]. По Аквинату, «грех – это не чистая лишенность, а действие, лишенное должного порядка, и потому грехи различаются по виду согласно объектам своих действий, а не согласно своим противоположностям» [29]. Поэтому «если сравнивать убийство и богохульство с точки зрения объектов этих грехов, то ясно, что богохульство, которое является грехом, совершенным непосредственно против Бога, тяжче убийства, которое является грехом, совершенным против ближнего» [29].

Для него зло – это, прежде всего, метафизическое зло, коренящееся в неправильном образе бытия человека, недостаточной природе его благо-бытия [5, с. 130]. Отсюда вывод: «Если человек становится опасным и заразным для общества по причине некоторого греха, то с точки зре-

ния сохранности общественного блага его убийство будет похвальным и полезным» [29]. Уничтожить злодея «надлежит только тому, кому поручено оберегать благополучие общества» – земным князьям и духовным лицам(!).

Признавая, что «война греховна всегда» и «все войны незаконны», Аквинат утверждал: «...для того чтобы война была справедливой, необходимы три вещи. Во-первых, полномочность правителя, по приказу которого ведется война. Во-вторых, необходимо наличие справедливой причины, а именно чтобы атакованные были атакованы потому, что заслужили это некоторым своим проступком. В-третьих, необходимо, чтобы воюющая сторона имела справедливое намерение, то есть чтобы ее намерением было утверждение добра или предотвращение зла» [29].

Согласно теологу, государство невозможно без правовых норм, которые власть должна поддерживать и защищать. Целью государства является достижение общего блага, мира и благополучия. Конечная же цель жизни человека – достижение блаженства, обретаемого в созерцании Бога в загробном мире [6].

Эсхатология и сотериология христианства, фундированные отцами церкви и другими богословами, содержат ряд идей танатосоциологического порядка, послужившие основой для дальнейших изысканий в этом направлении.

Эпоха Ренессанса ознаменовала «интеллектуальный поворот» от трансцендентного к насущному, от Бога к человеку, интерес к наследию Античности, распространение идей гуманизма. Многие философы этого периода выступали за свободу личности и против религиозного аскетизма, за право индивида на удовлетворение земных потребностей, наслаждение и счастье.

Среди социально-политических мыслителей Возрождения видное место занимает Никколо Макиавелли (1469-1527), государственный деятель, дипломат, историк, карьера которого знала взлеты и падения – от битья плетью до тюремного заключения и ссылки. В его взглядах противоречиво сочетались республиканизм и антиклерикализм, цинизм и патриотизм.

Отвергнув однобокие оценки творчества «ославленного» флорентинца, современные зарубежные и отечественные ученые высоко оценивают вклад Н. Макиавелли в развитие политико-философских, социально-исторических и социально-психологических исследований.

Знаменитый трактат «Государь» (1513) содержит яркие примеры анализа танатосоциологической проблематики и, наряду с этим, жестоких

рекомендаций правителю. Исходя из специфики человеческой природы, Макиавелли утверждал: «Князю нельзя основываться на том, что он видит во времена мирные, когда граждане нуждаются в государстве; тогда каждый суется, обещает и хочет за него умереть, пока смерть далека; но в минуту неудачи, когда государство нуждается в гражданах, на помощь ему приходят только немногие» [22, с. 66].

Мыслитель справедливо указывал на ненадежность наемных воинов: «Причина этого та, что в них нет ни преданности, ни другого побуждения, удерживающего их в строю, кроме ничтожного жалования, которого недостаточно, чтобы они были готовы за тебя умереть. Они охотно согласны быть твоими солдатами, пока ты не воюешь, но едва наступает война, они бегут или уходят» [22, с. 70].

В трактате «О военном искусстве» (1519-1520) Макиавелли обличал наемников-иностранцев: «...подонки страны: буяны, ленивые, разнужданные, безбожники, убежавшие из дому, богохульники, игроки» [22, с. 417]. Он полагал, что «людей следует или ласкать, или истреблять, так как они мстят за легкие обиды, а за тяжелые мстить не могут» [22, с. 44].

Вполне «обоснованным» выглядит следующее предостережение Макиавелли: «Недостаточно будет тебе истребить род Князя: ведь уцелеет та родовая знать, которая будет во главе новых переворотов, и, не имея возможности ни удовлетворить ее, ни уничтожить, ты потеряешь это государство, как только представится случай» [22, с. 50].

В своих рассуждениях мыслитель учитывал взаимосвязь политического режима и памяти о прошлом: «... в республиках больше жизни, больше ненависти, острее жажда мщения; память о древней свободе не позволяет и не может позволить им успокоиться; так что самое верное средство – это уничтожить их вовсе или самому там поселиться» [22, с. 52].

Автор «Государя» убедительно показывает возможности «силового» воздействия на общественное сознание: «... герцог велел однажды утром выставить на площади Чезены тело Рамиро, разрубленное пополам около плахи с окровавленным ножом. Это зрелище одновременно и удовлетворило народ, и привело его в оцепенение» [22, с. 58].

«Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1531) Н. Макиавелли содержат две знаменательные философские сентенции: «жизнь государей коротка» и «люди рождаются, живут и умирают всегда сообразно одним и тем же законам» [22, с. 143].

Богатством танатосоциологических наблюдений отличается «История Флоренции», написанная в 1520-1525 гг. (опубликована посмертно

в 1532 г.). Уже в начале своего сочинения мыслитель отмечал: «Люди, живя среди стольких бедствий, во взоре своем отражали смертную тоску своих душ, ибо, помимо всех горестей, которые им приходилось переносить, очень и очень многие не имели возможности прибегнуть к помощи божией, надеждой на которую живут все несчастные» [23, с. 17].

Одна из центральных тем его штудий – «никчемные правители и их постыднейшие войны». Макиавелли был уверен в меркантильности интересов инициаторов войн: «Цель всех тех, кто когда-либо начинал войну, всегда состояла в том, - и это вполне разумно, - чтобы обогатиться самим и сделать врага беднее. [...] Война обогащает того государя или ту республику, которые разбивают врага наголову, забирают себе в добычу все, чего хотят, и получают выкуп за пленных» [23, с. 218].

Макиавелли выделял в социальной структуре общества элиту и массы [11]. Обе эти группы, как правило, находятся в состоянии антагонизма. Описывая экономические притязания обеих общностей и их влияние на политику и право, он подчеркивал, что по причине того, что одна часть граждан жаждет иметь еще больше, а другая боится утратить приобретенное, люди доходят до вражды и мятежей.

Исследователь указывал на «изворотливость» вождей восставших ремесленных цехов, которые убеждали своих последователей: «А о совести нам тоже нечего беспокоиться: там, где, как у вас, существует страх голода и тюрьмы, нет и не должно быть места страху перед адскими муками» [23, с. 115].

В итоге, «вертикальная объяснительная схема (“человек – небо”) сменилась горизонтальной объяснительной схемой (“мотивы человека – мотивы человека”) [4, с. 290].

Труды Макиавелли позволили по-новому взглянуть на проблему взаимоотношений морали, религии и политики, они оказали влияние на творчество М. Вебера, В. Парето и А. Грамши и придали импульс дальнейшему формированию основ танатосоциологии.

Эпоха Ренессанса связана с распространением жанра социальных утопий. Так, «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (1516) [24] английского государственного деятеля и мыслителя Томаса Мора (1478-1535) отражает специфику взглядов автора на базовые танатосоциологические вопросы (табл. 2).

Примечательно, что Т. Мор одним из первых в истории общественно-политической мысли указал на необходимость: 1) социальной реабилитации «тех, кто часто возвращается домой калеками с войн внешних

Взгляды Томаса Мора на проблему смерти

Но-мер п/п	Вопрос	Взгляды
1	Рабство	«обращают в рабство своего гражданина за позорное деяние или тех, кто у чужих народов был обречен на казнь за совершенное им преступление»; «рабы <...> постоянно заняты работой, <...> закованы в цепи»; «трудолюбивый и бедный батрак из другого народа предпочитает пойти в рабство к утопийцам добровольно»
2	Война	«сильно гнушаются войною, как деянием поистине зверским»; «признают вполне справедливой причиной для войны тот случай, когда какой-либо народ, владея пустошью и понапрасну такой территорией, которой не пользуется сам, отказывает все же в пользовании и обладании ею другим»
3	Отношение к больным	«больницы прекрасно устроены и преисполнены всем нужным для восстановления здоровья; уход в них применяется самый нежный и усердный; наиболее опытные врачи присутствуют там постоянно»
4	Отношение к суициду	«если кто причинит себе смерть, не доказав причины ее священникам и сенату, то его не удостоивают ни земли, ни огня, но без погребения позорно бросают в какое-нибудь болото»
5	Эвтаназия	«если болезнь <...> не поддается лечению, но доставляет постоянные мучения <...>, то священники и власти обращаются к страдальцу с такими уговорами: он должен сам себя изъять из нее или дать свое согласие исторгнуть себя другим»
6	Последний путь	«из больных они оплакивают всех, а из покойников никого, кроме тех, кто <...> расстается с жизнью со страхом и против воли»; их выносят «с печалью и в молчании и зарывают труп в землю после молитвы милостивому к душам богу, чтобы он по своей благодати простил их слабости»; похороны «тех, кто скончался бодрым и исполненным доброй надежды» «сопровождают пением, <...> сжигают их тела скорее с уважением, чем со скорбью, и воздвигают на этом месте столп с вырезанными на нем заслугами умершего»
7	Верования	«мертвые пребывают среди живых, наблюдая за их словами и деяниями. Поэтому <...> утопийцы приступают к своим делам с большой смелостью, а вера в присутствие предков удерживает их от тайных бесчестных поступков»

или гражданских», так как «после потери членов тела ради государства и ради короля убожество не позволяет им вернуться к прежним занятиям, а возраст – изучить новые»; 2) социального обеспечения «земледельцев, угольщиков, поденщиков, ломовых извозчиков и рабочих», «когда на них обрушатся старость, болезни и тяжкая нужда» [24].

Специалисты полагают, что характеристика модели образцового государства у Мора выстроена «от противного» – резкой социальной критики реалий тюдоровской Англии.

Мор продолжил традицию, заложенную Платоном. Его сочинение представляет собой противоречивый «сплав» гуманизма и клерикализма: он бичует «кровавое» законодательство о рабочих, выступает против смертной казни, страстно обличает политику огораживания («овцы поели людей»), но при этом в Утопии «все наиболее тяжкие преступления караются игом рабства», действует всеобщая трудовая повинность, фундамент идеального государства составляет антииндивидуализм.

Отметим, что «Утопия...» значима еще и тем, что она «была тренировкой социологического воображения» [30, с. 19], послужив «прологом» подхода, разработанного Ч. Р. Миллсом. Хотя позднее социология возникла именно как опровержение и преодоление утопии [26, с. 110].

Жизнь Т. Мора прервалась трагически – он погиб на плахе за свои религиозные убеждения, не приняв реформационные преобразования английского короля Генриха VIII.

Протестантизм сформировался на основе возвращения к апостольскому христианству, переосмысления предшествующих идей (например, было отвергнуто учение Аристотеля о смертности души и вечности мира), отказа от почитания мощей и др.

Инициатор Реформации Мартин Лютер (1483-1546) – человек, остро переживший «тревогу смерти и вины» (П. Тиллих): безвременную кончину младших братьев от чумы, конфликты с отцом, монашеский постриг и расстрижение, отлучение из-за обвинений в ереси, угрозу пожизненного заключения и казни на костре, искушение властью и др.

Вступив на путь противостояния Римско-католической церкви, Лютер доказал теолого-юридическую несообразность индульгенций: 1) антицерковные прегрешения (убийство священника, святотатство, колдовство) оценивались выше остальных; 2) происхождение денег (например, добытых преступным путем), затрачиваемых на приобретение отпущения грехов, было совершенно безразлично для церкви; 3) они могли приобретаться впрок под грядущие проступки; 4) они придавали имущественному и сословному неравенству мирообъемлющий смысл –

оно выступало как неравенство в перспективе оправдания и спасения. В результате, индульгенции оказывались дискриминационной мерой, отдалявшей от Бога бедных и немощных [27, с. 94-95].

Анализируя концепцию призвания Лютера, М. Вебер подчеркивал, что, с точки зрения реформатора, «монашеский образ жизни не только бессмыслен для оправдания перед Богом, но и являет собой лишь порождение эгоизма и холодного равнодушия, пренебрегающего мирскими обязанностями человека» [9, с. 97-98].

Однако подход М. Лютера к решению социальных проблем отличался противоречивостью: его «солидаристский императив» («человек живет только для других, а не для себя» [18]) вполне сочетался со «смертельным приговором» крестьянам-мятежникам («поскольку они своевольно и злобно ломают повиновение, к тому же восстают против своих господ, то заслуживают телесной и духовной казни, как неверные, клятвопреступные, лживые, непокорные негодяи и злодеи» [19]).

Не менее показательна в содержательном плане разница между памфлетами реформатора «Иисус Христос родился евреем» (1523) и «О евреях и их жи» (1543). Если первое сочинение преследует цель побудить некоторых иудеев приобщиться к христианской вере [16], то второе проникнуто духом антисемитизма («нужно разорить и разрушить их дома, тогда им негде будет укрыться, они будут изгнаны» [17]). По сути, диапазон содержания сочинений – от указания пути преодоления духовной смерти до прямых призывов совершить возмездие по отношению к отступникам.

Другой лидер Реформации Жан Кальвин (1509-1564), как и Лютер, прошел через тяжелые испытания – преждевременная смерть жены и единственного сына, многолетние болезни, изнурительная борьба за свободу консистории от государственной опеки и т. п.

Во фрагменте «О христианской жизни» (1536) он задает экзистенциальные для христианина вопросы: «Если расставание с этим миром означает вступление в жизнь, то разве этот мир – не усыпальница? И разве пребывание в нем означает не погружение в смерть?» [11]. С его точки зрения, «жить – это как стоять на посту, куда поставил нас Господь и где мы должны оставаться до тех пор, пока Он не отзовет обратно» [13].

М. Вебер уделил особое внимание концепции предопределения Ж. Кальвина. Придерживаясь августирианской традиции, женеvский реформатор утверждал, что всемогущий Бог предназначил одних людей к спасению и вечной жизни, а других к гибели. При этом по их поведению невозможно «определить, избраны они или осуждены на вечные муки»

[9, с. 147]. Предопределение совершается на путях Промысла Божия вне зависимости от волеизъявления человека, его образа мыслей и жизни.

Анализ текстов Лютера и Кальвина свидетельствует об определенной близости их представлений о смерти (табл. 3).

Традиционно исследователи подчеркивают антропологическую направленность социального учения протестантизма. Вместе с тем, Э.Ю. Соловьев квалифицирует «персонализм ранней Реформации» как «мученический, страдательный, порой даже мизантропически мрачный» [28, с. 80]. На наш взгляд, более обоснован вывод А.С. Гагарина о том, что отличительной чертой нового – протестантского – подхода оказывается дистанцирование от смертного часа, от агонии и, в конечном счете, от физической смерти со всеми ее страхами. Главное – это медитация, размышление о смерти, но человеку нельзя обольщаться иллюзией вечного земного бытия и надо быть всегда готовым к уходу [10, с. 339-345].

В целом, теология и философия инициировали не только изменение взглядов и образа жизни многих людей, но и выступили в качестве источников оригинальных социологических концепций о тесной взаимосвязи религиозно-этического и социального начал бытия, о специфике влияния

Таблица 3

Представления основателей протестантизма о смерти

Но- мер п/п	Вопросы	Лютер	Кальвин
1	Душа чело- века	«Полна грехом, смер- тью и проклятием»	«Человек таит в душе целую все- ленную пороков»
2	Отлучение (духовная смерть)	«Если его правильно применять, целебно и безвредно, а не губи- тельно для души»	Право отлучения принадлежит церковной общине, а не государ- ственным властям
3	Война	«Войны и муки, и все порождаемое войной и военным правом, уч- реждено Богом»	«Войны, которые ведут прави- тели и народы, как средство ох- ранять спокойствие и отмщения, законны. Их следует избегать и помнить, что целью войны дол- жен быть поиск мира»
4	Отношение к смерти	«Надлежит призывать христиан, чтобы они с радостью стремились следовать за своим гла- вой Христом через на- казания, смерть и ад»	«Несмотря на гнетущие напасти, надо постоянно устремлять взор к нашей кончине, чтобы научиться презирать земную жизнь и посред- ством этого пробудиться к раз- мышлению о будущей жизни»

религиозных установок на отношение к смерти. Особенно явственно влияние христианского богословия прослеживается в концепциях смерти феноменологической социологии, что требует отдельного рассмотрения.

Список литературы

1. Августин Аврелий. Исповедь / Августин Аврелий // Лабиринты души. Симферополь: Реноме, 1998. С. 5-206.
2. Он же. О бессмертии души [Электронный ресурс] / Августин Аврелий. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-bessmertii-dushi/ (дата обращения: 20.04.2017).
3. Он же. О граде Божьем [Электронный ресурс] / Августин Аврелий. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/ (дата обращения: 20.04.2017).
4. Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма / М.А. Барг. М.: Мысль, 1987. 348 с.
5. Бобков В.Н. Духовные и социокультурные проблемы современности в диалоге с наследием св. Фомы Аквинского / В.Н. Бобков, Г.Н. Артамонов // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 3 (193). С. 129-138.
6. Боргош Ю. Фома Аквинский / Ю. Боргош. Пер. с пол. 2-е изд. М.: Мысль, 1973. 183 с.
7. Бычков В.В. Эстетика Аврелия Августина / В.В. Бычков. М.: Искусство, 1984. 263 с.
8. Вебер М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. Пер. с нем. М.: Юрист, 1994. 704 с.
9. Он же. Избранные произведения / М. Вебер. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
10. Гагарин А.С. Экзистенциалы человеческого бытия: Одиночество, смерть, страх: От Античности до Нового времени / А.С. Гагарин. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 437 с.
11. Горяинов Р.В. Политическая социология Н. Макиавелли [Электронный ресурс] / Р.В. Горяинов. URL: <http://www.ibci.ru/pages/Goryainov.htm> (дата обращения: 20.04.2017).
12. Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства / А.Я. Гуревич. М.: Искусство, 1990. 398 с.
13. Кальвин Ж. О христианской жизни [Электронный ресурс] Ж. Кальвин. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/kalvin/hrgizn.php (дата обращения: 20.04.2017).
14. Кисилева Е.А. Социальная дидактика в церковной поучительной литературе XIII века на примере немецких проповедей Бертольда Регенсбургского / Е.А. Кисилева // Вестник ВГУ. Сер. История, социология, политология. 2007. № 1. С. 141-146.
15. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. Пер. с фр. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.

16. Лютер М. Иисус Христос, рожденный евреем (1523) [Электронный ресурс] / М. Лютер. URL: [http://luthers.ru/phocadownload/ userupload/togdevrem.pdf](http://luthers.ru/phocadownload/userupload/togdevrem.pdf) (дата обращения: 20.04.2017).
17. Он же. О евреях и их лжи (1543) [Электронный ресурс] / М. Лютер. URL: <http://www.vehi.net/asion/martin2.html> (дата обращения: 20.04.2017).
18. Он же. О свободе христианина (1520) [Электронный ресурс] / М. Лютер. URL: http://krotov.info/library/12_1/ut/er_12.html (дата обращения: 20.04.2017).
19. Он же. Против разбойничьих и грабительских шаек крестьян (1525) [Электронный ресурс] / М. Лютер. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XVI/1520-1540/Luther_Martin/text1.phtml (дата обращения: 20.04.2017).
20. Лященко М.Н. Суицид «глазами» Сократа и Августина Блаженного / М. Н. Лященко // Суицидология. 2013. № 4. С. 64-65.
21. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии: Латинская патристика / Г. Г. Майоров. М.: Мысль, 1979. 431 с.
22. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве / Н. Макиавелли. М.: Мысль, 1997. 640 с.
23. Макиавелли Н. История Флоренции / Н. Макиавелли. Л.: Наука, 1973. 439 с.
24. Мор Т. Утопия [Электронный ресурс] / Т. Мор. URL: <http://www.lib.ru/INOOLD/MOR/utopia.txt> (дата обращения: 20.04.2017).
25. Пилецкий С. Г. Аврелий Августин о мести и возмездии / С. Г. Пилецкий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. Вып. 4. С. 109-118.
26. Сапов В.В. Европейский утопизм XVI-XVII вв. / В. В. Сапов // История теоретической социологии: В 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 100-110.
27. Соловьев Э.Ю. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время / Э. Ю. Соловьев. М.: Мол. гвардия, 1984. 288 с.
28. Он же. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры) / Э. Ю. Соловьев. М.: Политиздат, 1991. 432 с.
29. Фома Аквинский. Сумма теологии [Электронный ресурс] / Фома Аквинский. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii> (дата обращения: 20.04.2017).
30. Шацкий Е. Утопия и традиция / Е. Шацкий. Пер. с польск. М.: Прогресс, 1990. 455 с.
31. Шишков А.М. Бертольд Регенсбургский [Электронный ресурс] / А. М. Шишков. URL: <http://www.pravenc.ru/text/78206.html> (дата обращения: 20.04.2017).
32. Berthold von Regensburg. Vollständige Ausgabe seiner Predigten [Электронный ресурс] / Berthold von Regensburg. Hg. Fr. Pfeiffer. Bd. 1. Wien, 1862. URL: [https://books.google.fr/books?id=eRAtAAAAYAAJ&printsec=frontcover&dq=inauthor:”Berthold+\(von+Regensburg\)”&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwWj6K3fM7TAhXB6CwKnhbSOCjYQ6AEIJDA#v=onepage&q&f=false](https://books.google.fr/books?id=eRAtAAAAYAAJ&printsec=frontcover&dq=inauthor:”Berthold+(von+Regensburg)”&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwWj6K3fM7TAhXB6CwKnhbSOCjYQ6AEIJDA#v=onepage&q&f=false) (дата обращения: 20.04. 2017).

1.3. Музей Л.Н. Когана как пространство воображения: опыт включения в учебный курс¹

Для чего современному студенту приходится на занятия в вуз? Сегодня в его распоряжении не только множество разнообразных сведений, хаотично разбросанных по Интернету и книгам, но и специальным образом организованная информация, скажем, в виде массовых открытых онлайн-курсов (МООК). Возможность удаленного интернет-обучения с недавнего времени предлагают все больше отечественных вузов, перспективы и ограничения МООК активно муссируются российскими специалистами в течение последних 5–6 лет [см., напр., 3, 5, 6, 8, 11]. Вопрос о мотивации посещения учебного заведения в таких условиях приобретает особую остроту. Обычно отвечают на него, делая ставку на живое межличностное общение студентов между собой и с преподавателями, его синергетический эффект. Полагаю, к этому важному аргументу стоит добавить еще один – возможность использовать пространство университета, причем не только непосредственно в аудитории, но и за ее пределами. Задача настоящей статьи – представить опыт включения университетских экскурсий в изучение магистерского курса «Эксперимент в социальных науках».

Как известно, вузы выступают площадкой как для временных выставок, так и постоянных экспозиций различного рода. В корпусе Уральского федерального университета (УрФУ) на Ленина, 51 (ранее Уральский госуниверситет – УрГУ) квартируют музей УрГУ, музей Б.У. Кашкина и Центр современной культуры (ЦСК), а с октября 2016 г. и музей Л.Н. Когана. Музеи принимают посетителей в определенные часы по предварительной записи, музей УрГУ к тому же ютится в маленькой комнате, затрудняющей проведение групповых экскурсий. Зато ЦСК факультета искусствоведения и социокультурных технологий размещает свои экспозиции в холле 4 этажа, в часы работы университета они доступны в любое время и для довольно большого количества посетителей.

Знакомство с одной из выставок ЦСК 2017 г. «Как Феникс из пепла. Уничтожение и восстановление Варшавы 1939-1955» [10] в ходе изучения вышеназванной дисциплины стало пробным камнем для: а) проведения части занятия вне аудитории, но в пределах университета и б) использования в рамках методической дисциплины ресурсов университета, не спе-

1 В основу статьи легли идеи, представленные автором на Всероссийской конференции «Новосибирские научные чтения памяти Т. И. Заславской» 20-22 сентября 2017.

циализированных для изучения социологических методов. На примере этой выставки мы с магистрантами-социологами попытались смоделировать различные варианты кейс-стади, варьируя объекты и контексты. Скажем, если объектом выступает сама экспозиция, то контекстами будут: тот отрезок 4 этажа, где она размещена, пространство того или иного факультета, университета в целом, Польский культурный центр, подготовивший выставку, и т.п.

Теоретико-методологическая проблематизация в рамках заявленной темы статьи возможна по двум направлениям. Во-первых, это методологическая коллизия между исследовательскими стратегиями кейс-стади и эксперимента. Кейс-стади рассматривается в курсе «Эксперимент в социальных науках» как своего рода антипод основного метода. Действительно, кейс-стади, обычно относимое к качественной методологии, и эксперимент как воплощение логики позитивистской науки с ее опорой на количественные методы, принадлежат к совершенно разным и нередко враждующим традициям. Д. Кэмпбелл, автор классической работы по эксперименту, фактически объявляет единичное кейс-стади вне закона, когда говорит о невозможности строить научное знание на основании изучения изолированного объекта и необходимости хотя бы одного сравнения [7, с. 49]. Вместе с тем, существует практика совместного рассмотрения этих двух исследовательских стратегий [13], где распространенной становится трактовка естественного эксперимента как кейс-стади [12, 14].

Во-вторых, продуктивным представляется анализ учебного посещения выставок и музеев в контексте современных междисциплинарных *Museum Studies* и музейной социологии [см., напр., 4, 9]. Специфика нашей ситуации заключается в том, что студенты не просто одна из категорий посетителей наряду с работающим населением, детьми и пенсионерами. Думается, студент, который отправляется на выставку или в музей с конкретным заданием в рамках изучаемой дисциплины, представляет собой совершенно особую фигуру, которую еще предстоит осмыслить в контексте как музейных штудий, так и исследований образования. В подобном ключе выдержана недавняя статья М. Богуниа-Боровской [2], где обсуждается посещение студентами нескольких польских музеев и написанные впоследствии эссе.

В рамках названного курса в весеннем семестре 2016/2017 уч.года мы с магистрантами-социологами УрФУ посетили музей Л.Н. Когана. Музей был создан совсем недавно подвижническими усилиями к.ф.н. Н.Н. Маликовой и ряда других людей, открытие 20 октября 2016 г. было приурочено к V конгрессу РОС, проходившему в Екатеринбурге. Студен-

Рис. 1. В музее Л.Н. Когана – рассказ Н. Н. Маликовой

там было дано задание фиксировать свои наблюдения, организуя их по пунктам: музей – экспозиция – потенциал использования. Н.Н. Маликова провела экскурсию, которая не оставила равнодушных. Музей располагается в маленькой аудитории, в центре которой сохранен стол и стулья, по стенам расположены застекленные стенды. Небольшую часть времени в начале и конце экскурсанты провели за столом, имея возможность законспектировать рассказ (рис. 1). Далее было последовательное знакомство с каждым стендом, причем в некоторых случаях дверца открывалась и посетители могли подержать в руках музейный артефакт. Надо сказать, что именно эти интерактивные опции музея – возможность потрогать отдельные экспонаты, а также личное знакомство Натальи Николаевны с Л.Н. Коганом студенты отмечали как особое преимущество.

С интересом рассматривались отчеты социологической лаборатории УрФУ 1970-80-х гг. (рис. 2). Отпечатанные на машинке и сброшюрованные, они представляют собой ушедшую культуру делопроизводства, но в то же время несут и много знакомого современным студентам в оформлении результатов социологических исследований. В конце

Рис. 2. В музее Л.Н. Когана – посетители листают отчеты социологической лаборатории УрГУ

предусматривалось время для вопросов. На протяжении всего посещения экскурсанты вели письменные и аудиозаписи, фотографировали.

Следующим шагом по возвращении в учебную аудиторию стало небольшое обсуждение по горячим следам и задание для эссе, которые выполнялись до итоговой аттестации. Далее – экзаменационная работа. По мотивам похода в музей студенты по мини-группам разрабатывали модели эксперимента и кейс-стади, каждая группа выступала с презентацией в режиме защиты и группового обсуждения. В моделировании использовали различные планы истинного и квази-эксперимента, меняя экспериментальную переменную, участников и ситуацию. Например, если в классической схеме:

$$\begin{array}{ccc} R O_1 & & O_2 \\ R O_3 & X & O_4 \end{array}$$

варьируется экспериментальное воздействие, то в качестве X может выступать экскурсия (первая группа запущена в пространство без экскурсии, вторая группа – с экскурсией) или творческая составляющая биографии Л.Н. Когана. Измеряется при этом знание участниками истории возникновения университета, факультетов, Уральской социологической школы. Чтобы избежать эффекта тестирования, предлагается проводить предварительное тестирование в завуалированной форме, скажем, в качестве контрольной работы на паре по истории социологии (Косицина, Старикова, Хафизова)².

В других случаях в одном эксперименте используются различные воздействия:

$$\begin{array}{l} R X_1 O_1 \\ R X_2 O_2 \\ R X_3 O_3 \end{array}$$

Для того, чтобы узнать, влияет ли статус экскурсовода на вовлеченность студентов, предлагается менять экскурсоводов: X₁ – студент, X₂ – преподаватель, X₃ – декан.

Эффективность действий по продвижению музея, их влияние на посещаемость отслеживает квази-эксперимент по плану временных серий:

$$O_1 O_2 O_3 O_4 X O_5 O_6 O_7 O_8$$

Здесь O₁ O₂ O₃ O₄ представляют собой замеры посещаемости музея до «продвиженческих манипуляций», O₅ O₆ O₇ O₈ – после них (Дамина, Богатов, Евсеенкова), серийные замеры снижают негативный эффект от отсутствия контрольной группы. Участниками подобных экспериментов в представленных моделях выступают студенты разных курсов, социологи и несоциологи, одного вуза и разных. Кстати, в своих эссе молодые люди отмечали, что музей Когана важен для представителей не только социологического факультета УрФУ, но и других факультетов и вузов.

При моделировании кейс-стади варьируются набор методов, объекты и контексты. Так, в разных кейс-стади объектами выступают: личность Когана, виртуальный музей Когана, экскурсия, экспозиция, студенты во время экскурсии, другие посетители и др.

Сравнивая данную форму изучения методов с другими, также применяемыми в рамках курса, получаем следующее. 1) Придумывая свои примеры для различных экспериментальных планов, студенты неплохо развивают профессиональное воображение и почти не допускают оши-

² Здесь и далее в скобках приводятся фамилии студентов – авторов презентаций и эссе.

бок, однако все примеры оказываются из разных областей и не всегда укладываются в общую картину, которая помогла бы высветить особенности каждой схемы. 2) Разбирая описанные в литературе эксперименты, студенты имеют дело с плодами чужого воображения, выверенным методическим дизайном и разнородными примерами, как и в первом случае. 3) Разрабатывая собственные модели, авторы презентаций допускали ошибки, которые, как правило, обнаруживались другими студентами в ходе общего обсуждения, однако эта деятельность стимулировала социологическое методическое воображение как никакая другая. Кроме того, все действовали в одном поле, обыгрывая общий опыт знакомства с реально существующим музеем, что делало обсуждение более предметным и живым.

Достоинством включения музея в учебный процесс, помимо развития профессионального мышления в рамках конкретного предмета, представляется знакомство студентов с личностью Л.Н. Когана, сферой его интересов и стилем работы, приобщение молодых людей к истории факультета и университета в контексте истории Урала и всей страны в XX в. Это «скорее не экскурсия, а презентация целого биографического исследования» (Евсеенкова). Среди перспектив студенты видят создание виртуального музея Л.Н. Когана, ссылку в «Википедии» – подобные идеи хорошо укладываются в тенденцию расширения представительства музеев в интернет-пространстве, включая их учебные опции, в т.ч. в режиме MOOK [1, 11]. В реальном же музее, по мнению молодых людей, будут уместны лекции и семинары, посвященные истории российской социологии, социологические игры, беседы и такие эксклюзивные мероприятия для небольших групп, как поэтические вечера. В целом, презентации и эссе содержат целый ряд любопытных предложений, которые могут быть реализованы в ходе развития деятельности музея. Ну а говоря непосредственно о себе, наши молодые социологи говорили о получении «глотка мотивации» по написанию магистерской диссертации как магии этого музея (Дамина).

Список литературы

1. Белоусова Н.А., Боброва Л.Ю. Музейные собрания вузов в информационных научно-образовательных проектах // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 151-154.
2. Богуниа-Боровска М. The museum as a space of social relations. Oskar Schindler's Enamel factory museum in Cracow and Polin museum of the history of Polish Jews in Warsaw // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5 (135).

3. Гречушкина Н.В., Арабчикова Ю.И. К вопросу о готовности преподавателей к осуществлению педагогической деятельности в ИКТ-насыщенной образовательной среде // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 1. №. 3. С. 144-146.
4. Дубин Б.В. Архив и высказывание. К социологии музея в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. №. 3 (103). С. 106-109.
5. Золотухин С.А. Преимущества и недостатки массовых открытых онлайн-курсов // Дискуссия. 2015. №. 4. С. 97-102.
6. Кухаренко В.Н. Инновации в e-Learning: массовый открытый дистанционный курс // Высшее образование в России. 2011. №. 10. С. 93-99.
7. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. СПб.: Соц.-психол. центр, 1996. 392 с.
8. Петрова Л.Е., Кузьмин К.В. Виртуальная академическая мобильность студентов посредством MOOCs: методические решения преподавателя вуза // Педагогическое образование в России. 2015. №. 12. С. 177-182.
9. Петрова Н.Ф. Частные коллекции, меценатство, музеи (социокультурологический анализ) // Социологические исследования. 1996. №. 7. С. 68-78.
10. Приглашаем на новую выставку в ЦСК // Факультет искусствования и социокультурных технологий. URL: <http://art.igni.uifu.ru/index.php/anonsy/priglashaem-na-novuyu-vystavku-v-tssk-kak-feniks-iz-pepla.html> (дата обращения: 24.09.17).
11. Сизова И. А. Музей и массовые открытые онлайн курсы // Вопросы музеологии. 2016. №. 1 (13). С. 97-104.
12. Lee A. S. Case studies as natural experiments // Human Relations. 1989. №. 42 (2). P. 117-137.
13. Lloyd-Jones G. Design and control issues in qualitative case study research // International Journal of Qualitative Methods 2003. №. 2(2). P. 33-42.
14. Rock M. J., Graham T. M., Massolo A., McCormack G. R. Dog-walking, dog-fouling and leashing policies in urban parks: Insights from a natural experiment designed as a longitudinal multiple-case study // Landscape and Urban Planning. 2016. №. 153. P. 40-50.

1.4. Многомерные методы обработки вопросов с множественным выбором на примере здоровьесберегающих стратегий современных студентов

Вопросы с возможностью множественного выбора (вопросы типа «меню», multiple response, поливариантные вопросы и т.д.) достаточно часто присутствуют в социологическом инструментарии опросного типа и всегда вызывают определенные трудности в обработке и анали-

зе данных. Если взять в качестве примера четыре последних крупных опроса российского студенчества, проведенных Российским обществом социологов, в которых автор статьи принимал непосредственное участие в организации процессов сбора, обработки и анализа данных [4,5], то получается следующая картина: в исследовании «Олимпиада и Паралимпиада в мнениях и оценках (2014)» вопросы с множественным выбором составили 48% всех содержательных вопросов, в исследовании «Студенты о Великой Отечественной войне (2015)» – 62% [6], в исследовании «Студенты о социальном неравенстве и социальной несправедливости (2016)» – 11% [7], в исследовании «Исследование РОС, посвященное году экологии в России (2017)» – 48% [1]. Речь идет о доле среди содержательных вопросов, исключая вопросы так называемой «паспортички» или социально-демографического блока анкеты, которые практически всегда предполагают единственный ответ.

Одномерная и двухмерная обработка подобных вопросов как правило не вызывает затруднений – в современных программах обычно представлены процедуры формирования таблиц частотно-процентных распределений для переменных с множественным выбором [3, с. 207-219]. Дальнейший анализ подобных вопросов обычно сводится к использованию отдельных значений подобных переменных в качестве бинарных (переменных принимающих 0, если данный ответ не выбран, и 1, если ответ выбран). Вместе с тем, подобный подход (закрывающийся в использовании значений переменных с множественным выбором по отдельности друг от друга и в описании частотно-процентных таблиц, и в других методах анализа в качестве бинарных переменных) на взгляд автора статьи является недостаточным, поскольку при этом теряется весьма важная информация – информация о совместном выборе сразу нескольких ответов одновременно. Получается, что сложившаяся практика обработки и анализа вопросов с множественным выбором зачастую противоречит самой сути данных вопросов, заключающейся в том, что респонденты указывают нам определенные комбинации ответов, и данная информация совместного выбора не должна утратиться в процессе анализа данных.

В данной статье будет приведен обзор и сравнительный анализ нескольких процедур, которые позволяют не утратить информацию совместного множественного выбора ответов. В качестве основного инструмента будет использована программа обработки и анализа социологической и маркетинговой информации «Vortex», версия 10 [8], разработанная автором данной статьи, но аналогичные процедуры можно применять и в других программах обработки данных, например в пакете SPSS.

В качестве рассматриваемого кейса взят пример из еще не законченного исследования РОС, посвященного году экологии в России (научный руководитель, автор анкеты Г.С. Широкалова). На момент написания статьи в основной базе присутствует 2651 анкета, что, на наш взгляд, более чем достаточно для демонстрации техник обработки.

Один из вопросов данного исследования, направленный на изучение особенностей личного поведения студентов, звучал так: «Что вы предпринимаете, чтобы сберечь свое здоровье?». Вопрос предполагал возможность любого количества вариантов ответа и возможность дописать собственный ответ («другое»). Столь длинный список ответов сформировался на основе предшествующих и пилотажных исследований, поэтому вариант «другое» оказался практически бесполезным – свой вариант добавили только 36 опрошенных (менее 1,5% от числа ответивших на данный вопрос). Как видно из данных, представленных в табл. 1, всего на данный вопрос ответили 2 467 человек из 2 651 опрошенного, причем в сумме они дали 13 538 ответов. Таким образом, каждый опрошенный дал в среднем 5,5 ответа одновременно, что можно увидеть в табл. 1 по суммарному проценту из последней колонки (% от ответивших) – 548,76%.

Из анализа процентов ответивших по табл. 1 видно, что большинство студентов, в первую очередь, ради сбережения здоровья отказывается от вредных привычек (наркотики, курение, алкоголь, случайные половые связи), во вторую очередь, занимается активными действиями – спортом, следят за питанием, не забывают отдыхать, соблюдают режим дня, смотрят передачи и читают литературу о здоровье и, в последнюю очередь – выбирают формы определенной изоляции: избегают новостей, чтобы не расстраиваться, уходят от проблем в социальные сети, компьютерные игры, стараются дружить с тем, у кого «нет проблем», уходят для успокоения в церковь, общину и т.п. Однако при этом возникает закономерный вопрос – а какие стратегии сбережения здоровья наиболее распространены среди студентов? Ведь на основании данной таблицы нельзя утверждать, что не курят и не употребляют алкоголь одни и те же люди – возможно, кто-то допускает для себя одну, а кто-то – другую вредную привычку, комбинируя их с определенной формой активного поведения или изоляционизма. Для решения этой проблемы сначала обратимся к самому простому средству – определим, какие комбинации ответов на данный вопрос встречаются наиболее часто.

Однако здесь нас подстерегает другая проблема – число возможных сочетаний от 1 до 19 из 19 ответов составляет $19!$ или $2,216 \cdot 10^{17}$.

Таблица 1

Что вы предпринимаете, чтобы сберечь свое здоровье?

Валидные	Значения	Частота	% от ответов	% от опрошенных	% от ответивших
1	Не употребляю наркотики	1951	14,41	73,59	79,08
2	Не курю	1791	13,23	67,56	72,60
3	Не вступаю в случайные половые связи	1632	12,05	61,56	66,15
4	Не забываю отдыхать	1430	10,56	53,94	57,97
5	Не употребляю алкоголь	1243	9,18	46,89	50,39
6	Занимаюсь спортом	1161	8,58	43,79	47,06
7	Слежу за своим питанием	969	7,16	36,55	39,28
8	Заболев, сразу обращаюсь к врачам	493	3,64	18,60	19,98
9	Соблюдаю режим дня	465	3,43	17,54	18,85
10	Не смотрю ТВ, не читаю газет, чтобы не расстраиваться	368	2,72	13,88	14,92
11	Смотрю передачи о здоровье, читаю литературу	283	2,09	10,68	11,47
12	Ничего не делаю, живу, как живется	274	2,02	10,34	11,11
13	«Ухожу от проблем» в социальные сети	273	2,02	10,30	11,07
14	Делаю по утрам зарядку	260	1,92	9,81	10,54
15	Помогают отвлечься компьютерные игры	255	1,88	9,62	10,34
16	Стараюсь дружить с теми, у кого нет проблем	243	1,79	9,17	9,85
17	Для успокоения хожу в церковь, общину	165	1,22	6,22	6,69
18	Стремлюсь переехать в экологически чистый район	147	1,09	5,55	5,96
19	Занимаюсь аутотренингом	99	0,73	3,73	4,01
20	Другое	36	0,27	1,36	1,46
	Сумма:	13538	100,00	510,68	548,76
	Итого ответивших:	2467		93,06	100,00
Пропуски	пустые ячейки	184		6,94	
ИТОГО:		2651		100,00	

Просчитать частоту всех возможные сочетания практически не представляется возможным. На самом деле, используемый алгоритм не предполагает оценку всех возможных комбинаций – наличие комбинации определяется по факту – программа перебирает анкету за анкетой и если новая комбинация встретилась, добавляет ее к списку [9]. Поэтому число комбинаций не может превысить число документов (анкет) в базе. Вместе с тем, перебор комбинаций в нашем случае не дает удовлетворительный результат (см. данные табл. 2). Дело в том, что когда опрошенные дают сразу много вариантов (в данном случае в среднем 5,5), каждая оригинальная комбинация из большого количества вариантов будет характеризоваться достаточно низкой частотой. Поэтому почти 90% у нас ушло в «другое» – сумма комбинаций, которых придерживается менее чем 20 опрошенных. Таким образом, анализ комбинаций будет эффективным только при условии существенного ограничения числа возможных ответов на вопрос («выберите не более 2-3 ответов», «не более трех ответов» и т.п.).

Итак, поскольку в нашем случае метод комбинаций оказался неэффективным из-за большого числа одновременно выбираемых ответов, то обратимся к многомерному методу, допускающему неоднозначное разделение по совокупности выбранных ответов – кластерному анализу. В нашем случае, поскольку разделению на кластеры подлежат бинарные переменные, рекомендуется использовать методы анализа, учитывающие этот момент [10].

Как показывают данные табл. 3, нас снова ждала неудача. Программа в качестве оптимального решения выбрала решение из двух кластеров и шести кластеров. Причем решение из 6 кластеров значительно проигрывало решению из двух кластеров как по математическим (среднее расстояние между центрами кластеров в отношении к средней плотности кластеров), так и по содержательной интерпретации – два из 6 кластеров оказалось довольно трудно интерпретировать. Поэтому было решено пока остановиться на двух кластерах. Как следует из данных табл. 3, второй кластер характеризуется значительно большим числом тех, кто предпринимает активные действия и отказывается от вредных привычек. Таким образом, мы условно разделили совокупность опрошенных студентов на тех, кто не имеет четкой ориентации на ЗОЖ (здоровый образ жизни) (1-й кластер) и тех, кто ориентирован на ЗОЖ (2-й кластер). Как следует из графической интерпретации кластерного анализа (см. рис. 1), решение выглядит достаточно четким – два кластера слабо пересекаются.

Таблица 2

Комбинации: Что вы предпринимаете,
чтобы сберечь свое здоровье?

Валид- ные	Комбинация ответов	Частота	%
1	Другое	2166	87,91
2	Ничего не делаю, живу, как живется	42	1,70
3	Не употребляю алкоголь. + Не курю. + Не вступаю в случайные половые связи. + Не употребляю наркотики	37	1,50
4	Не употребляю алкоголь. + Не курю. + Не вступаю в случайные половые связи. + Не употребляю наркотики. + Не забываю отдыхать	35	1,42
5	Не употребляю алкоголь. + Не курю. + Слежу за своим питанием. + Занимаюсь спортом. + Не вступаю в случайные половые связи. + Не употребляю наркотики. + Не забываю отдыхать	28	1,14
6	Не курю. + Занимаюсь спортом. + Не вступаю в случайные половые связи. + Не употребляю наркотики. + Не забываю отдыхать	26	1,06
7	Не употребляю алкоголь. + Не курю. + Занимаюсь спортом. + Не вступаю в случайные половые связи. + Не употребляю наркотики	23	0,93
8	Не употребляю алкоголь. + Не курю. + Занимаюсь спортом. + Не вступаю в случайные половые связи. + Не употребляю наркотики. + Не забываю отдыхать	22	0,89
9	Не вступаю в случайные половые связи. + Не употребляю наркотики. + Не забываю отдыхать	22	0,89
10	Не курю. + Не вступаю в случайные половые связи. + Не употребляю наркотики. + Не забываю отдыхать	22	0,89
11	Не курю. + Слежу за своим питанием. + Не вступаю в случайные половые связи. + Не употребляю наркотики. + Не забываю отдыхать	21	0,85
12	Не употребляю алкоголь. + Не курю. + Слежу за своим питанием. + Занимаюсь спортом	20	0,81
	Итого ответивших:	2464	100,00

Таблица 3

Характеристики и конечные центры кластеров
по всем опрошенным студентам

Характеристика/Кластер:	1. Нет чекой ориентации на ЗОЖ	2. Ориентация на ЗОЖ	В целом
Объем кластера (чел.)	1360	1107	2467
Конечные центры кластеров (доля от объёма кластера)			
Не употребляю алкоголь	0,356	0,686	0,504
Не курю	0,595	0,887	0,726
Слежу за своим питанием	0,089	0,766	0,393
Занимаюсь спортом	0,223	0,775	0,471
Делаю по утрам зарядку	0,060	0,161	0,105
Занимаюсь аутотренингом	0,030	0,052	0,040
«Ухожу от проблем» в социальные сети	0,138	0,078	0,111
Помогают отвлечься компьютерные игры	0,124	0,078	0,103
Стараюсь дружить с теми, у кого нет проблем	0,093	0,105	0,099
Соблюдаю режим дня	0,097	0,301	0,188
Не вступаю в случайные половые связи	0,569	0,775	0,662
Не употребляю наркотики	0,704	0,898	0,791
Заболев, сразу обращаюсь к врачам	0,149	0,263	0,200
Для успокоения хожу в церковь, общину	0,046	0,093	0,067
Смотрю передачи о здоровье, читаю литературу	0,067	0,173	0,115
Не забываю отдыхать	0,503	0,674	0,580
Не смотрю ТВ, не читаю газет, чтобы не расстраиваться	0,153	0,145	0,149
Стремлюсь переехать в экологически чистый район	0,042	0,081	0,060
Ничего не делаю, живу, как живется	0,171	0,037	0,111

Сопоставляя два полученных кластера по ответам на другие вопросы анкеты [11], удалось выяснить, что представители этих двух кластеров совершенно сходны по социально-демографическим параметрам, но сильно различаются по экологическому сознанию и поведению. Так, студенты, попавшие в кластер ориентированных на ЗОЖ, значительно чаще и сильнее обеспокоены различными экологическими проблемами,

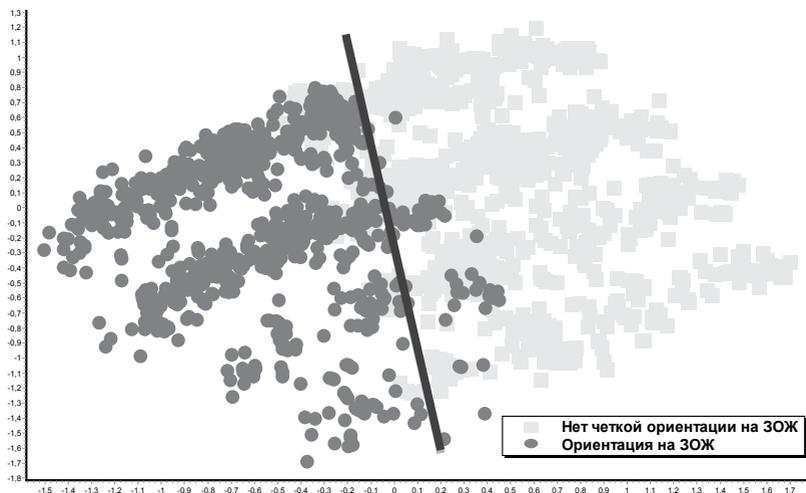

Рис. 1. Двухмерная проекция опрошенных студентов с распределением по двум кластерам

тщательно следят за составом употребляемых ими продуктов питания, выбирая экологически чистые, полезные продукты без различных добавок. Эти люди чаще обладают активной жизненной позицией в сфере экологии – они значительно чаще чувствуют свою ответственность за экологическое состояние нашей планеты, чаще участвуют в экологических мероприятиях в качестве волонтеров, чаще делают замечания тем, кто мусорит и разрушает окружающую среду и чаще кормят и помогают бездомным животным.

Таким образом, в результате выделения двух кластеров мы получили достаточно четкое разделение массива опрошенных студентов на две не пересекающиеся группы, характеризующихся различным экологическим сознанием и поведением. Но данное разделение выглядит достаточно грубым – очевидно, что внутри этих групп также возможно выделить несколько различных классов. Для решения этой задачи можно применить технику последовательного кластерного анализа [2]. Суть ее в том, что мы сначала выделили два кластера верхнего уровня, а теперь внутри каждого кластера проведем отдельный кластерный анализ как для тех, кто ориентирован, так и для тех, кто не ориентирован на ЗОЖ.

Как следует из данных табл. 4, среди 1107 студентов, ориентированных на ЗОЖ, нам удалось выделить три кластера: 1. Пассивные, 2.

Активные, 3. Изоляционисты. Сразу следует признать данное выделение достаточно условным – во всех трех кластерах студенты почти не пьют, не курят, не употребляют наркотики, не вступают в случайные половые связи и т.д, то есть избегают вредных привычек и при этом активно за-

Таблица 4

Характеристики и конечные центры кластеров студентов, ориентированных на ЗОЖ

Характеристика/Кластер:	1. Пассивный	2. Активный	3. Изоляционист	В целом
Объем кластера (чел).	798	164	145	1107
Конечные центры кластеров (доля от объёма кластера)				
Не употребляю алкоголь	0,683	0,695	0,690	0,686
Не курю	0,881	0,890	0,917	0,887
Слежу за своим питанием	0,752	0,884	0,710	0,766
Занимаюсь спортом	0,764	0,823	0,779	0,775
Делаю по утрам зарядку	0,000	1,000	0,097	0,161
Занимаюсь аутотренингом	0,030	0,159	0,055	0,052
«Ухожу от проблем» в социальные сети	0,041	0,122	0,228	0,078
Помогают отвлечься компьютерные игры	0,061	0,091	0,152	0,078
Стараюсь дружить с теми, у кого нет проблем	0,089	0,110	0,186	0,105
Соблюдаю режим дня	0,267	0,476	0,290	0,301
Не вступаю в случайные половые связи	0,782	0,677	0,848	0,775
Не употребляю наркотики	0,907	0,848	0,903	0,898
Заболев, сразу обращаюсь к врачам	0,256	0,335	0,221	0,263
Для успокоения хожу в церковь, общину	0,075	0,159	0,117	0,093
Смотрю передачи о здоровье, читаю литературу	0,168	0,220	0,152	0,173
Не забываю отдыхать	0,684	0,585	0,717	0,674
Не смотрю ТВ, не читаю газет, чтобы не расстраиваться	0,000	0,091	1,000	0,145
Стремлюсь переехать в экологически чистый район	0,070	0,091	0,131	0,081
Ничего не делаю, живу, как живется	0,029	0,030	0,090	0,037

нимаются спортом. Однако удалось выделить группу студентов, которая ведет свой ЗОЖ еще более активно: все 164 студента из 2-го кластера по утрам делают зарядку, половина соблюдают режим дня, несколько чаще следят за своим питанием, занимаются спортом, в случае болезни – активнее обращаются к врачам, чаще других интересуются литературой и передачами о здоровье. Анализ по другим переменным данного исследования [12] показал, что в этом кластере чаще, чем среди остальных, ориентированных на ЗОЖ, встречаются мужчины, при этом представители данного кластера гораздо реже делают замечания другим людям и чаще участвуют в решении экологических проблем сами.

Кроме того, удалось выделить группу студентов (3-й кластер – 145 человек), которые, избегая вредных привычек и занимаясь спортом, в остальном нередко нацелены на определенное изолирующее поведение – не читают газет и не смотрят новостей, чтобы не расстраиваться (100%), чаще других «уходят от проблем» в социальные сети, расслабляются в компьютерных играх, предпочитают дружить с теми, у кого «нет проблем» и стремятся переехать в экологически чистый район. Представители данного кластера чаще других испытывают затруднения с деньгами и вынуждены покупать продукты по принципу «на что денег хватит», их меньше, чем других студентов, ориентированных на ЗОЖ,

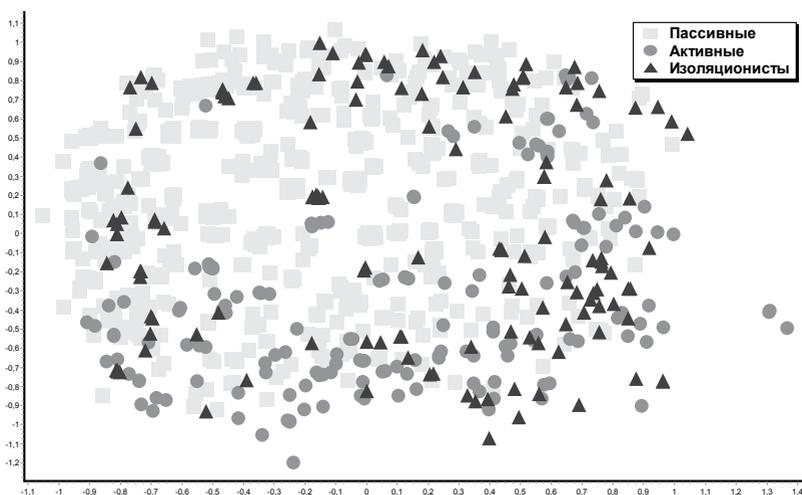

Рис. 2. Двухмерная проекция студентов, ориентированных на ЗОЖ, с распределением по трем кластерам

беспокоят такие экологические проблемы, как качество воздуха, санитарное состояние родного дома, ухудшение здоровья населения и т.д.

Как показывает рис. 2, распределение по кластерам в данном случае получилось графически не очень удачным – если между активным и спортивным кластером существует более-менее четкая граница, то изоляционисты «рассыпаны» по всей поверхности, пересекаясь с «активными» и «пассивными». Это связано с тем, что кластер изоляционистов

Таблица 5

Характеристики и конечные центры кластеров студентов,
НЕ ориентированных на ЗОЖ

Характеристика/Кластер:	1. Да – вредным привычкам	2. Нет – вредным привычкам	В целом
Объем кластера (чел.)	537	823	1360
Конечные центры кластеров (доля от объема кластера)			
Не употребляю алкоголь	0,214	0,448	0,356
Не курю	0,395	0,725	0,595
Слежу за своим питанием	0,168	0,038	0,089
Занимаюсь спортом	0,335	0,149	0,223
Делаю по утрам зарядку	0,067	0,056	0,060
Занимаюсь аутотренингом	0,039	0,024	0,030
«Ухожу от проблем» в социальные сети	0,123	0,147	0,138
Помогают отвлечься компьютерные игры	0,097	0,142	0,124
Стараюсь дружить с теми, у кого нет проблем	0,074	0,106	0,093
Соблюдаю режим дня	0,114	0,086	0,097
Не вступаю в случайные половые связи	0,101	0,875	0,569
Не употребляю наркотики	0,346	0,937	0,704
Заболев, сразу обращаюсь к врачам	0,127	0,163	0,149
Для успокоения хожу в церковь, общину	0,048	0,044	0,046
Смотрю передачи о здоровье, читаю литературу	0,052	0,077	0,067
Не забываю отдыхать	0,356	0,599	0,503
Не смотрю ТВ, не читаю газет, чтобы не расстраиваться	0,119	0,175	0,153
Стремлюсь переехать в экологически чистый район	0,032	0,049	0,042
Ничего не делаю, живу, как живется	0,210	0,146	0,171

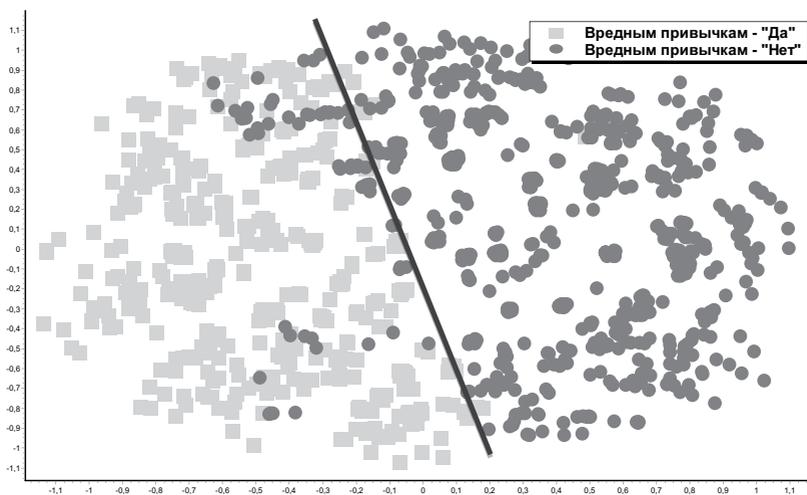

Рис. 3. Двухмерная проекция студентов, НЕ ориентированных на ЗОЖ, с распределением по двум кластерам

получился наименее плотным – разные студенты выбирают разные формы изоляционного поведения, кто-то больше уходит в соц. сети, кто-то – в игры, кто-то мечтает переехать в «чистый» район и т.д.

Аналогично было проведено и исследование тех студентов, кто не ориентирован на здоровый образ жизни. Здесь снова наиболее оптимальным получилось решение из двух кластеров (см. данные табл. 5). Первый кластер практически не готов отказаться от вредных привычек, хотя здесь немного больше студенты занимаются спортом и следят за своим питанием. Второй кластер в большей степени избегает вредных привычек, что отчасти его роднит с «пассивным» кластером из табл. 4 (но там отношение к курению и алкоголю значительно более жесткое), но при этом студенты данного кластера совсем редко занимаются спортом и ведут спортивный образ жизни.

Сравнение двух групп в данном случае показало, что в первом кластере значительно больше мужчин, а во втором – женщин. В первом кластере студенты почти не обращают внимание на состав продуктов, не делают никому замечаний и не предпринимают волонтерских экологических действий, различные экологические проблемы их почти не беспокоят. Рис. 3 показывает, что различия между этими двумя кластерами вновь прослеживаются достаточно четко.

Таким образом, проведя последовательный кластерный анализ, нам удалось выделить пять кластеров, которые при различном отношении к собственному здоровью характеризуются совершенно разным экологическим сознанием и поведением.

Список литературы

1. Бериков В.Б., Лбов Г.С. Современные тенденции в кластерном анализе. 2008 г. Часть 6. Логические модели в кластерном анализе Информационно-коммуникационные технологии в образовании [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ict.edu.ru/ft/005638/62315e1-st02.pdf> (дата обращения: 30.09.2017).
2. Бююль А., Цефель П. SPSS: искусство обработки информации Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. Diasoft, 2005.
3. Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В., Икингрин Е.Н., Пронина Е.И. Через исследования к доверительному сотрудничеству // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 80-83.
4. Пронина Е.И., Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В., Икингрин Е.Н. Из опыта организации и проведения Всероссийским обществом социологов всероссийских социологических опросов // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне : материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого; Рос. общ-во социологов; М-во образования и науки РФ; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 450-453.
5. Шкурин Д. В. Сравнительная оценка качества данных офлайн и онлайн опросов Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия» (электронный журнал) 2015г. № 8(60) с. 101-105. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journal-discussion.ru/publication.php?id=1426> (дата обращения: 30.09.2017).
6. Шкурин Д.В. Вопросы методики исследования рос «студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» (организация сбора и обработки информации, оценка репрезентативности и качества данных) с.106 -120. Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости : сборник научных статей / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Москва : Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/41255/1/978-5-904804-22-0_2016.pdf (дата обращения 30.09.2017).
7. Шкурин Д.В. Программа обработки и анализа социологической и маркетинговой информации «Vortex». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vortex10.ru> (дата обращения: 30.09.2017).
8. Шкурин Д.В. Руководство пользователя к программе обработки и анализа социологической и маркетинговой информации «Vortex». Процедура

«Комбинировать ответы Поливариантной переменной» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cawi.fsocium.com/vortex/help/transform/combine_poly.html (дата обращения: 30.09.2017).

9. Там же, процедура «Кластерный анализ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cawi.fsocium.com/vortex/help/analyz/k_means.html (дата обращения: 30.09.2017).

10. Там же, процедура «Сравнение двух групп» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cawi.fsocium.com/vortex/help/analyz/group_comp.html (дата обращения: 30.09.2017).

11. Там же, процедура «Описание группы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cawi.fsocium.com/vortex/help/analyz/qroup_descr.html (дата обращения: 30.09.2017).

1.5. Этическая компонента реформирования экономики

Когда действуют рыночные принципы, социальные нормы уходят в лучшем случае на второй план. Современные реформы демонстрируют практически полное игнорирование социальных норм. Человек всегда жил в противоречивых условиях, с одной стороны – рыночные отношения, а с другой – социальные нормы. При отсутствии со стороны общества действенных механизмов социально-этического и культурного воздействия победу одерживают рыночные требования.

Спустя четверть века после начала реформ постсоветское общество оказалось перед комплексом проблем, которые в рамках современной теоретической экономики не имеют эмпирического решения. Предпринимаемые государством механизмы регулирования социально-экономических отношений, к сожалению, не позволяют выйти из глубокого кризиса. На наш взгляд, проблемы реформирования и дальнейшего успешного функционирования экономики связаны с комплексом проблем места и роли человека в обществе. Необходимо отметить, что до настоящего времени нет системного анализа причин развала огромной страны, отказа от исторических попыток возвышения морали и нравственности в обществе. Можно по-разному относиться к теории и практике социализма. Сложно отрицать тот факт, что основные идеологические лозунги содержали исторические чаяния человека. О роли морально-нравственной компоненты великие философы оставили огромное теоретическое наследие. Аристотель, Платон и другие представители интеллектуальной цивилизации, рассуждая о проблемах «хорошо», «плохо», «справедливо», «несправедливо» и т.д., неоднократно обращали внимание на необхо-

димось непрерывного совершенствования и самосовершенствования человека. Аристотель в работе «О душе» обратил внимание: «Ведь душа есть как бы начало живых существ». В контексте нашего небольшого исследования в понятие «душа» мы вкладываем, прежде всего, все элементы практической этики. [1].

Бесспорно, изучение души вызывает серьезное затруднение. По мнению Аристотеля, «душа ничего не испытывает без тела и не действует без него». К тому же поведение человека во все времена определялось и будет определяться мышлением. Все проявления человеческой души давно стали основными предметами исследования теоретической этики. Не вдаваясь в подробности исследований проблем этики, основной акцент хотели бы сделать на следующих проявлениях морально-нравственного поведения. Наиболее распространенной эмоциональной реакцией подавляющего большинства населения в настоящее время является негодование. Оно выражается в разных формах. В его истоках лежат экономические процессы и механизмы реформирования. Беглый анализ высказываний в средствах массовой информации, общение в коллективах, форумы в социальных сетях переполнены грубыми выражениями, негативными эмоциями и т.д. Упование на то, что свобода поведения и проявления эмоций – это проявление утилитарного либерализма, не подтверждается его содержанием. Только утилитарный либерализм и неолиберализм поддерживают свободу безо всяких ограничений и ориентируют на ограниченное использование человека.

Родоначальник утилитарного направления в либерализме Джон Стюарт Милль в работе «Утилитаризм» писал следующее: «Мы, конечно, не можем не признать, что утилитаризму, как и приверженцам других систем, свойственны немалые крайности, что касается применения их принципов: от пуританской нетерпимости в целом доктрин, которая явно ставит во главу угла общечеловеческих интересов обуздания и предотвращения любых форм поведения в обществе, попирающих законы нравственности. [3]. Приведенные слова написаны в начале XIX в. Однако реформаторы, воспользовавшись отсутствием элементарных знаний истории экономических учений, жесткой дифференциацией предметов исследования в экономике и этике сумели заложить основы такой экономики, в которой избавление от промышленности, введение платности образования и медицинского обслуживания стали основой формирования общества безграничного и часто безнравственного потребления. Практически бесконтрольная эксплуатация сырьевых ресурсов стала основным источником новых частных собственников. Приватизация природного

богатства проходила без научного обоснования в условиях, когда подавляющее большинство населения в буквальном смысле слова тратило силы на выживание. Бедный человек не мог размышлять о сути приватизации общественных благ, о том, что рекомендации поклонников Гарварда не имеют ничего общего с принципами морали и нравственности.

Возвращение на путь господства частной собственности позволяет сформулировать фундаментные проблемы сочетания экономики и этики. Во-первых, этические компоненты экономической теории и практики сложно считать второстепенными. Во-вторых, разделенное изучение экономических и нравственных процессов затрудняет изучение и управление механизмами и структурой потребления. В-третьих, акцентирование внимания государства на состоянии финансов неизбежно сопровождается нарушением элементарных прав человека. Сокращение расходов на социальные условия жизнедеятельности человека не только безнравственно, но демонстрирует полное игнорирование мультипликативного эффекта формально используемой экономики.

В рамках предложенного формата сложно раскрыть содержание большинства проблем этико-экономического содержания. Выбранные нами проблемы обусловлены наибольшей обеспокоенностью общественности. В настоящее время архисложно отделить результаты производственной, общественной и политической деятельности от личностных характеристик, поведенческих практик и целей каждого человека. По сложившимся в настоящее время стереотипам не обсуждается вопрос о том, что многие кризисные явления на всех уровнях социальной организации по сути есть ничто иное, как проявления системы нравственных ценностей и этических практик. Специалисты, гордящиеся высоким уровнем макроэкономических знаний, совершенно спокойно ради достижения мифического экономического равновесия готовы на снижение уровня жизни трудящихся. Несмотря на то, что существование прямой зависимости между потреблением и производством доказано всей историей цивилизационного развития, представители примитивно либеральной экономики предпринимают максимум усилий для замораживания низких доходов. Для многих наше утверждение о том, что государственная политика сдерживания реальных заработных плат значительной части занятых в общественном производстве служит финансовым источником коррупционных, т.е. абсолютно аморальных, схем, может показаться неубедительным. Однако в условиях нехватки средств для функционирования производства государство (т.е. государственные чиновники) демонстрируют определенную заботу о человеке. Формы особого внимания

могут быть разные: от решения проблем по предоставлению льготного налогообложения до прямого финансирования из государственного бюджета. Использование названных механизмов невозможно без непосредственного участия чиновника. В условиях ограниченности финансовых ресурсов, т.е. дефицита, соответственно растет цена каждой единицы государственного финансирования.

Так как собственники во все времена стремились к выгоде, закономерно встает вопрос о том, кому и почему выгодно поддерживать низкий уровень потребления подавляющего большинства населения. На первое место, по нашему глубокому убеждению, претендуют представители банковской и финансовой сфер. Сложно найти объективную информацию не только о величине общих доходов руководителей высшего и среднего звена служащих в банках, но и о тенденциях их изменений. Безнравственность политики постоянного обнищания проявляется еще и в том, что советники различных международных финансовых институтов и последователи начинают все громче и настойчивее утверждать о проведении полной приватизации всех природных ресурсов и общественных благ. Даже если большинство считает глубоко ошибочной политику диверсификации частной собственности, это не останавливает всемогущие банки. Конфискация имущества за долги, причем часто самыми варварскими методами, стала обыденным делом. Финансовые последствия безнравственной политики носят латентный характер. Хотя по сути своей все чаще сравнимы с потерями в локальных войнах. Так как должники не организованы, уход из жизни по времени не всегда совпадает с лишением средств к существованию, безнравственность формально верной политики возврата долгов не является предметом системных гуманитарно-экономических исследований.

Демографы много пишут и говорят о проблемах сокращения численности населения, разрабатывают и вносят различные предложения о выходе из «демографической ямы». Однако, как уже отмечалось, остаются на позициях узкой специализации и дифференциации предмета исследования. Соответственно, возникает вопрос о наличии в данном утверждении противоречия между этическими принципами и экономикой. Трудность определения этической компоненты в демографических исследованиях заключается в том, что формально демографы проявляют повышенный интерес к реальным данным о сокращении численности. На практике экономические процессы оказываются вне интереса ученых. Демографы, как и представители других гуманитарных наук, в настоящее время оказались перед фундаментальной проблемой разработки инте-

гральных понятий, включая этическую компоненту. Сложно провести анализ всех публикаций по демографической тематике. Оппоненты могут не согласиться с утверждением о том, что в нынешнем состоянии демографическая проблематика не затрагивает этические и моральные аспекты государственной демографической политики. Все постсоветские страны реализуют программы демографической безопасности, Республика Беларусь не исключение. Ни в первой, ни во второй государственных программах обеспечения демографической безопасности нет ни слова о влиянии нравственной ответственности в обществе на рождаемость, смертность, трудоспособное здоровье и т.д. Этические представления о добре и зле по-прежнему оцениваются как личное дело каждого человека.

Личное, частное, общественное в экономической науке носит жестко разделенный характер. Примеры массового производства говорят об обратном. Конечный результат отдельного предприятия, отрасли, да и общественного производства в целом во все большей степени оказывается в прямой зависимости от морально-нравственного облика одного специалиста, его поведенческих ценностей. Широко распространенное стереотипное утверждение о том, что этика и мораль не являются научными дисциплинами, никакого отношения к экономике не имеет. В то же время, все чаще одной из причин различных техногенных аварий и катастроф называется «человеческий фактор». Как правило, содержание понятия «человеческий фактор» не раскрывается.

Современная этика широко интегрирует в себя научные стили мышления, поскольку в области морали одним из решающих условий грамотного этического суждения является умелое использование научных методов исследования. В этике – это исследование этической ситуации, успех в решении которой в решающей степени зависит от тщательности и всесторонности использования методов анализа, сравнения, просчитывания вариантов, выяснения причин и следствий предпроблемной, проблемной и постпроблемной моральной ситуации, умения видеть те нормы, которые вовлечены в моральную ситуацию, умения соизмерять их как по сути, так и по последствиям выбора той или иной моральной нормы. Моральный поступок человека – это результат сложнейших процессов, происходящих в его сознании, однако эффективность и адекватность его тем больше, чем большую роль в нем играет разум, действующий на основе достижений научных методов исследования.

Современная цивилизация уже в начале XX в. оказалась перед выбором между усилением частной собственности и созданием новых общественно-собственнических отношений. Сегодня приходится

с определенной горечью и болью констатировать поражение общества, стремившегося к новому культурно-гуманитарному наполнению, высшим моральным и духовным ценностям. В определенной степени может служить утешением тот факт, что в нынешнем году лауреатом Нобелевской премии объявлен экономист Ричард Талер. Специалист, который несколько десятилетий тому назад аргументированно доказал несостоятельность основных постулатов используемой экономической теории. Необходимо также отметить, что многие действующие теоретики и практики либо не захотели, либо не знали о том, что родоначальник классической экономической теории, философ по образованию А. Смит до написания работы «Исследование о природе и причинах происхождения богатства» опубликовал результаты научного исследования «Теория нравственных чувств». В центре внимания ученого оказались личностные характеристики человека, его чувства, эмоции и т.д. Сознание, его природное и социальное происхождение, по мнению ученого, часто оказывают значительное влияние на выбор жизнедеятельности. Устремленность людей к богатству нередко вызвана честолюбием, они хотят отличиться, обратить на себя внимание, вызвать одобрение, похвалу. Основной целью человека, по мнению А. Смита, является тщеславие, а не благосостояние или удовольствие. Богатство выдвигает человека на первый план, превращая в центр всеобщего внимания. Бедность означает безвестность и забвение. Люди сопереживают радостям государей и богачей, считая, что их жизнь есть совершеннейшее счастье. Существование таких людей является необходимостью, так как они являются воплощением идеалов обычных людей. Главной причиной искажения нравственных чувств, по Смиуту, есть наша готовность восхищаться богатыми и знатными людьми, презирать людей бедных. Почитание знатности и богатства подменяет уважение к благоразумию и добродетели, а презрение к бедности и ничтожеству часто более видимо, чем отвращение к сопутствующим им пороку и невежеству. Интерес к жизни так называемых богатых оказывается гораздо важнее, чем смерть простых людей во время гражданских и локальных конфликтов [4].

В конце XIX в. проблемы праздного, а не рационального поведения нашли отражение в работе Т. Веблена «Теория праздного класса». Его выводы о том, что богатые не заинтересованы в инвестировании производства, не потеряли актуальности до настоящего времени. Сложившаяся практика принципиальных различий между доходами самых богатых и остальным обществом убедительно подтверждает слова Т. Веблена: «Отношение праздного класса к экономическому процессу является де-

нежным отношениям – отношением стяжательства, а не производства, эксплуатации, а не полезности ... Обычай мира бизнеса сложились под направляющим и избирательным действием законов хищничества или паразитизма» [1, с. 216].

Оппоненты, ратующие за укрепление богатства и расширение частной собственности, приводили и будут приводит одиночные примеры благотворительной деятельности. История развития цивилизации неоднократно и убедительно доказывает, что «зло», порождаемое безграничным ростом богатства одних и обнищания других, нельзя победить насилием.

В настоящее время, когда экономические кризисы стали яркой приметой времени, поиск новых источников развития, прежде всего, определение места и роли человека приобретают особую актуальность. Этика таким образом закономерно претендует на первое место. Культура человека (общая, профессиональная) давно стала фундаментальной системой создаваемых ценностей. Чтобы понять суть необходимых преобразований, требуются огромные усилия на пути отказа от господствующих стереотипов в экономике и этике. Принято считать, что человек обладает свободой, волей, его поведение цивилизовано, он способен делать сознательный выбор и видеть реальную действительность. Причины боязни самопознания, признания собственных недостатков и несовершенств остаются непостижимы. Идеализация рационального поведения и способностей осуществлять разумный, морально обоснованный выбор принята экономической теорией безо всяких сомнений. А о том, что многие источники проблем находятся не в самом человеке, уровне социализации, а во внешних условиях, отсутствии должного контроля со стороны государства научные дискуссии и исследования не проводятся. Гипотетически человек обязан самостоятельно осознавать слабости, ограниченность этического багажа и духовного развития и принимать меры по преодолению. Решение проблем этического воспитания, поведения возможно только системными институтами общества.

Мир, управляемый рыночными механизмами, отбрасывает все, что не приносит прибыль. В нем нет места красоте и доброте отношений, сделки конкретны, заработные платы связаны с доходами и т.д. В рыночной среде вы получаете только то, за что платите. Социальные нормы не имеют цены и не приносят видимую выгоду. Собственник не склонен вкладывать в будущее содержание общества. В то же время социальные компоненты формируют содержание будущего. Столкновение рыночных и социальных норм в настоящее время приобрело всеобщий характер.

Несмотря на то, что существует определенная категория людей, работающих не за деньги, а под влиянием других мотивов, рыночные отношения базируются на получении выгоды. Соответственно, когда действуют рыночные принципы, социальные нормы уходят в лучшем случае на второй план. Современные реформы демонстрируют практически полное игнорирование социальных норм. Человек всегда жил в противоречивых условиях, с одной стороны – рыночные отношения, а с другой – социальные нормы. Победу одерживают рыночные требования.

В заключение хотелось бы акцентировать внимание на следующих проблемах развития. Традиционная экономика предполагает, что цены на рынке определяются балансом между затратами производителя и желанием потребителя. Данный вывод отражает содержание учебных курсов, большего количества публикаций. Согласно принципам классической экономической теории, потребители не полностью контролируют свои предпочтения. Достаточно манипулировать поведением потребителя, который готов потратить определенное количество денег, и все производственные проблемы решены. При этом исключается влияние этики, морали, нравственности на потребительский выбор и поведенческие принципы. В обществе сохраняется некий баланс между социальными и рыночными принципами. Его критичность требует радикального изменения отношения науки и общества к этической компоненте.

Список литературы

1. Аристотель. О душе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-libra.su/read/240475-o-dushe.html> (дата обращения: 04.10.2017).
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 368.
3. Милль Дж. Стюарт. Утилитаризм [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://padabum.com/d.php?id=204987> (дата обращения: 01.10.2017).
4. Смит А. Теория нравственных чувств [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1039709> (дата обращения: 02.10.2017).

1.6. Пространственное развитие регионов: потенциал теоретической и эмпирической социологии

Идентичность жителей, проживающих на определенной территории, как объект социально-гуманитарного анализа носит разнообразный исследовательский окрас. Изучение территориальной идентичности населения традиционно лежит в поле исследований экономической,

социальной, политической и рекреационной географии. Вариативность терминологии – территориальная идентичность, региональная идентичность, локальная идентичность – позволяет точнее выявить отдельные аспекты. Концепт территориальной идентичности применяется при анализе мотивов миграции, отношения коренного населения к приезжим мигрантам, которое связано со сложившимися ожиданиями относительно их поведения. Исследования территориальной идентичности неизбежно связаны с обращением к базовым социологическим категориям, таким как социальная идентичность, социально-пространственная идентичность, социальный капитал, социальные сети и др. Проявление территориальной идентичности на локальном уровне, по мнению Е.В.Карловой, уровне непосредственного межличностного и группового взаимодействия соотносится с географически предзаданной сетью социальных контактов; а географическое пространство, вызывающее у жителей чувства привязанности, безопасности и доверия, обеспечивающие сплоченность территориальной общности людей, напрямую определяет социальный капитал социума [5].

Исследователи сельско-городского пространства [12] отмечают, что даже противопоставление терминов «сельский» и «городской» не проясняет, а еще больше осложняет интерпретацию этих понятий. На основании эмпирического исследования безработицы в сельской Англии Э. Штерн и Дж. Турбин выделили 4 отличительных типа сельской местности: 1) традиционные сельские районы, которые географически изолированы и обладают значительной экономической активностью в сельскохозяйственном секторе, 2) городские маргинальные районы, в которых безработица вызвана соседством с более плотно населенными районами, 3) сезонные районы, где рабочие места в главном секторе местной экономики (такой, как сельское хозяйство или туризм), как правило, доступны только в определенные сезоны, 4) бывшие промышленные районы, в которых уход от производства или добывающей промышленности существенно усилился в последние годы [14].

Бедность и лишения, свойственные многим сельским территориям, могут наблюдаться в каждом из этих типов сельской местности, подтверждая тем самым наличие большой доли сельского населения, живущего в районах депривации (лишения). Население сельской местности испытывает три типа лишений, связанных с домохозяйством, возможностями и мобильностью [13]. Лишения в домохозяйствах относятся к ограничениям, вызванным низким доходом и плохими жилищными условиями, которые часто сопутствуют первому обстоятельству на селе. Ограничения

в доступе к возможностям связаны с недостатком рабочих мест и услуг. В свою очередь, неспособность населения найти доступную работу или получить определенную услугу приводит к лишению мобильности. Сосредоточение различных форм депривации может привести к изоляции отдельных групп в сельских районах.

Стоит отметить, что академическое понимание сельской местности часто сильно отличается от того, что понимают под ним сами жители села [11].

Российское территориальное пространство является чрезвычайно дифференцированным по географическим, климатическим, ресурсным, этническим признакам.

Пространственное развитие регионов – одна из актуальнейших задач Российской Федерации (Положение о содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации и подготавливаемых в ее составе предложений о совершенствовании системы расселения на территории Российской Федерации и приоритетных направлениях размещения производительных сил на территории Российской Федерации, от 20 августа 2015 г.). Концептуально в форме стратегического документа эта задача будет реализована рабочей группой по вопросам стратегического планирования в течение 2017 г. под руководством и контролем Министерства экономического развития Российской Федерации.

Для выявления и анализа факторов, условий и рисков пространственного развития Российской Федерации необходимо своевременно проводить социологические исследования в регионах по вопросам идентичности жителей, их миграционных практиках, удовлетворенности обустройством жизненного пространства. Информация, включающая освещение региональных особенностей развития городских и сельских пространств, содержится в «Социальном атласе российских регионов» (проект Независимого института социальной политики) [2], исследовательских проектах Института социологии РАН – М.К.Горшков, Н.И.Лапин, В.В.Маркин [1, 6] и др.

В Республике Татарстан комплекс социологических исследований, посвященных социальному развитию городского и сельского пространства региона, осуществляется Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан. За 2014-2016 гг. было реализовано более 8 эмпирических проектов («Социальный капитал села Республики Татарстан», «Образовательная мобильность сельской семьи», «Этнокультурные ценности семьи», «Семейная ферма как фактор стабили-

зации социально-демографической ситуации на селе», «Повышение деловой активности сельского населения по производству и реализации продукции в личных подсобных хозяйствах граждан», «Демографическое поведение мужчин сельских территорий Республики Татарстан» и др. – совокупная выборка 12000 опрошенных) [3, 4, 9]. Данные исследования проводятся в рамках научного сопровождения и реализации Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года. В ходе полевых экспедиций мобильной группой ученых Центра семьи и демографии АН РТ (при участии авторов статьи) было установлено, что социальная активность сельских семей способствует модернизации муниципального района, отражая объективные законы общественного развития. Данная характеристика сельского населения позволяет прогнозировать основные направления модернизации локального социума. Прогресс сельского общества обусловлен степенью осознания и практической реализацией населением инновационных возможностей. Становление сельских отношений нового типа в условиях модернизации социального пространства делает актуальным изучение дисперсного варианта развития сельского региона, в котором значимую роль играют малые формы жизнедеятельности. На примере Республики Татарстан показано, что модернизация села осуществляется с приоритетом поддержки традиционного уклада жизни (института семьи, соседских взаимоотношений), местных ценностей и инициатив, повышения качества инфраструктуры базовых социальных институтов и услуг на всем сельском пространстве Республики. Формируется и возникает новое пространство, конструируемое спецификой социального капитала и влиянием жизненной среды и исторической ретроспективой становления сельского социума в условиях глобализации и развития сетевых отношений.

Оригинальными являются выводы, к которым пришли якутские социологи при анализе сельского пространства своего региона: «важнейшая характеристика жизни якутского села – это выраженное чувство собственного достоинства. Каждый якутский наслег, как бы он ни был мал и где бы он ни находился территориально, переживает себя как мир, как сообщество безусловно значимых друг для друга людей, гордящихся своим происхождением и тем культурным микромиром, который они на протяжении многих сотен лет сообща строят...» [7]. По мнению Н.Д. Неустроева, А.Н. Неустроевой, данное качество не свойственно российскому селу. В якутских улусах (селах) достигнуто внедрение дополнительного образования детей, повысившее социально-экономи-

ческую востребованность и численность образовательных учреждений на селе. По утверждению авторов, в 2012 г. в Якутии охват детей дополнительным образованием превысил среднероссийские показатели и составил 58%. К образованию молодежи на Севере относятся как к фактору, способствующему социальному развитию села и сохранению этнонациональной идентичности. Воспитание в северных улусах осуществляется на основе этнопедагогической теории и практики.

Социально-пространственная идентичность приобретает позитивные характеристики при наличии идентификационных ориентиров из числа проживающих в деревне. Ими могут выступать члены семьи, идентификационные локации.

Исследование «Ценностные ориентации сельских учителей, учащихся и их родителей в условиях становления рыночной экономики на селе» выявило предметы гордости сельских старшеклассников (опрос проведен Институтом педагогики социальной работы Российской Академии образования в 2000-2003 г., 3106 респондентов из 17 сельских районов 9 социально-экономических зон России: Костромская область (Нерехтский район), Республика Карелия (Олонецкий район), Пензенская область (Каменский район), Московская область (Коломенский район), Республика Марий Эл (Советский район), Тамбовская область (Моршанский район), Калужская область (Боровский район), Республика Саха (Якутия) (Верхневилуйский район), Самарская область (Красноярский район), Пермская область (Чердынский район), Омская область (Большереченский район), Псковская область (Псковский район), Ярославская область (Тутаевский район), Нижегородская область (Перевозский район), Астраханская область (Черноярский район), Республика Коми (Троицко-Печорский район). Иерархия людей и мест, которые вызывают восхищение у сельской учащейся школьной молодежи, возглавляется фигурой матери – 72% и отца – 55,5%, несомненным авторитетом выступает школьный учитель – 23,3%, достаточно выраженной является позитивная оценка своей страны – 31%. Гордость своим селом и его жителями выразила небольшая группа молодежи – 15,7% [10]. Прямой вопрос, отражающий позицию сельского школьника о том, кем он себя, в первую очередь, ощущает, обнаружил ярко выраженную пространственную идентичность – 76,2% указали, что, прежде всего, являются жителями своего села. Второй по значимости разновидностью идентичности стала этнонациональная – 55,3%, патриотическая – 23,5%, крестьянско-собственническая – 18,1%, негативная

пространственная (чужой в своем селе) 3,6% и проективная (человек без будущего) идентичность 2,8%.

Социальное пространство не остается вне глубоких изменений глобального характера начала XXI века. В повседневность жителей вошли соперничество на основе экономических, технических инноваций и новых знаний, стирание территориальных границ делового и межличностного общения, возрастание роли нематериальных ресурсов в функционировании организаций и социокультурных учреждений, кооперирования в целях оптимизации обмена неравновесными ресурсами. Усложнение социальных связей, их новая комбинаторика предполагает в аналитических целях привлечение достижений не социологии, но идей формирования и осуществления стратегий (стратегического управления), социального структурирования и мобильности.

Модернизация социального пространства является результатом двух сил воздействия: внешних, которые наиболее эффективны в мобилизационной версии (предлагаемые населению инновационные программы способны заинтересовать акторов выгодным механизмом обмена ресурсами), и внутренних как реализации частью жителей самостоятельных стратегий с опорой исключительно на собственный потенциал. Состыковка властной и поселенческой составляющих модернизации является отдельной самостоятельной задачей стратегии на уровне региона, поскольку повседневность социальных групп населения, особенно малоресурсных, распадается на векторы различной направленности.

Список литературы

1. Горшков М.К., Петухов В.В. Горизонты целеполагания в российском самосознании // Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Весь Мир, 2015. С. 261-275.
2. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
3. Ильдарханова Ч. И. Модернизация сельского Татарстана: социологическая теория и практика. Казань, Изд-во Академии наук РТ, 2016. 308 с.
4. Инновационные тенденции развития сельского социума: Дрожжановский муниципальный район Республики Татарстан (социологический ракурс) // под ред. Ильдархановой Ф.А. Казань: Отечество. 2014. 528 с.
5. Карлова Е.В. Территориальная идентичность населения в Центральной России: дис. ... канд. геогр. наук. М., 2015. 212 с.
6. Маркин В.В. Региональная структура российского общества. Часть 2. Основные акторы региональных полей: взаимодействие на разных уровнях // Вестник ВЭГУ. 2016. № 4(84). С. 83-97.

7. Неустроев Н.Д., Неустроева А.Н. Национально-региональные традиции в воспитании и образовании сельской молодежи // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. С. 209-221.
8. Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»: 22-25 октября 2012 г. / Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 472 с.
9. Семья в социологическом измерении. Региональный аспект / отв. ред. Ф. А. Ильдарханова. Казань: Издательство Академии наук, 2016. 64 с.
10. Силласте Г.Г. Молодежь. Село. Безопасность // Безопасность Евразии. 2003. № 4 (14). С. 18.
11. Jacob S. and Lubloff, A.E. (1995) 'Exploring the meaning of rural through cognitive maps', Rural Sociology, Vol. 60, No. 2.
12. Pahl R. E. (1966) 'The rural urban continuum', Sociologia Ruralis, Vol. 6.
13. Shaw J.M. (ed.) (1979) Rural Deprivation and Planning. Norwich: Geobooks.
14. Stern E. and Turbin, J. (1986) Youth Unemployment and Unemployment in Rural England. London: The Development Commission.

Глава 2. КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

2.1. Культура эгоизма: сущность и основные характеристики

Человек является существом, поведение которого определяется противоречивым сочетанием природных и социокультурных факторов. На начальных этапах выделения себя из мира живых организмов человек создавал искусственный мир идей, предметов не для того, чтобы сотворить нечто возвышенное, ставящее его над природой. Он искал иные способы реализации наследуемых от всех животных программ самосохранения рода в условиях борьбы с тем, что создает угрозу жизни. Обеспечивалась возможность продолжить себя в следующих поколениях. При этом люди, как и все живые организмы, подчиняются действию законов, определяемых, по утверждению Р. Докинза, «эгоистическим геном» [1]. Он направляет усилия всех существ, начиная с самых простейших, на *самосохранение* путем передачи генного своеобразия особи потомкам. Конечной целью сексуальной активности организмов является обеспечение выживания всего рода.

Природа с целью обеспечения возможности его существования наделяет каждую особь *жизненной силой*, которая требуется, во-первых, для того, чтобы передать потомству максимум энергии, необходимой для дальнейшего продолжения рода. Во-вторых, вырастить детенышей до того времени, когда они достигнут самостоятельности. В-третьих, успешной добычи пищи для поддержания как сил своего организма, так и потомства. В-четвертых, развития способности защищаться от врагов. Передаются из поколения в поколение устойчивые программы реализации основных инстинктов: сексуального, заботы о детенышах, пищевого, самозащиты. Все они присутствуют и у человека.

При этом между ними имеются существенные различия, на которые не всегда обращают внимание биологи, психологи, социологи, изучающие влияние природных факторов на поведение людей. Три из четырех инстинктов имеют эгоистическую направленность, обеспечивая в первую очередь удовлетворение потребностей своего организма. Это проявляется у людей не только при удовлетворении потребностей в продолжение рода, но и обеспечении безопасности, комфортной в материальном плане жизни, получении преимуществ перед другими в трудовой, социально-экономической, досуговой деятельности.

Не проявляя заботы о своем существовании, организм не может реализовать задачи, связанные с сохранением всего рода. Поэтому Р. Докинг использует при анализе особенностей организации живых систем термин «*эгоистический*», подчеркивая, что гены действуют безжалостно, подчиняясь заложенным в них природой программам. Безразлично, обеспечивают они выживание т.н. добрых существ, которые чем-то заслужили сохранение своих особенностей в потомках, или других, проявляющих грубость, жестокость. В животном мире, как известно, весьма редко действует принятое у людей деление на «благородные» и иные по направленности действия. Используются хитрость, обман, ловкость, сила, чтобы выжить, добыть пищу, поскольку все организмы находятся в системе пищевой цепочки. Любое существо выступает одновременно как в роли субъекта, поедающего кого-то из мира растений или животных, так и предмета питания другого организма. Он может быть не обязательно сильным хищником, а всего лишь микробом, убивающим во много раз превосходящее его по размерам тело.

Однако эгоистичность генов проявляется не только в обеспечении потребностей конкретной особи. На генном уровне заложена программа действий в противоположном направлении, когда возникает необходимость *сохранить жизнь потомству*. Детеныши почти у всех животных рождаются беспомощными существами, неспособными самостоятельно добывать пищу, защищать себя от врагов. Только *забота о них* со стороны родителей дает им возможность постепенно превратиться во взрослую особь. Инстинкт заботы о беспомощном существе включает инстинкт подчинения *эгоизму детенышей*, заставляющих своими криками, активностью тех, кто дал ему жизнь, существенно ограничить удовлетворение собственных индивидуальных потребностей. У родителей запускаются «спящие» до этой поры программы добычи пищи не для себя, а другого, защиты не собственной жизни, а иного существа. При этом, нередко жертвуя безопасностью, поскольку в ряде ситуаций приходится вступать в схватку с более сильными хищниками, голодать, отдавая большую часть пищи детенышам.

Человек, являясь продуктом длительной эволюции животных, *наследует* в разной степени все апробированные ими способы взаимодействия как с подобными себе существами, так и с другими, отличающимися от них. Однако он проявляет их не в рамках небольших объединений представителей одного вида, а в малых и больших социальных группах, наличие которых требует особого сочетания эгоизма с активностью, направленной на заботу о других людях. Он создает культуру, являющуюся, по определению Л.Г. Ионина, тем, «что отличает человека от животных».

Культура – это характеристика человеческого общества, она не наследуется биологически, но предполагает обучение; напрямую связана с идеями, которые существуют и передаются в символической форме (посредством языка) [3, с. 47]. Продукты творческой деятельности человека могут быть направлены как на заботу о других людях, так и на удовлетворение сугубо индивидуалистических потребностей.

В процессе исторического развития содержание того, что обозначается термином «культура», было сведено к совокупности норм, правил, способов поведения, обеспечивающих интересы *малых и больших общностей*. Все, что связано с реализацией *индивидуальных желаний*, обычно возникающих под влиянием телесных побуждений, было объявлено как *некультурное, низменное*. Оно является следствием эгоизма, разрушающего общественные связи людей, и с ним необходимо постоянно бороться.

Социологами были предприняты попытки создания теории, объясняющей отказ отдельных индивидов и социальных групп от соблюдения норм, обеспечивающих сплоченность общества, снижение социальных конфликтов, преступности. Она получила название «теория аномии».

Одним из ее создателей является Э. Дюркгейм. Анализируя причины самоубийств, он приходит к выводу, что одной из них является аномия. Она возникает, когда существующие в обществе нормы отвергаются определенной частью людей. При этом важно отметить, что нормами считаются те предписания, которые объединяют индивидов в малые и большие общности. Человек по своей природе является коллективным существом. Он выработал в процессе становления общества те нормы, которые требуют подчинения личных интересов общественным. «Закон является для него (индивида) не в виде грубого давления материальной среды, но в образе высшего, и признаваемого им за высшее, коллективного сознания. Большая и лучшая часть жизненных интересов человека выходит за пределы телесных нужд и потому освобождается от ярма физической природы, но попадает под ярмо общества» [2, с. 168].

Следует отметить, что Э. Дюркгейм, во-первых, признает роль природного фактора в детерминации человеческого поведения. Во-вторых, ведущим фактором жизнедеятельности индивидов, по его мнению, является общественный, а не личный интерес. То, что обеспечивает сплоченность социальной группы, выступает в качестве нормы. Ее нарушение должно осуждаться, так как ведет к ослаблению социальных связей и гибели системы.

Э. Дюркгейм при анализе причин определенного рода самоубийств использует термин «эгоизм». Им он обозначает поведение, определяемое

приоритетом личного интереса над общественными потребностями. «Если условиться называть эгоизмом такое состояние индивида, когда индивидуальное “я” резко противопоставляет себя социальному “я” и в ущерб этому последнему, то мы можем назвать эгоистичным тот частный вид самоубийства, который вызывается чрезмерной индивидуализацией» [2, с. 133]. Однако установки тех, кто стремится к материальному успеху любой ценой, не выражают это же состояние личности? Любое отрицание интересов тех, с кем человек взаимодействует в семье, трудовой ассоциации, в общественных местах связано с проявлением данного от природы и развитого с помощью особой культуры эгоизма.

Теория аномии активно исследовалась Р. Мертоном. Американский социолог предпринял попытку выяснить, какие социальные факторы побуждают индивидов нарушать принятые в обществе нормы. Традиционно под культурой понимаются только те цели и средства их достижения, которые называются «проектами групповой жизни». «Многие процедуры, которые с точки зрения отдельных индивидов эффективнее всего обеспечивали бы обретение желаемых ценностей – применение силы, обмана, власти, – выведены за пределы институциональной сферы разрешенного поведения» [4, с. 243]. Социологом противопоставляется система индивидуалистических установок тем, которые обеспечивают стабильность и развитие социума на основе реализации конкретных моральных, трудовых и иных норм. При этом само девиантное поведение исследователем трактуется как психологически вполне обоснованное и в определенном смысле нормальное.

Отрицание общепринятых норм, по мнению Р. Мертона, возникает в результате «расхождения между культурно предписанными устремлениями и социально структурированными путями осуществления этих устремлений» [4, с. 247]. Аномия вызвана несоответствием способов действий тем целям, которые ставит перед собой индивид. Например, одобряемое обществом стремление достигнуть жизненного успеха реализуется путем лести, мошенничества, обмана, коррупции и другими отвергаемыми моралью и правом средствами. Важно отметить, что Р. Мертон признает, в отличие от Э. Дюркгейма, наличие *во всех сферах* человеческой деятельности возможности нарушения принятых обществом норм. Деморализация является следствием отказа от использования допустимых обществом методов реализации одобряемых им целей [4, с. 248].

Р. Мертон особо выделяет роль идеологии, утверждаемой капиталистической системой, в распространении и усилении эгоизма. Укоренение в американской культуре цели денежного успеха побуждает

личность стремиться к ее реализации любыми способами [4, с. 249-252]. Идея превосходства в материальном положении над другими людьми утверждается семьей, школой, средствами массовой информации, общественными авторитетами. Личности предписывают руководствоваться индивидуалистическими по содержанию и направленности интересами. «Призыв культуры очевиден: нельзя предаваться унынию, нельзя прекращать борьбу, нельзя понижать свои цели, ибо “не неудача, а скромная цель – вот что является преступлением» [4, с. 251]. Происходит то, что можно назвать утверждением ценностей культуры эгоизма. Она порождает различные формы аномии, описываемые Р. Мертоном [4, с. 244-245]. При этом такая культура в наибольшей степени распространена среди тех слоев общества, которые вообще не имеют каких-либо реальных возможностей вертикальной мобильности.

Следовательно, теория аномии раскрывает содержание особой культуры, которая возникла еще на заре становления человеческого общества и развивалась на протяжении всей его истории. Отрицание необходимости глубокого и всестороннего исследования причин сохранения эгоистических по направленности и содержанию интересов не позволяет обеспечить желаемую социумом эффективность усилий, направленных на борьбу с асоциальным поведением отдельных индивидов и социальных групп. Многовековая борьба с теми, кто руководствуется индивидуализмом в повседневных практиках, не дала каких-либо заметных результатов. Религиозные учения рассматривают эгоизм как зло, следствие подчинения дьяволу, бывшему ангелу, возмнившему себя выше Бога. Однако люди продолжают грешить, руководствуясь личной материальной выгодой, периодически каются, демонстрируют будто бы бескорыстную заботу о ближних.

На протяжении всей истории человечества происходит совершенствование методов проявления эгоизма, изобретаются все более совершенные способы нарушения моральных, эстетических, трудовых, правовых и иных норм и правил. Еще в первой половине XIX века В.Ф. Одоевский констатировал, что существует особая мораль, построенная на лжи. «Мы так свыклись с ложью... В представительных государствах, — не говорим о других, — только и речи, что о воле народа, о всеобщем желании; но все знают, что это желание только нескольких спекуляторов; говорят: общее благо — все знают, что дело идет о выгоде нескольких купцов или, если угодно, акционерских и других компаний. Куда бежит эта толпа народа? — выбирать себе законодателей — кого-то выберут? успокойтесь, это все знают — того, за кого больше заплачено» [5, с.120].

Все, что было отмечено еще два века назад, сохраняется и сейчас. Более того, в наше время большие группы людей профессионально заняты созданием изощренных способов безнаказанной кражи разработок конкурентов, программирования нужного поведения потребителей товаров и услуг, побуждения людей бороться за смену власти в интересах иностранных или своих заказчиков. Придумываются новые компьютерные вирусы для отъема по всему миру денег у пользователей современными средствами связи. В процессе непрекращающихся войн в той или иной части света изобретаются все более изощренные средства уничтожения людей в интересах установления мирового господства.

Все это является продуктом деятельности человека, поскольку природа не создала такие способы реализации эгоистических инстинктов для сохранения какого-либо вида. В ней все организмы занимают свою экологическую нишу, не направляя имеющиеся силы для достижения победы над себе подобными. Только человек научился использовать наследуемый им от живых организмов эгоизм для того, чтобы постоянно бороться за получение сравнительно небольшой группой индивидов преимуществ путем подчинения своей власти большие по численности общности.

Для решения этой задачи создавалась на протяжении всей истории человечества и развивается в настоящее время *особая культура, направленная на усиление природного эгоизма человека*. В ней есть свои идеалы, ценности, правила, регулирующие поведение как отдельных индивидов, так и больших социальных групп. Под ее влиянием сформировались практически отсутствующие у животных такие чувства, как зависть, тщеславие, уязвленное самолюбие, жажда мести, всевластия и т.п. Ее элементами являются изощренные формы лести, обмана, коварства, жестокости для достижения преимуществ в удовлетворении животных по происхождению инстинктов. Она включает совокупность чувств, идей, теорий, норм, правил, механизмов, обеспечивающих как сохранение, так и изобретение новых способов обеспечения личного интереса любыми доступными средствами при взаимодействии как с отдельными индивидами, так и малыми, и большими общностями.

Реальное социальное неравенство скрывается с помощью пропаганды идей справедливости, братства, всеобщего благоденствия. Ради их реализации бессмысленно гибли миллионы людей, управляемые теми, кто стремился получить власть, перераспределить общественное богатство. Только длительная борьба за равные права мужчин и женщин, представителей разных классов, этносов привела к принятию националь-

ных и международных актов, в которых провозглашаются равенство всех перед законом, важность создания условий для получения образования, работы, независимо от материального положения, места жительства, происхождения и т.п. Однако законодательные решения, связанные с обеспечением социального равенства, нередко выполняются формально, либо вообще не соблюдаются.

Изобретаются разные способы получения личных преимуществ путем использования чужого труда, присвоения того, что сделано другими людьми, изобретения новых способов обмана, продвижения по карьерной лестнице на основе знакомств, родственных связей и т.п. При этом в наше время, характеризующееся крайним обострением борьбы за установление мирового господства, происходит резкое увеличение масштабов лжи, распространяемой средствами массовой информации, Интернетом, институтами образования и воспитания не только в отдельных странах, но и в мире в целом.

Культуре эгоизма противостоит *культура сотрудничества*, ориентирующая каждого субъекта использовать имеющиеся у него средства, возможности для заботы о других людях, реализации общих интересов, направленных на достижение благополучия больших масс людей.

Во все времена велась и осуществляется в настоящее время борьба между носителями двух разных по направленности, содержанию культур, поскольку результаты человеческой деятельности могут способствовать как улучшению жизни огромных масс населения в разных странах, так и ухудшению условий существования отдельных социальных групп, народов. Высшей формой столкновения этих культур являются периодически возникающие региональные войны, создающие угрозу уничтожения человечества из-за противоборства эгоистических по своим интересам групп государств, правящих элит с теми, кто выступает за поиск и реализацию вариантов согласованного развития всех стран и народов.

На уровне взаимодействий между отдельными индивидами в семейно-бытовой, производственной, досуговой деятельности также происходит столкновение существенно отличающихся по направленности и содержанию норм и правил культуры труда, межличностных отношений. Одни социальные субъекты активно ищут способы получения тех или иных преимуществ за счет обмана, воровства, хитрости, использования служебного положения, а другие бескорыстно проявляют милосердие, добровольно помогают оказавшимся в трудной жизненной ситуации людям.

При этом культура эгоизма опирается на активно действующую природную основу для своего функционирования и развития. Наиболее ярко

это проявляется в том, что во все времена определенная часть индивидов становится преступниками. Специально в семье их обычно не готовят к асоциальным действиям. Отсутствуют школы по обучению разным методам совершения противоправных поступков по отношению к родственникам, коллегам по работе, своему народу. Если исходить из предположения, что причиной асоциального поведения отдельных субъектов являются будто бы упущения в системе образования и воспитания, то почему в течение тысячелетий не создана система социализации, которая бы исключала появление убийц, насильников, предателей? При этом подавляющее большинство людей во всех культурах проявляют заботу о родителях, детях, стариках, идут на определенные жертвы при защите Отечества. Они так поступают не только благодаря воспитанию. Иные способы взаимодействия с родственниками, соседями, представителями своего этноса чужды их природе. Жестокость, предательство отвергаются изначально.

Историческая практика показала, что нарушителями правовых норм являются не только выходцы из бедных семей, в которых трудные условия жизни могут способствовать возникновению установок на кражу, обман, мошенничество и т.д. Ворами становятся и те, у кого было безбедное детство, возможность без ограничения удовлетворять свои материальные потребности. Для них пример тех, кто активно заботится о других людях, занимается благотворительностью, не является достаточным условием для возникновения установок на освоение культуры сотрудничества. Нужно нечто-то большее, чтобы ее нормы и правила превратились в устойчивые стереотипы поведения личности.

Отрицая роль природного фактора в детерминации человеческого поведения, сложно объяснить факт, что некоторые люди, не проявляя в школьные годы склонности к асоциальным поступкам, неожиданно в 30-50 лет становятся казнокрадами, взяточниками, тиранами в семье, на работе, если получают пост начальника. Чем вызваны эти метаморфозы, происходящие с ними на жизненном пути?

Человек, совершающий осознанно или под воздействием неконтролируемых внутренних побуждений преступление, всегда руководствуется своими эгоистическими инстинктами, даже тогда, когда действует будто бы ради интересов какой-то группы. Он получает радость от власти над другими людьми хотя бы на короткое время. Она возникает в результате освобождения от психологического или физического подавления индивидуалистических инстинктов, направленных на получение давно желанных материальных и иных преимуществ, достижение более высокого социального статуса и т.п.

Если принять положение, что у этих индивидов существует скрытая до того времени, когда она может реализоваться, склонность к осуществлению эгоистических интересов, тогда неожиданные для окружающих преступные действия становятся вполне объяснимыми. Сила природного эгоизма, умноженная определенной по содержанию и направленности культурой, побуждает человека нарушать нормы и правила сотрудничества, возникающие в процессе развития инстинкта заботы о других, утверждающие ориентации и установки на ценность здоровья каждой личности, создание условий для благополучной жизни больших масс людей. В процессе социализации не у всех детей удается подавить влечение к получению особых преимуществ над окружающими в малой и большой общности, возвышению над другими, подчинению их своей воле. Как только появляется какая-либо возможность реализовать эгоистический инстинкт, такие индивиды, независимо от возраста, статуса, должности, могут совершать аморальные, противоправные поступки.

Еще одной причиной воспроизводства культуры эгоизма является необходимость индивидов, ориентированных на реализацию моральных, трудовых норм культуры сотрудничества, взаимодействовать в трудовой, бытовой, общественной деятельности с теми, кто их отрицает. Они оказываются в ситуации выбора вариантов поведения: ради своего выживания и семьи периодически использовать хитрость, обман, лесть и т.п., либо всегда руководствоваться теми нормами морали, которые требуют честности, добросовестности, принципиальности.

Народная мудрость утверждает: «С волками жить, по-волчьи выть». С одной стороны, адаптируясь к системе, установленной культурой эгоизма, личность, не осознавая, постоянно занимается самоуничтожением, сначала разрушая свое психическое, а затем физическое здоровье. С другой стороны, обеспечивает внешне благополучное существование среди тех, кто ощущает свою власть над зависимыми от них людьми. Они вынужденно угождают, им, искусственно возвеличивают, внутренне ненавидя. Такое психическое состояние приводит одних индивидов к периодическому расслаблению с помощью алкоголя, наркотиков, других к протестной активности. В том и другом случае в социальной группе, в которой господствуют ценности культуры эгоизма, запускается процесс самоуничтожения, поскольку исчезают условия для бескорыстной заботы индивидов друг о друге, помощи тем, кто оказался в сложной жизненной ситуации.

Культура эгоизма, возникающая в процессе создания способов усиления наследуемых человеком инстинктов получения преимуществ

при продолжении рода, распределении пищи, защиты от опасностей, характеризуется, во-первых, периодическим проявлением возникших в процессе становления человека таких чувств, как зависть, самоуверенность, превосходство над другими, презрение к имеющим низкий социальный статус, желание всевластия, ненависть и т.п. Во-вторых, такими правилами жизни, как свободное удовлетворение инстинктов, получение личной выгоды любой ценой, используя хитрость, ложь, шантаж, жестокость, злоупотребление доверием, властью и т.п. Внешне эта культура выражается в самолюбовании, стремлении возвыситься над другими, наглости, лести, мимикрии, угодничестве, обогащении за счет обмана, грабежа, использовании разных методов подавления тех, кто не желает подчиняться воле такого человека или общности.

Эти правила составляют содержание *особой морали*, которая возникает в группе людей, ориентированных на реализацию своих индивидуалистических интересов. Традиционно их называют аморальными. Считается, что нравственными можно называть только те поступки, которые направлены на активное сотрудничество, заботу о каждом человеке.

Если исходить из представлений о том, что моралью является *любая система ненасильственного регулирования* совместной деятельности индивидов и различных общностей на основе принимаемых ими определенных норм и правил, тогда следует вести речь о наличии *двух разных по направленности и содержанию видов нравственности*. Одна объединяет тех, кто действует на основе эгоистических интересов, стремясь получить личную выгоду. Эти люди считают, что их партнеры всегда стремятся к тому же и сотрудничают только с целью ее достижения. Они хитры, изворотливы, готовы предать в любой момент. Действует правило их морали: победил тот, что сумел первым обмануть, обхитрить, нанести удар в спину противника.

Носители другой морали, основанной на доверии, честности, заботе об общем благе, открытом поиске способов реализации коллективных интересов, рассматривают такие отношения как безнравственные, поскольку они противоположны их представлениям о должном поведении человека. Однако они существуют и от обозначения их негативным по содержанию термином не исчезают. Более того, каждому человеку приходится постоянно сталкиваться с носителями эгоистических установок в общественных местах, нередко в семейной обстановке, общаться с ними на работе, даже пытаться сотрудничать по долгу службы. Происходит вынужденное взаимодействие субъектов, разделяющих не только разные моральные, но и трудовые, эстетические, политические ценности.

Люди, сознательно или неосознанно исповедующие культуру эгоизма путем усиления данного природой его содержания, чаще всего стремятся к такому успеху, который обязательно выражен в обладании большим количеством вещей, уникальных предметов, огромных денежных средств. Только так, по их мнению, можно доказать свою исключительность. Иного неравенства, кроме финансового, они не признают. Люди, обладающими талантом, огромные знаниями, не воспринимаются как субъекты, имеющие более высокий по сравнению с ними статус.

Высокое самомнение, возникающее по причине принадлежности к богатому слою людей, неизбежно ведет к некоторому *оглулению* представителей этой социальной группы. У них не появляется желание подумать о смысле безудержного стремления к постоянному накоплению материальных и финансовых средств. Съесть больше, чем принимает организм, невозможно. Носить сразу десяток разных часов не получится, как и ехать одновременно на нескольких автомобилях. Все люди смертны, и в иной мир материальные богатства не унесешь. Но эти мысли редко возникают в сознании людей, обладающих ими. Руководит лишь одно желание, сформулированное А.С. Пушкиным и вложенное в уста скупого рыцаря: «...Как некий демон отселе править миром я могу...» [6, с. 434].

У таких людей отсутствует понимание того, что богатство вызывает либо зависть у тех, кто исповедует культуру эгоизма, либо безразличие и некоторую жалость со стороны тех, кто имеет иную систему жизненных ценностей. Следовательно, самоутверждение в качестве субъекта, превосходящего других, происходит только среди завистников. Но они обычно вызывают презрение. Поэтому носитель культуры эгоизма оказывается обреченным постоянно быть в окружении тех, кто его либо *ненавидит*, либо *воспринимает как ущербного* по многим показателям человека, случайно достигшего успеха. При этом независимо от того, какую тот занимает должность, имеет ученую степень, награды, известность в своей стране или мире.

Носители культуры эгоизма отвергают принцип равного включения индивидов в совместную трудовую деятельность, направленную на обеспечение комфортных условий жизни подавляющему большинству людей, независимо от места жительства, пола, возраста, расы, этнической принадлежности. Для них неприемлема идея о том, что справедливость достигается тогда, когда, во-первых, все люди, выполняющие нормы общественной жизни, имеют возможность удовлетворить свои базовые потребности. Во-вторых, трудовая деятельность осуществляется не по принуждению, а на основе потребности в реализации имеющихся склон-

ностей к ней. В-третьих, разное распределение создаваемых продуктов и услуг определяется различиями в способностях, талантах индивидов, а не занимаемой должностью, степени приближенности к начальству, родственными связями и т.п.

Анализ особенностей культуры эгоизма показывает, что в ней отсутствует четкая полярность норм поведения. В культуре сотрудничества она всегда присутствует. Если утверждается честность, то говорится о необходимости борьбы с ложью, трудолюбию противопоставляется лень и т.п. В культуре эгоизма не обозначается, что отрицается с помощью лжи, хитрости, шантажа, лести. Более того, прямо не утверждается, что нормами являются гордыня, обман, хитрость, жестокость и т.п. Причина этого заключается в том, что основой данной культуры является не *специально созданная* совокупность правил организации жизнедеятельности больших масс людей, а то, что уже имеется в животном мире. Эгоизм наследуется человеком от «меньших братьев» для того, чтобы он, как биологическое существо, активно добывал пищу, боролся с тем, что угрожает его существованию, стремился продолжить свой род. Если индивид не наделен в должной степени инстинктами самозащиты, самоутверждения, то он не может проявить свои способности в созидательной деятельности, обеспечить здоровую, продолжительную жизнь. Поэтому проявление эгоизма является в определенной мере важным условием сохранения жизни как отдельных индивидов, так и человеческого рода в целом.

Проблемы возникают тогда, когда появляется система его искусственного усиления. Формируется культура, базирующаяся на этом инстинкте, а не на том, что создают люди для постоянного улучшения жизнедеятельности больших общностей. Поэтому в культуре эгоизма открыто не декларируются какие-либо идеалы, нормы, правила. Отсутствует указание на то, что противопоставляется природе. Наоборот, все усилия направлены на творение все более и более изощренных способов реализации инстинктов.

Культура эгоизма направлена на усиление природных форм их проявления путем создания новых, отсутствующих в ней способов реализации индивидуалистических интересов. Животные для удовлетворения инстинктов могут использовать только свои физические и психические возможности. Человек, создав орудия производства, предметы, улучшающие его повседневную жизнь, стал их применять для решения двух разных задач. С одной стороны, они позволяют совершенствовать условия труда, быта, отдыха значительной массы людей. С другой

стороны, с их помощью можно получать определенные преимущества индивидам, не обладающим исключительной силой, другими яркими способностями.

Достижение этой цели обеспечивается в первую очередь теми способами, которые создала природа в процессе эволюции различных организмов. Многие из них не имеют защищенное от врагов тело, необходимые для захвата пищи острые зубы, когти, сильные лапы и другие средства выживания. Они освоили иные методы, дающие желаемые результаты. Используется способность тела менять цвет, замирать на мгновение, вводя в заблуждение жертву перед ее захватом, или парализовать ее ядом, электрическим разрядом и т.п. *Применяется то, что обозначается людьми как хитрость, обман, запугивание, паразитизм.* Однако в природе отсутствует деление на позитивные и негативные методы адаптации к определенным условиям жизни ради выживания организмов. Годятся все способы, если они решают эту главную задачу.

Поэтому человеку чаще всего не нужно изобретать какие-то новые средства реализации своих эгоистических побуждений. Включается механизм «воспоминания» того, что апробировано разными организмами в процессе их эволюции. Видимо, генетически в человеке заложены все программы их применения, и в нужный момент у определенной части людей они начинают работать автоматически. Как только возникает ситуация, когда надо выжить или получить желаемые преимущества, неожиданно для самого индивида обнаруживается умение *льстить* тем, от кого это зависит, *вводить в заблуждение*, создавая образ вполне порядочного, честного человека, *лгать*, чтобы избежать наказания, или *угрожать мстью* мнимых покровителей и т.п.

Действия на основе норм культуры сотрудничества осуществляются не стихийно под влиянием того, что предлагает подсознание, а является результатом *сознательного поиска* тех способов взаимодействия с окружающим миром, которые обеспечивают улучшение условий самосохранения и саморазвития не только отдельных индивидов, но и больших общностей. Механизм становления культуры эгоизма запускается тогда, когда начинается сначала на уровне подсознания, а затем сознания поиск эффективных способов удовлетворения в первую очередь личных интересов. Человек, опираясь на различные примеры, доказывает себе и другим, что только с помощью использования чужого труда, обмана, лести, шантажа, угроз, в ряде случаев применяя физическую силу, можно достигнуть неких преимуществ, богатства, славы, высоко подняться по карьерной лестнице. Утверждается положение о том, что будто бы только наглые,

самоуверенные люди, отрицая какие-либо нормы культуры сотрудничества, правят этим миром. Они должны быть образцами для подражания.

Такая логика размышления ведет к тому, что, во-первых, оправдывается подчинение индивидов, малых и больших социальных групп силе природного эгоизма. Он царь и бог, правящий миром. Его проклинают, но подчиняются, хотя чаще всего в скрытой форме. Во-вторых, обосновывается использование созданных природой способов достижения личной выгоды: *обман, хитрость, запугивание, мнимое подчинение сильному, жестокость и т.д.* В-третьих, утверждается истинность таких положений, как «о себе не подумаешь, никто о тебе не позаботится», «не подмажешь, не поедешь», «у кого больше прав, тот и прав» и т.п.

В-четвертых, человек запускает процесс создания новых способов реализации природного эгоизма. Они возникают, поскольку не только отдельные индивиды, но и малые и большие общности способны периодически нарушать принятые всеми народами моральные, трудовые, правовые и иные нормы, выработанные культурой сотрудничества. Для скрытия этих фактов еще на ранних ступенях становления человеческого общества стала использоваться *ложь*. Она имеет природные основания, поскольку для добычи пищи многим животным приходится хитрить, вводить в заблуждение выбранную жертву.

Получение выгоды с помощью обмана ведет к утверждению в сознании человека устойчивых представлений о том, что его использование вполне оправданно. Утверждается идея, что «ложь во спасение», является нормальной практикой, обеспечивая сохранение достигнутого положения социального субъекта в определенной общности. При этом побуждение солгать возникает чаще всего само собой, а не в результате специального обучения в семье, школе. Осуществляется особое самообразование, когда не только отдельные индивиды, а целые группы специалистов ищут, придумывают, изобретают все более эффективные способы введения в заблуждение окружающих. Наглядным примером является реклама недоброкачественной продукции, обещания кандидатов в органы законодательной и исполнительной власти во время выборной компании и т.д.

Природной основой лжи как самого распространенного продукта культуры эгоизма является страх, если он используется для того, чтобы избежать наказания, либо радость, когда обеспечивает получение неких преимуществ в виде финансовых средств, карьерного роста и других выгод.

Анализ лжи как социокультурного явления показывает, что она в процессе саморазвития рождает такую форму выработки у окружающих людей искаженных представлений о тех или иных индивидах, как

клевета. Она используется, когда требуется получить преимущества над людьми, считающимися врагами. У животных конфликты с сородичами решаются в открытой схватке, но не все люди способны таким способом доказать свои преимущества. Клевета позволяет без какого-либо опасения получения физических травм от соперника победить его, создав в общественном мнении искаженное представление о нем. Природными факторами, побуждающими использовать клевету в сугубо индивидуалистических интересах, является сочетание злости с переживанием собственной слабости в борьбе с соперниками. В общественной жизни эта закономерность ярко выражается во время выборов, когда кандидаты на высокий государственный пост используют СМИ, социальные сети, чтобы в самом отвратительном виде представить того, кто по объективным показателям является их сильнее. Клевета является оружием слабых, но одним из самых часто применяемых в наше время продуктов развития культуры эгоизма.

Клевета обеспечивает достижение поставленных целей с помощью системы слухов. Они, возникнув еще на раннем этапе становления человеческого общества для объяснения тайн природных процессов, поведения сородичей, занимающих ведущие позиции в племени, со временем стали применяться в узко эгоистических целях. Создатели слухов формируют у окружающих людей представление о наличии у них тех знаний, которыми другие не обладают. Кто больше знает, получает преимущества в борьбе за власть, так как одним из качественных отличий человека от животных является стремление руководствоваться в своих действиях не инстинктами, интуицией, а тем, что обозначается термином «знание». К таковым относится то, что получено на основе личного и коллективного опыта, специальных исследований или из каких-то достоверных источников.

Распространители слухов позиционируют себя как субъекты, которые были свидетелями явлений, событий, о которых сообщают другим с целью их просвещения. Они берут на себя роль учителей, несущих истинное знание не только об отдельных людях, но и природных процессах. В глазах окружающих они становились авторитетами, словам которых нужно верить.

Природной основой появления такого продукта культуры, как вера другим социальным субъектам, является доверие, наличие которого обеспечивает становление отношений заботы в сообществах животных. При этом обязательно наличие взаимности в ее оказании. Как только нарушается этот принцип, так доверие со стороны одного субъекта

начинает использоваться только в интересах другого. Это происходит в человеческом обществе, когда на основе доверия, внушая веру в искренность намерений, индивиды или общности устанавливают власть над теми, кто нуждается в той или иной поддержке. Вера используется носителями культуры эгоизма, становясь одним из эффективных способов ее утверждения и распространения.

Эгоизм характеризуется наличием особой направленности веры. Ее объектом является не только окружающий мир, другие люди, а в первую очередь сам индивид. На уровне подсознания утверждается представление, что все его желания должны удовлетворяться, нужно только захотеть. Наличие каких-либо трудностей не признается. Возникает *самоуверенность*, побуждающая предпринимать активные действия для того, чтобы окружающий мир, люди, с которыми приходится взаимодействовать, подчинялись его воле.

Такие люди характеризуются смелостью, готовностью заниматься тем, что крайне опасно для здоровья и жизни. В определенной мере у них, видимо, ослаблен инстинкт самосохранения. Если они наделены большими способностями, то могут стать первооткрывателями в науке, искусстве, испытателями новой техники, достигать больших успехов в экстремальных видах спорта. При обострении социально-экономической ситуации в стране из них формируется группа революционеров, организующих борьбу народа за изменение политического устройства. В ряде ситуаций именно такие люди обеспечивают поступательное развитие как отдельных стран, так и всего человечества.

При этом в явной или скрытой форме они всегда ориентируются на то, чтобы доказать свою исключительность. Она действительно им присуща благодаря случайно полученным от природы склонностям к отдельным видам творческой деятельности. Однако при их реализации возможны два варианта: активность, направленная на улучшение жизни значительной массы индивидов, либо другая, утверждающая приоритет личных интересов. Это ведет к отрицанию норм, правил культуры сотрудничества, требующих учитывать потребности других людей. Самоуверенность тем отличается от уверенности в себе, что она ведет к возникновению чувства превосходства над теми субъектами, с которыми индивид взаимодействует в семье, трудовой общности, в больших социальных группах. История человечества показывает, что не только отдельные индивиды, но и народы могут руководствоваться мифами о своей исключительности. Это ведет к обострению межнациональных отношений, формированию и развитию национализма.

Возвышая себя над другими, отдельные индивиды, государства начинают требовать подчинения всех своей воле. Возникает *своеволие*, представляющее собой направленность психических сил социального субъекта на реализацию только собственных потребностей и интересов. Вырабатываются те правила общественной жизни, которые ведут к возникновению новых форм проявления культуры эгоизма. Она начинает определять деятельность не только отдельных индивидов, малых общностей, но и больших социальных групп. Это ведет к постоянной борьбе за получение любыми способами тех или иных преимуществ в частной, общественной жизни.

Эгоистическая по своему происхождению и направленности склонность к самовозвышению, проявляемая в самоуверенности, чувстве превосходства, ведет к формированию и развитию культуры эгоизма в сфере управленческой деятельности.

Она может осуществляться на основе согласования интересов тех, кто принимает в ней участие, для того, чтобы максимально реализовать созидательные способности каждого работника. Отсутствует жесткое давление руководителя, считающего, что он лучше всех знает, что и как делать. В то же время наличие статуса начальника позволяет полнее реализовать эгоистический инстинкт навязывания своей воли другим индивидам. Возникает конкурентная борьба за должность руководителя малой, а затем все большей по размеру социальной группы. Она ведется уже не ради получения возможности достижения участниками общего дела таких результатов, которые приведут к существенному улучшению условий жизни больших общностей, а для приобретения личных преимуществ в виде богатства, славы.

Появляются такие моральные ориентиры в культуре эгоизма, как особое почитание, стремление завоевать доверие, благосклонность начальника. Это ведет к лести, лжи как естественным формам взаимодействия с руководством. Происходит разрушение установок на нравственные нормы, регулирующие отношения между социальными субъектами в рамках культуры сотрудничества. Добросовестный труд, честность, принципиальность, ответственность перед другими людьми при таком руководителе становятся ненужными.

Анализ этих особенностей становления и развития культуры эгоизма показывает, что она, возникнув на определенной природной основе, создавала особую систему взаимодействия между индивидами на уровне как малых групп, так больших общностей. Приобщение конкретной личности к этой культуре определяется не столько генетически

передаваемыми программами поведения человека, сколько той системой политической, экономической, духовной жизни, в которой происходит его социализация. При этом всегда существует возможность отвергнуть ее ценности, выбрав ориентации и установки на освоение норм и правил культуры сотрудничества.

Список литературы

1. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: АСТ. CORPUS, 2013.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.
3. Ионин Л.Г. Социология культуры / Л.Г. Ионин. М.: Инфра-М, 1996.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
5. Одоевский В.Ф. Русские ночи. С. 120 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0020.shtml.
6. Пушкин А.С. Скупой рыцарь // Пушкин А.С. Сочинения в 3 томах. Т. 2. М.: Худож. лит., 1986.

2.2. Воздействие Армянской Апостольской церкви на формирование духовных ценностей двух поколений в современном армянском обществе

Актуальность темы обусловлена тем, что сегодня церковь проводит целенаправленную деятельность по увеличению своих рядов, чего не было раньше, в период советских времен. Армянский народ всегда на уровне бытовой, повседневной культуры поддерживал свою веру, но это осуществлялась без посредничества церкви. Поэтому мы можем говорить о преемственности и в религиозном аспекте.

Цель данного исследования состояла в том, чтобы изучить роль и значение Армянской Апостольской церкви в формировании духовных и моральных ценностей в нашем обществе среди двух поколений – сегодняшней молодежи (от 18 до 30 лет) и представителей старшего поколения (от 56 до 66 лет), дать сравнительный анализ и оценку полученных данных. Активная пропагандистская работа армянской церкви, в частности, выступление священников по телевидению, радио, на различных мероприятиях, привела к тому, что для многих армян стало нормой посещение церкви как минимум один раз в месяц, что и отразилось в опросе 2016 года. Результаты проведенного нами социологического исследования показали, что Правительство Армении при помощи церкви и семьи, а также своей социальной политикой и соответственными структурами власти повсеместно заботилось о всех социальных группах общества и создавало

такие условия, которые дадут возможность армянскому обществу жить и творить в родной стране, развивать свою культуру и отечественные ценности, воздержаться от чужих идей и ценностей.

«Религия – это духовная формация, особый тип отношения человека к миру и самому себе, обусловленный представлением об инобытии (загробном мире) как доминирующем по отношению к обыденному существованию реальности» [11]. Религия была и во многом остаётся по сегодняшний день средоточием тех общечеловеческих ценностей, которые, несомненно, существуют независимо от того, верит ли человек в их божественное происхождение или усматривает в них коллективную мудрость человечества, как результат его непосредственного жизненного опыта. Следует отметить, что внимание мыслителей к данному вопросу отмечается на всех этапах развития теоретического знания – от древнего мира до наших дней.

Армянская Апостольская церковь – один из важных институтов в армянской национальной системе ценностей. Благодаря церкви на протяжении веков моральные ценности – вера, религия, образ жизни, распространялись и сохранялись. Христианство выступает как система ценностей и четкого порядка моральных норм, образа жизни. Веками наш народ жил этими принципами и нормами. Церковь не только духовный институт, но и институт, способствующий сохранению национальной самобытности.

Армянские просветители и философы писали о важности духовного единства армянского народа еще в IV в. В условиях лишения территориальной целостности и политической независимости народ искал пути сохранения своей духовной культуры. Принятие христианства как государственной религии в 301 г. способствовало национальному самосохранению армянства. В какой-то мере принятие христианства было осознанным политическим актом, который стимулировал развитие не только национальной духовной культуры, но и просветительства: образования и воспитания [1]. В этом плане важно отметить, что до сих пор Армянская Апостольская церковь как социальный институт своим истинным проповедничеством и служением распространяет христианские идеи среди молодежи. На современном этапе необходимо научное изучение христианства в Армении как средства борьбы за сохранение независимости и культурного своеобразия, а также как важнейшей школы социализации подрастающего поколения.

Имея в виду то условие, что удовлетворение нравственно-психологического состояния членов общества зависит не только от их жизненных

условий, но и от сохранения тех традиций и обычаев, которые повсеместно могут обеспечить и улучшить существующие между людьми отношения как в церкви, так и в семье. Распространению этих идей посвящены многочисленные труды армянских и зарубежных ученых Ов. Туманян [3], В.И. Антонов [4], Р. Г. Апресян [5], Р. Мирзаханян [6], Гарольд Дж. Берман [7], П. Сорокин [8] и т. д., в которых всесторонне изучается роль традиций и обычаев в улучшении нравственно-психологического состояния членов общества и регулировании их отношений.

Исходя из этих трудов и признания Армянской Апостольской церкви важнейшим институтом социализации молодежи, влияющим на моральное здоровье народа, было проведено социологическое исследование, результаты которого подтверждают, что положение верующих христиан в постсоветской Армении постепенно улучшается. Начиная с 1990-х гг. и до сих пор религиозность в Армении характеризуется растущим динамизмом, с вероятностью происходящих в нём процессов, непредсказуемостью дальнейшего развития.

В настоящей статье представляются результаты исследования (2013, 2014, 2016 г.), которое проводилось среди двух групп разных возрастов нашего населения. В первом, количественном исследовании (2013 г.) принимали участие 196 жителей Еревана, а во втором (2014 г.) – студенты Национального политехнического университета Армении и Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна общей численностью 205 человек. В опросе участвовали представители студенчества от 18 до 30 лет и представители старшего поколения от 55 до 65 лет. Нами была использована методика формализованного интервью (стандартизирование), анкетирование. В обоих случаях участники исследования выбирались по принципу случайности из соответствующих возрастных групп. Статистическая репрезентативность была обеспечена по полу, а также на основе равных возможностей для каждого участника быть выбранным. Целью нашего исследования явилось изучение роли и значения Армянской Апостольской церкви в жизни армянского общества.

В третьем количественном исследовании (2016 г.), которое проводилось среди двух групп разных возрастов нашего населения, в генеральной совокупности выборки жителей Еревана 33,5% составляли указанные нами две возрастные группы. В исследование было вовлечено около 250 жителей города Еревана. Цель исследований состояла в том, чтобы изучить изменения сохранения религиозных представлений в нашем обществе среди двух поколений – сегодняшней молодежи (среди

опрошенных респондентов 57.2% составили представители молодежи в возрасте от 18 до 30 лет) и представителей старшего поколения (42.7% респондентов представляли старшее поколение в возрасте от 55 до 66 лет), принимавшие активное участие в политической и общественной жизни страны. Предметом нашего исследования были ценностные приоритеты, преемственность и существенные изменения ценностей двух поколений в современном обществе Армении. Нами была использована методика количественного метода социологического исследования – опрос (анкетирование), интервьюирование по квотной выборке с соблюдением пропорций состава населения по полу и возрасту. Представленный опросник (анкета) включал 68 вопросов, из коих 10 выявляли воздействие Армянской Апостольской церкви на сохранение религиозных представлений в нашем обществе среди двух поколений. Кроме этого, респондентам был предложен ряд вопросов, направленных на логические суждения, выяснение их мнений, точек зрения и оценок в рамках изучаемой проблемы. Выборочная совокупность была вычислена по принципу пропорциональности из числа общего населения. После чего был применен принцип случайной выборки. Непропорциональность рассматривалась по возрасту, образованию, полу.

Результаты социологического исследования (2013 и 2014 г.) показывают, что с каждым годом повышается роль Армянской Апостольской церкви в обыденной жизни армянина, особенно в жизни молодого человека. Положительный вклад Армянской Апостольской церкви заключается в следующем: в формировании национально-духовных культурных ценностей (43,1% опрошенных); сохранении национального сознания (26,5%) внушении веры в исполнение заветов Господа (15,6%); создании нравственного облика личности (14,4%). Исследование показало, что молодые люди с радостью принимают участие в праздниках Рождества Христова, Пасхи, Преображения Иисуса Христа (Вардавар) и в других праздниках, каждый из которых отличается своеобразием в социализации молодежи и формировании духовной культуры.

Отвечая на вопрос «Какую роль может играть религия?», 37,4% опрошенной нами молодежи затруднилось ответить на данный вопрос. Результаты нашего исследования показывают, что такое процентное соотношение обусловлено тем, что в советские годы церковь и проводимые ею службы во многих случаях были лишены авторитета.

Примечателен тот факт, что в быту как старой армянской патриархальной семьи, так и советской нуклеарной семьи мы видим строгое исполнение «постных дней». В данном случае церковь заботилась

о предохранении детей от привычки пресыщения или нищеты. Кроме сохранения строгого исполнения постных дней, в армянских семьях в числе обрядов главное место занимает крещение ребенка. Это обязательный акт для многих армян, поскольку бытует мнение, что он установлен самим Господом Иисусом Христом, который неоднократно повторял своим ученикам: «Идите и научите все народы, крестя их во имя Отца и Святого Духа, учите соблюдать все, что Я повелел вам: и все, Я с вами во все дни до скончания веков» [10].

На основании результатов социологических опросов мы можем говорить о преемственности и в религиозном аспекте: например, 85,0% респондентов считают, что их семьи – последователи Армянской апостольской церкви, и они с радостью и уважением следуют предписанным семьей и церковью традициям и обычаям. Семьи 15,0% респондентов по причине занятости дома и на работе не находят времени для посещения церкви. К тому же, исследование показало, что в Армении существует еще достаточно много традиционных семей, члены которых не считают необходимым проявлять уважение друг к другу. Представители 3–4 поколений, проживающих в одном доме, могут не выказывать уважения друг к другу. Так, только 189 респондентов из 205 ответили на вопрос, какие у них в семье отношения с дедушками и бабушками. 155 из 189 студентов находятся в хороших отношениях с представителями старших поколений, что свидетельствует о том, что в армянской семье еще сохраняются такие положительные эмоциональные проявления, как уважение, близость, теплота. Плохие и непонятные отношения с дедушками и бабушками у 8 респондентов, а у 26 дедушек и бабушек нет. Что касается отношений с родителями, то 142 респондента из 205 отметили, что прекрасно ладят с родителями, 45 студентов оценили отношения с родителями как средние, а у 18 респондентов плохие отношения с родителями.

В результате третьего социологического исследования (2016 г.) стало очевидно, что сегодня представители этих двух групп, независимо от их занятости (в частности старшее поколение) не проявили религиозность в открытую, что отражалось в посещении церкви, но активная пропагандистская работа Армянская Апостольская церкви, целенаправленная деятельность влияла на активизацию и увеличение численности верующих последователей церкви, а также на распространение духовных ценностей среди двух поколений.

Ответы на вопрос о вере показали, что наибольшее предпочтение среди двух поколений: 65,6% респондентов указали, что они христиане, но и полностью осведомлены, что веками Армянская Апостольская

церковь играла решающую роль в становлении и самосохранении армянского народа. На суждение о том, что «Вера – важнейшая составляющая моей жизни» 20,4% респондентов заявили, что они находятся в состоянии неопределенности и лишь 14,0% опрошенных твердо назвали себя неверующими. Любопытно, что среди верующей молодежи лишь 43,4% являются верующими в традиционном смысле слова – они регулярно посещают храм и исполняют религиозные предписания. Остальные в большинстве своем представляют собой модернизированных верующих, поскольку заявляют о том, что их вера – это их личное дело. И несмотря на то, что сегодня с каждым днем в Армении увеличивается число сект и сектантских организаций, которые проповедуют отличные от Армянской Апостольской церкви идеи, но тем не менее, у армянской церкви, семьи и государства прочная вера, и они неизменно реализуют христианские идеи при помощи праздников и обрядов.

В процессе исследования также было важно уточнить, как часто респонденты посещают церковь. Варианты ответов в процентном отношении показали, что в армянском обществе почти абсолютное большинство молодежи, в отличие от представителей старшего поколения, считают себя последователями христианства (46,2% – молодежь, старшее поколение – 19,4%). Этим фактом обусловлена и частота посещения церкви и религиозных центров молодежью.

Изучая особенности, роль и значение Армянской Апостольской церкви в формировании духовных и моральных ценностей в современном армянском обществе среди двух поколений – сегодняшней молодежи (от 18 до 30 лет) и представителей старшего поколения (от 56 до 66 лет), мы приходим к следующим выводам.

1. Благодаря Армянской Апостольской церкви на протяжении веков моральные ценности – вера, религия, образ жизни, распространялись и сохранялись. В связи с этим, сегодня церковь проводит целенаправленную деятельность для активизации, укрепления общинной жизни, в рамках которой увеличивается численность верующих последователей (Активная пропагандистская работа армянской церкви в – частности, выступление священников по телевидению, радио, на различных мероприятиях, привела к тому, что для многих армян стало нормой посещение церкви, как минимум один раз в месяц, что и отразилось в опросе 2016 г.). Однако сегодня перед церковью стоит проблема формирования духовных ценностей, как элементов национального образа. Необходимость такого содействия возрождению и становлению веры у населения со стороны данных институтов вызвана следующим:

- На старшее поколение еще действуют советская идеология и атеистическое воспитание.

- После распада Советского Союза молодые люди еще не получили должного и полноценного духовного воспитания.

- Процесс возрождения христианства неравномерен в общеобразовательных школах и высших учебных заведениях по всей республике.

2. Результаты проведенного социологического исследования, авторские наблюдения, а также проводимая духовными лицами работа свидетельствуют о том, что до сих пор очаги образования Республики, в том числе и высшие учебные заведения, как отмечает известный социолог В.Т. Лисовский, не могут эффективно способствовать духовному воспитанию учащейся молодежи [9].

3. В условиях демократизации Армении, когда власти приобрели законную основу, церковь по-новому выбирает своё предназначение для дальнейшего распространения своего влияния среди населения, активно использует принципы свободы слова и совести, утвержденные в конституции Республики Армения.

4. Можем утверждать, что не смотря на то, что в РА функционирует огромное множество сектантских организаций, которые ставят под сомнение догмы Армянской Апостольской церкви и основы ее проповедничества, вера армянской семьи, церкви и государства достаточно прочна, и армянский народ в своем большинстве неизменно следует христианским идеям. Данное состояние можно расценить как победу христианской идеологии, которая должна побудить армянское общество объединиться и по достоинству оценить всю армянскую культуру, отказаться от принятия чужих ценностей и не подвергаться их влиянию.

5. Одним из важнейших средств влияния церкви на нравственно-психологическое состояние молодежи выступает воспитание молодежи в духе христианской морали во всех сферах общественной жизни. Роль семьи и государства в удовлетворении социально-культурных потребностей и гармонизации нравственно-психологического состояния членов общества, гармоничное нравственно-психологическое состояние членов общества зависят не только от их жизненных условий. Позитивное воздействие на взаимоотношения людей в церкви и в семье оказывают народные традиции и обычаи.

6. Исследование показало, что не существует никакой связи между религиозностью и посещаемостью церкви, и что наше общество проявляет толерантность по отношению к мероприятиям христианской религии, тогда как общество интолерантно по отношению к сектантам. Степень

религиозности не может не влиять на отношение респондентов к роли религии в фильтрации духовных ценностей.

7. Армянская молодежь более религиозна по сравнению со старшим поколением, воспитанным в молодые годы в духе атеизма, что в целом, на наш взгляд, способствует благоприятному нравственно-психологическому состоянию молодых представителей армянского общества. Армянская Апостольская церковь в современных условиях выступает гарантом трансляции социокультурных ценностей и духовной связи поколений.

Список литературы

1. Гаспарян Ю.А. Семья и церковь как единая система регуляции народных традиций и обычаев. СПб, 2002, С. 148.
2. Гаспарян Ю.А. Семья и церковь как единая система регуляции народных традиций и обычаев. Ереван, 2004. С. 65.
3. Туманян. Ов. Сборник произведений. Т. 6. Ереван, 1959. 526 с.
4. Антонов В.И. Язык в зеркале этносоциологии и культурологии: проблемы теоретической социологии. Вып. 3: сб. статей / под ред. А.О. Боронова. СПб, 2000. С. 261–272.
5. Апресян Р.Г., Гусейнов А.А. Этика: Учебник. М., 1998. 229 с.
6. Мирзаханян Р. Культурная жизнь Советской Армении 1956–1990. Ереван, 2009. 354 с.
7. Берман Дж. Гарольд. Вера и закон: примирение права и религии. Библиотека Московской школы политических исследований / пер. с англ. М.: Московская школа политических исследований (МШПИ), 2008. 464 с.
8. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ., под ред. А.Ю. Согомонова. М., 1992. 543 с.
9. Лисовский В.Т. Социология молодежи. М., 2008, с. 231.
10. Евангелие от Матфея, гл. 28, стихи 19–20.
11. Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М., 2008., С. 1069.

2.3. Некомпенсируемая образовательная миграция: риск-ориентированный подход

Динамика изменений современного общества создает для всех социальных субъектов не только возможности, но необходимость изменения своего места в обществе. Социальные перемещения, мобильность являются неотъемлемой характеристикой обществ с высокоскоростными преобразовательными тенденциями. Мобильность, связанная с получением образования, становится актуальной в связи с потребностями

индивидов в эффективном освоении постоянно обновляющихся социальных обстоятельств.

В общем понимании академическая мобильность представляет собой временное перемещение студента для получения специфических знаний, академической подготовки с обязательным последующим возвращением к месту постоянного обучения, проживания. Такая мобильность становится образовательной или учебной миграцией, т.е. по определению Е.И. Самофаловой, «...вовлечением индивидов в социально-географические перемещения с целью получения образования» [1]. Однако процессы образовательной миграции подвержены теперь серьезным изменениям не только на межгосударственном, но и на региональном уровне, поскольку «различные формы и виды миграции претерпевают изменения по мере развития общества» [2].

Географические перемещения людей с целью получения образования вызваны как объективными факторами (открытостью образовательного пространства, доступностью образовательных ресурсов, неравномерностью распределения знаний), так и субъективными факторами (образовательными намерениями молодых мигрантов, их собственным выбором образовательной траектории).

Одним из распространенных видов изменения образовательной миграции является ее превращение в другие типы, в частности, в трудовую миграцию.

Если образовательные мигранты не возвращаются в родные места для завершения образования или трудоустройства, а стремятся сделать свое академическое географическое перемещение необратимым и невозвратным, то такая образовательная миграция становится некомпенсируемой. Некомпенсируемый характер образовательной миграции создается тем, что миграционная убыль населения страны или ее региона не восполняется притоком на эту территорию новых мигрантов, также имеющих образовательные намерения.

Межрегиональная внутрироссийская образовательная миграция все в большей мере приобретает некомпенсируемый характер, и миграционная убыль населения региона не восполняется притоком на эту территорию новых мигрантов, также имеющих образовательные намерения.

Для национальных регионов, таких как Удмуртская Республика, эта динамика имеет не только негативные экономические последствия. На протяжении последних нескольких лет Удмуртия испытывает устойчивую миграционную убыль населения [3]. Приток молодежи в Удмуртию с целью получить образование существует. Но он не компенсирует отток

населения в активном трудоспособном возрасте, в том числе и получившего высшее образование. Покидают Удмуртию и специалисты с высшим образованием [3].

Снижается образовательный и культурный уровень населения. Некомпенсируемая образовательная миграция молодежи наносит невосполнимый ущерб национальной культуре и языку, этничности в целом. Возникает угроза экономической безопасности регионов, их культурной и социальной стабильности.

Увеличивается миграционный образовательный вал – общее число уезжающей и приезжающей в регион молодежи старше 14 лет. Привлекательность «местного» регионального образования остается для молодежи соседних регионов, тогда как выпускники собственных школ уезжают в другие, как правило, центральные российские регионы и не рассчитывают возвращаться в родные места после окончания учебы. Существование такой тенденции объясняют, прежде всего, экономическими причинами в рамках известной теории Е. Равенштайна о причинах миграционного притяжения и отталкивания. Регионы притяжения привлекают мигрантов экономической и политической стабильностью, перспективами трудоустройства, получения качественного образования, социального обеспечения и т.п. Регионы отталкивания характеризуются кризисным состоянием экономики, социальной и политической нестабильностью, низким уровнем образовательных учреждений.

Необходимо обратить внимание не только на объективные факторы, побуждающие образовательный миграционный отток с территории Удмуртии, но и на субъективные факторы образовательно-миграционной активности молодежи. По мнению Т.Н. Юдиной [4], в качестве такого субъективного фактора должны рассматриваться не столько персонализированные социопсихологические следствия миграционных перемещений, сколько индивидуальные предпосылки такого процесса в виде личностных предпочтений, ожиданий, установок.

Образовательная миграция является противоречивым и неоднозначным явлением в силу индивидуальной и социальной неопределенности ее результатов. Такая миграция соединяет в себе виды мобильности, территориальную и образовательную (учебную). Тот и другой тип мобильности связан со стремлением индивида к позитивному изменению своего социального положения. Географическое перемещение связано с оценкой степени разнообразия социального пространства (территории) в качестве перспектив изменения существующего и закрепления желаемого социального статуса. Образовательная мобильность связана

с действиями индивида, реализующего возможности получения образования и использования этих возможностей в качестве социального лифта.

Но вместо того, чтобы усиливать достоинства друг друга в плане достижения субъектом желаемого социального положения, эти два типа мобильности, соединенные в образовательную миграцию, противоречат друг другу, генерируя неопределенность и неоднозначность этого процесса. Образовательная направленность территориального перемещения активной молодежи в трудоспособном возрасте не оказывает серьезного влияния на рынок труда и не способствует встраиванию работающих (а точнее, подрабатывающих) студентов в устойчивую профессиональную структуру принимающей территории. В результате образовательный характер миграции девальвирует ее потенциал как ресурса стабилизации и совершенствования социально-профессиональной структуры территории-реципиента.

Стремление иногородних студентов, ставших выпускниками, молодыми специалистами, закрепиться на рынке труда принимающей территории, встречается с высокой конкуренцией среди таких же молодых выпускников, зачастую не имеющих опыта работы по специальности. В этом случае для успеха в конкурентной борьбе на рынке труда значение приобретает не столько качество полученного образования, сколько диплом престижного вуза. Тем самым дискредитируется и девальвируется образовательный смысл миграционных перемещений студентов, которые уезжают из дома не столько за выдающимися знаниями, сколько за престижным дипломом.

Иными словами, миграционные ожидания могут не подтвердиться в действительности. Разрыв между ними создает для субъекта ситуацию риска, поскольку в связи с ускоряющимися социальными изменениями результаты миграционных перемещений становятся все в большей мере непредсказуемыми. В случае образовательной миграции риски, связанные со сменой социокультурной среды и проблемами социально-психологической адаптации к новым условиям жизни, соединяются с образовательными рисками, из-за которых образовательные результаты становятся неопределенными, негарантированными. Эти две группы рисков усиливают друг друга, создавая образовательно-миграционный тип риска, повышая рискогенность ситуации, в которой оказывается образовательный мигрант.

Поэтому необходимо обращение к концепции риска в образовании молодежи, которая занимает значительное место в социологии риска. Авторы многочисленных работ, посвященных образовательным рискам,

Ю.А. Зубок и В.И. Чупров, предложили деление эти рисков на средовые и деятельностные [5]. Средовые риски характеризуют условия жизнедеятельности в ситуации неопределенности последствий социальных изменений, а деятельностные риски связаны с возможностью субъективного выбора, неопределенностью его результатов и ответственностью субъекта за эти результаты. В случае образовательной миграции средовые риски возникают в связи с дисфункцией социальных институтов (в частности, экономических и образовательных), которые могли бы способствовать успешной адаптации образовательного мигранта как к новым условия проживания, так и к новым условиям получения образования. А деятельностные риски, вызванные собственной активностью индивида, исследователи связывают с возможностями его социального продвижения и саморазвития с неопределенностью последствий индивидуального образовательного выбора.

Такие риски становятся источником активности молодежи, выбирающей свою образовательную траекторию. Молодежь в стремлении избежать одних образовательных рисков генерирует при этом другие риски [5].

Желание минимизировать риски получения некачественного образования, а впоследствии нежелаемого (непрестижного, низкооплачиваемого) трудоустройства можно считать причиной, побуждающей выпускников средних учебных заведений покидать свой регион для продолжения обучения без намерения вернуться обратно.

Они, видимо, рассчитывают, что образовательная миграция обеспечит доступ к такому содержанию образования, которое позволит осуществлять впоследствии желаемую профессиональную деятельность. Это приобретение должно, по-видимому, компенсировать и средовые, и деятельностные образовательные риски, связанные с обучением вдали от постоянного места проживания. Но в этом случае образовательный мигрант встречается с риском как угрозой не получить желаемое состояние профессиональной подготовленности в связи с тем, что содержание профессиональной подготовки теперь утратило свою определенность.

В данном случае содержание образования можно трактовать как социальную характеристику индивида, формирующую в неких институционализированных условиях, которая одновременно является его собственным достоянием (капиталом), обеспечивающим возможную социальную мобильность, и признаком его принадлежности к определенной профессионально-образовательной группе.

Поэтому социальные институты (государство, рынок) могут влиять на содержание образования, но в современных условиях неопределен-

ности результатов общественных изменений не могут предписать обучающемуся, как он должен использовать это содержание. Обучающийся как субъект образования сам определяет способы и формы этого использования.

Казалось бы, содержание образования должно отвечать самым современным требованиям общества и индивида. Но в связи с инертностью образовательных институтов и длительностью вузовского обучения в быстроменяющемся обществе даже самое современное знание, ставшее содержанием образования, успеет устареть к моменту получения молодым специалистом желаемого диплома. Содержание полученного образования, удостоверенного дипломом, больше не указывает на статус работника, на его способности к выполнению определенных профессиональных задач [6].

Как представляется, влияние субъективного фактора на превращение учебной мобильности в некомпенсируемую образовательную миграцию можно рассматривать в контексте активности субъекта, вызванной встречей с существенной неопределенностью результатов этой миграции.

Встреча с этими неопределенностями означает для субъекта открытие реальной проблематичности изменяющейся социальной действительности, в рамках которой ему предстоит осуществлять свою профессиональную деятельность. Способность существовать в ситуации постоянных социальных изменений с неопределенными результатами проявляется в активности, вызванной встречей с этой неопределенностью. Субъект может уклониться от встречи с неопределенностью, заменить ее детерминированностью, а может использовать для приобретения новых возможностей, конструирования новых состояний. Субъект образования, заинтересованный в качестве своей профессиональной подготовки, вынужден самостоятельно преодолевать возникшие риски, связанные с неопределенностью требований к содержанию образования, самостоятельно осуществлять его конструктивное проектирование.

Неопределенность расширяет возможности выбора, выступает таким объективным фактором, который может стимулировать субъективную активность и творчество образовательного мигранта по отношению к процессу и результату своего образования. Во-первых, это неопределенность «социального заказа» со стороны рынка труда на специалистов и специальности (направления), выбранные образовательными мигрантами для обучения в иногородних вузах. Потребность в специалистах избранного профиля за 4-6 лет обучения может измениться. Тогда материальные, временные, интеллектуальные затраты абитуриента, обучающегося вдали

от родного дома, окажутся неоправданными. Во-вторых, неопределенность положения региональных вузов, подвергающихся очередному реформированию и объединению для создания так называемых опорных вузов. В-третьих, неопределенность содержания образования, которое в согласии с двухуровневой системой «бакалавриат – магистратура» и ФГОС ВО третьего поколения формируется самими вузами, что затрудняет межрегиональную мобильность студентов.

Такая неопределенность создает для абитуриента значительные средовые риски, снижает привлекательность образования, полученного в региональном вузе. Для того чтобы не встречаться с рисками некачественного образования, выпускники предпочитают испытывать миграционные риски, как средовые, так и деятельностные. Отток молодежи из региона усилится, что повлечет для экономики и социальной сферы Удмуртии крайне неблагоприятные последствия.

Таким образом, некомпенсируемая образовательная миграция порождается неопределенностью результатов кризисных социально-экономических изменений в регионе. При этом такая миграция сама превращается в фактор риска, закрепляющий и усиливающий такие неблагоприятные изменения в обществе с угрожающей нестабильностью. Поэтому некомпенсируемая образовательная миграция – самоподдерживающийся процесс, воспроизводящий социальные и индивидуальные риски.

Но для того, чтобы конструктивно освоить эти риски, образовательному мигранту необходимо обладать некоторыми ресурсами. Для того, чтобы выявить ресурсы освоения неопределенности у выпускников школ в связи с их намерением обучаться в иногороднем вузе, в 2015-16 г. был проведен анкетный опрос будущих абитуриентов. В стратификационную выборку вошли 150 учеников выпускных классов школ г. Ижевска, осуществляющих профильное обучение или обучение повышенного уровня. Предполагалось, что стремление обучаться в вузе за пределами Удмуртии связано у выпускников с потребностью в качественном образовании, полученном в престижном центральном вузе, что такое образование они намерены использовать для самосовершенствования, обеспечить с его помощью благоприятные профессиональные и жизненные перспективы. От имеющихся у них ресурсов зависит отношение к неопределенности: адаптационное или активное, конструктивное, творческое.

Одним из таких ресурсов является готовность к изменениям и освоению нового. Современные выпускники имеют устойчивую установку

на продолжение образования, получить высшее образование намерены 78% опрошенных. Почти четверть (23%) опрошенных предполагает совмещать работу и учебу.

Почти половина опрошенных (52%) решили, что образование, полученное в другом городе, обеспечит им расширенные перспективы. При этом учиться в учебных заведениях Удмуртии намерена почти треть опрошенных (28%). Пятая часть (20%) не определились с решением – покинуть Республику для обучения или найти интересующую специальность, направление в вузах Удмуртии. При этом, имея возможность уехать в другой город для учебы, постарались бы не возвращаться 19%. Основным мотивом для возвращения в родной город после окончания учебы названы семейные (54%) и личные (28%) обстоятельства.

Другим ресурсом освоения неопределенности являются ценности и смыслы по отношению к перспективам своего будущего, к образованию как способу реализации таких перспектив. Выпускники школ строят амбициозные жизненные планы. Практически все стремятся к независимости и самостоятельности (99%), с жизненным благополучием связывают успешную карьеру 94%, интересную работу 92% самореализацию 92%, материальное благополучие 91% респондентов. Правда, ценности, связанные со способами достижения жизненного успеха, с необходимостью ради него прилагать собственные усилия, котируются среди школьной молодежи ниже. Приобретение хорошего образования для жизненного успеха ценится 81%, добиться уважения окружающих стремятся 76%, а диплом престижного вуза, в который надо не только поступить, но и закончить, ценится 65% опрошенных. Налицо разрыв между воспринятыми внешним образом декларируемыми жизненными целями и способами их достижения, требующими напряжения своих сил, концентрации способностей.

Еще один ресурс освоения неопределенности – жизненные выборы, касающиеся не только решений в прошлом, но и действий в будущем. Выпускники обосновывают выбор обучения в иногороднем вузе в большей мере актуальной для подростков задачей – освободиться от опеки и контроля родителей (52%) и получить больше возможностей успешного трудоустройства, карьеры, заработка (52%). Но надежды подростков на успешное трудоустройство, карьеру, заработок за пределами родного города эфемерны, поскольку слабо связаны в их представлениях с необходимостью прилагать собственные значительные усилия для того, ради чего они, собственно, покидают родной дом. Как видно, будущим выпускникам школы не так интересны возможности получения каче-

ственного образования (44%) или диплома престижного вуза (36%), или возможности для самореализации (38%). Поэтому их жизненные выборы, связанные с образовательной миграцией, мало касаются планов на будущее, перспектив, возникающих после окончания вуза.

Будущие абитуриенты в основном слабо представляют связь между получением реальных перспектив успешной, стабильной, благополучной жизни, социальной защищенности, удовлетворения от выполняемой работы и приобретением качественного образования, требующего вложений физических, интеллектуальных, эмоциональных ресурсов. Такие достижения предполагаются самими собой разумеющимися, достаточно уехать в другой город под предлогом обучения в вузе и освободиться от родительского контроля. Возможности достижения жизненного успеха, имеющиеся в родном городе, Республике, привлекательны менее чем для половины опрошенных.

Вернуться в родной город, Республику, если придется оканчивать учебу в иногороднем вузе, готовы: ради привлекательной зарплаты – 36%, ради интересной работы – 28%, ради гарантированного трудоустройства – 26%, ради обеспеченности собственным жильем – 24%, ради льгот и гарантий молодым специалистам – 10% опрошенных.

Следующим ресурсом освоения неопределенности является принятая модель отношения к ней. Возможны два основных варианта: либо приобрести в новых обстоятельствах дополнительные способности, развить имеющиеся, пополнить интеллектуальные ресурсы, обрести новый социальный опыт, чтобы конструктивно использовать не только имеющиеся, но и возникающие неопределенности. Либо приспособится к существующим обстоятельствам, признавая первостепенными задачи, актуальные для данного момента, а не для перспективы развития.

Вчерашний школьник, поступивший в вуз за пределами родного города, вынужденно привыкает к самостоятельной и ответственной жизни. Поэтому для будущих абитуриентов во время возможного обучения в иногороднем вузе актуально приобретение таких качеств, как умение принимать самостоятельные решения (91%), распределять ограниченные финансовые ресурсы (56%), отвечать за свои поступки (46%), умение налаживать коммуникации в новых жизненных обстоятельствах (40%).

Но при этом сохраняется серьезная материальная зависимость от родителей во время обучения в иногороднем вузе. Экономические возможности семьи содержать ребенка – иногороднего студента становятся

для большинства опрошенных приоритетной проблемой. 70% считают, что возможность отъезда в другой город для обучения зависит от благосостояния семьи. Это сравнимо с мнением 71% опрошенных о том, что такие возможности обеспечены качественной подготовкой по школьным предметам и собственными способностями (61%).

Поэтому в качестве основных задач, которые придется решать во время обучения в другом городе, выделяются проблемы бытовой устроенности и финансового обеспечения. Для 66% опрошенных проблемы связаны с необходимостью проживать в общежитии, снимать квартиру; для 57% проблемой является высокая стоимость жизни в большом городе, нехватка денег; а для 52% – отсутствие постоянной поддержки близких, родных.

Но такие экономические трудности будет преодолевать не сам студент, а его родители, родственники. Только 29% опрошенных считают, что студент должен разделить с родственниками экономическую ответственность за свое обучение в другом городе и самостоятельно зарабатывать себе на жизнь.

Представлениям же о других проблемах, связанных с обучением, респонденты уделили значительно меньше внимания. Проблемы адаптации к темпам жизни мегаполиса есть у 21%, проблемы быстро осваивать новые требования к учебе имеют 16%, необходимость самостоятельно принимать решения признают проблемой 13%, необходимость самостоятельно распределять свое время между учебой, отдыхом, развлечениями считают проблематичной 7% опрошенных.

Поэтому необходимость в развитии способностей, связанных с собственными усилиями по преодолению ситуации неопределенности относительно результатов обучения в условиях повышенных вузовских требований, осознается меньшим числом опрошенных респондентов. Только 17% считают, что в период учебы в другом городе им потребуются умение организовывать свое время, только 12% понадобится умение конкурировать с другими студентами, и только 7% понимают, что без умения быстро осваивать большие объемы информации им не справиться с повышенными учебными нагрузками.

Таким образом, мотив получения качественного образования не является приоритетным для выпускников, выбирающих путь образовательного мигранта. Их больше привлекает приобретение самостоятельности вдали от родительского контроля. При этом материальную и финансовую ответственность за самостоятельность фактически взрослых детей несут по-прежнему родители. Поэтому на первом

месте у потенциальных образовательных мигрантов заботы выживания в чужом городе, проблемы бытового и финансового обеспечения. Для выпускников школ образовательная миграция в меньшей мере связана со стремлением получить качественное образование, обеспечивающее совершенствование способностей, достижение благоприятных социальных перспектив, получение гарантий стабильного будущего. Желание обнаружить за пределами родного города расширенные перспективы карьеры, трудоустройства, заработка не сопровождается приоритетными установками на применение собственных образовательных усилий для достижения желаемых благ. Налицо такое отношение к неопределенности, связанной с образовательной миграцией, которое характеризуется как понижающая адаптация, «...где отсутствует перспектива роста, механизм постоянного повышения качества своих действий (именно в той мере, в какой они свои, а не заданы извне и не приняты поневоле)» [7].

Оценка индивидуальных оснований такой миграции показала, что социальные преимущества образовательные мигранты стремятся извлечь не столько из новых возможностей получения образования, сколько из самого факта невозвратного географического перемещения. Некомпенсируемая образовательная миграция не только лишает регионы-доноры экономических и социальных перспектив. Она не выполняет и функции обеспечения приоритета качественного образования в качестве индивидуальной цели миграционного поведения.

Таким образом, по результатам исследования определен субъективный фактор превращения учебной мобильности в некомпенсируемую образовательную миграцию. Это активность субъекта в рискогенной ситуации неопределенности результатов этой миграции. Порождаемая неопределенностью результатов кризисных социально-экономических изменений в регионе, миграционная активность субъектов сама превращается в фактор риска. Образовательная миграция становится самоорганизующимся процессом, воспроизводящим социальные и индивидуальные риски как свое собственное основание.

Установлено, что негативным стимулирующим фактором некомпенсируемой образовательной миграции молодежи с территории Удмуртии является неопределенность оптимизационных изменений в системе высшего образования Республики. Следствия такой миграции молодежи для Удмуртии: утрата квалифицированной кадровой базы для высокотехнологичного производства ВПК; депопуляция населения в районах, граничащих с другими субъектами федерации; угроза языковой и куль-

турной деградации коренных этносов, угроза социальной, культурной и политической стабильности в Республике.

По результатам эмпирического исследования методом анализа статистических данных Росстата выявлено, что некомпенсируемый характер образовательной миграции создается тем, что количество мигрантов, приезжающих для обучения в вузах Удмуртии, устойчиво меньше, чем количество уезжающих за пределы Республики для продолжения образования. По результатам эмпирического исследования (в форме анкетного опроса) индивидуальных ценностных оснований образовательной миграции установлено, что для выпускников школ Удмуртии более актуальны миграционные средовые риски, связанные с понижающей адаптацией к изменениям социально-экономических условий жизни, чем деятельностные риски, связанные с трудностями в освоении содержания вузовского обучения. Трансформация учебной миграции в некомпенсируемую вызвана девальвацией ценности качественного образования в пользу ценности индивидуальной успешности, обеспеченной невозвратным географическим перемещением с территории Удмуртии.

Список литературы

1. Самофалова Е.И. Образовательная миграция: проблемное поле и основные характеристики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scipeople.ru/publication/> (дата обращения: 09.12.2015).
2. Ивахнюк И.В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации [Электронный ресурс] // Век глобализации. 2015. № 1. С. 36–51. Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/veck%20globalizastii/2015_1/3.pdf (дата обращения: 09.12.2015).
3. Удмуртстат [Электронный ресурс]: офиц. сайт. Режим доступа: <http://udmstat.gks.ru/> (дата обращения: 09.12.2015).
4. Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социс. 2002. № 10. С. 102-109.
5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Риск в сфере образования молодежи: институциональные и саморегуляционные механизмы управления // Вопросы образования. 2008. № 4. С. 31-55.
6. Абрамов Р.Н. Парадоксы кренциализма и динамика современного профессионализма // Профессии. doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант: ЦСПГИ. 2007. С. 30-40.
7. Зоркая Н.А. Молодежь: типы адаптации, оценка перемен, установки на социальное достижение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. Вып. 2.

2.4. Проблемы и опыт создания полиязычной среды при подготовке иностранных студентов

30 мая 2017 года в России утвержден паспорт национального проекта по экспорту образования. Перед университетами стоит задача увеличить количество иностранных студентов, обучающихся по очной форме в российских вузах, в три раза – с 220 тыс. человек в 2017 году до 710 тыс. в 2025 году [3]. Очевидно, что большинство этих студентов будут обучаться на русскоязычных образовательных программах. Согласно государственным требованиям, к моменту зачисления на образовательную программу студент из страны дальнего зарубежья должен владеть русским языком на уровне не ниже В1 (по Европейской языковой шкале) для обучения на инженерных и естественно-научных направлениях подготовки и уровнем В2 – для социальных и гуманитарных направлений подготовки [4]. Однако этот уровень, особенно поначалу, недостаточен для решения ряда задач в учебно-профессиональной сфере общения, которые нелегко даются и российским студентам: таких, как письменные работы, презентации, обсуждения, а тем более участие в научно-практических семинарах, конференциях, общение с научным руководителем, написание и обсуждение своей научной темы. Кроме того, языковые ограничения часто препятствуют эффективному функционированию студентов в организационной среде университета и их успешному обучению и развитию.

Недостаток владения языком обучения, по мнению международных экспертов, – главный фактор стресса для иностранных студентов [8]. Сразу за ним следует такой фактор, как аккультурация, к которой относятся не только необходимость привыкнуть к другой культурной среде, но и различия в культуре преподавания и обучения (*ibid*). В 2015 году «Erasmus Students Network» провела опрос 129 тысяч студентов-обменников и выяснила, что после вопросов поселения студенты отмечают владение языком страны как второй по важности фактор, влияющий на уровень их интеграции [6]. 7% респондентов ответили, что, несмотря на низкий уровень владения языком, они не посещают языковые курсы в стране пребывания, потому что не могут себе этого позволить (*ibid*).

Зарубежные университеты столкнулись с проблемами языковой и культурной интеграции иностранных студентов раньше многих российских университетов. Приведем лишь один пример: Тилбургский университет в Нидерландах занимает в рейтинге QS 2018 357-е место. Многие российские университеты Программы 5-100 уже попали в этот эшелон. В 2008 году этот университет начал программу интернационали-

зации кампуса, которая включала в себя три основных компонента: язык, культура и интеграция [9]. В языковой части этой инициативы университет инвестировал в расширение языкового центра, чтобы исключить очереди на получение бесплатного курса голландского и английского языков. Кроме того, все сотрудники университета в обязательном порядке должны были пройти тест на владение английским языком. Этот второй пункт тем более заслуживает внимания, что речь идет о Нидерландах, стране, в которой английский очень распространен. В культурной части инициативы университетом были наняты специалисты по межкультурному общению, которые оказывали консультации всем желающим: как сотрудникам, так и преподавателям.

Подобно своим зарубежным коллегам, российские университеты испытывают необходимость повысить результативность обучения и комфортность пребывания иностранных студентов в новой образовательной среде. Создание эффективных сервисов языковой и культурной интеграции, развитие полиязычной и поликультурной среды университета является актуальным предметом дебатов в академической среде (см., например, последний выпуск журнала Высшей школы экономики «Higher Education in Russia and Beyond» [Электронный ресурс]. URL: https://herb.hse.ru/dat/2017/05/31/1171930350/1HERB_12_view.pdf#page=20).

Уровень удовлетворенности иностранных студентов пребыванием в университете, эффективность их интеграции зависят от обеспечения специальных условий их погружения в русскоязычную культурную среду. Уральский федеральный университет (далее – УрФУ), в котором в 2017 году обучается более 850 студентов из стран дальнего зарубежья, проводит целенаправленную политику адаптации иностранных обучающихся с целью их интеграции в новую социокультурную среду, приспособления к образовательной системе, климатическим условиям, языку общения, интернациональному характеру учебных коллективов и приобщения к местной многонациональной культуре. На первоначальном этапе интеграции иностранных студентов им помогают студенты-волонтеры, чья основная роль – это фасилитация общения с непосредственным окружением. Первоначальная адаптация перетекает в постоянные мероприятия, направленные на интеграцию студента в студенческую жизнь университета, помощь в установлении социально значимых контактов. Этим занимаются, в основном, студенческие организации. Как и многие другие университеты, например, Высшая школа экономики (подробнее смотри [1]), УрФУ предпринял специальные меры по обучению сотрудников университета английскому языку. Это было предпринято в рамках

более развернутых мер по созданию полиязычной образовательной среды в университете [2, 5].

Большинство иностранцев из дальнего зарубежья, приезжающих в Уральский федеральный университет, проводят год на подготовительном отделении, где получают необходимую языковую подготовку для дальнейшего продолжения обучения. Как правило, срок их очного обучения составляет один учебный год. Предполагается, что за это время они должны овладеть не только общими навыками коммуникации на русском языке не ниже уровня В1, но и освоить программный минимум довузовской подготовки по выбранной специальности, чтобы, в случае успешного поступления, обучаться совместно с носителями языка. Учитывая организационно-методические ограничения, налагаемые традиционными технологиями обучения (недостаточный объём аудиторных часов, сложности с формированием групп как по национальному составу, так и по числу обучающихся, проблема мультимедийного оснащения учебных аудиторий и т.д.), обозначенная задача оказывается, в ряде случаев, невыполнимой даже в своей первой части. Статистика подготовительного отделения УрФУ за 2016-2017 уч. год показывает, что требуемого для поступления уровня достигает в лучшем случае 75% обучающихся.

Вместе с тем, обучение русскому языку как иностранному на подготовительном отделении должно быть первым этапом становления профессиональной языковой личности, формируя готовность к решению более сложных академических задач в учебно-профессиональной сфере общения. В условиях традиционной классно-урочной системы обучения обеспечить такую подготовку за столь короткий срок не представляется возможным. В связи с этим, актуализируется задача организации регулярных внеурочных мероприятий, предоставляющих инофонам возможность получить дополнительную языковую подготовку, прежде всего, в плане развития навыков коммуникации. Это такие мероприятия, как дискуссионные клубы, тренинги, медиа-проекты, профориентационные кампании – всё то, что предполагает активное участие самих студентов и имеет выраженную образовательную направленность. Подобные меры являются эффективными и в отношении интеграции: ведь проблема состоит и в том, что обучающиеся с низким уровнем владения языком общения гораздо менее интегрированы в жизнь университета, имеют меньше возможностей для контакта со студенческим сообществом. Помимо слушателей подготовительного отделения, существуют и другие группы иностранцев, кто, обладая достаточным знанием русского языка, поступает сразу на обучение по направлению подготовки. К таким

группам относятся билингвы – выходцы с постсоветского пространства, участники программ академического обмена и иностранные стажеры. Для этих категорий процесс интеграции осложняется сжатыми сроками их пребывания в университете, а также множественностью и разобщенностью каналов информирования о доступных образовательных ресурсах.

Большое значение в условиях интернационализации учебного процесса приобретает методическая работа с преподавателями: формирование у педагогического состава, в особенности на неязыковых направлениях подготовки, адекватного представления о специфике взаимодействия со смешанными группами и вариантах подачи информации, в составе которых есть и русскоязычные, и иностранные учащиеся.

Наконец, учитывая индивидуальный характер процессов адаптации и овладения языком, важно обеспечить разнообразие дополнительных образовательных услуг и ресурсов: коммуникация и обучение должны быть доступны как в более академичной, так и в неформальной форме, индивидуально и в группах, напрямую и удаленно, на уровне взаимодействия «преподаватель – студент» и полностью в студенческой среде. Также на регулярной основе должны проводиться мониторинги удовлетворенности иностранных учащихся, исследование и разработка новых технологий самостоятельного и направленного обучения русскому языку как иностранному (РКИ), проверка качества и эффективности их использования в УрФУ – для всего этого необходим постоянно действующий канал обратной связи от студентов и преподавателей.

Для комплексного решения обозначенных проблем в Уральском федеральном университете разработан проект Ресурсного центра русского языка с целью создания интегрированного образовательного пространства для поддержки и развития деятельности по преподаванию и изучению русского языка в Уральском федеральном университете в интересах повышения качества обучения иностранных студентов. Пробразом ресурсного центра послужил Центр иностранных языков «City University of Hong Kong». Основная цель данной структуры состоит в том, чтобы централизовать информацию об имеющихся в УрФУ образовательных услугах и ресурсах обучения РКИ (основных и дополнительных) для трех целевых групп:

- иностранных абитуриентов;
- участников программ академического обмена;
- иностранных студентов, обучающихся по программам ВО.

В рамках реализации данной цели, ресурсный центр русского языка обеспечивает прямой и удаленный доступ к учебно-методическим, нор-

мативным и информационным материалам для изучения и преподавания русского языка, имеющимся в университете. Он также сотрудничает с внешними организациями, деятельность которых направлена на продвижение и поддержку русского языка и культуры в России и за рубежом. Деятельность центра строится вокруг нескольких приоритетных направлений:

- обеспечение вариативности доступных форм обучения РКИ в соответствии с индивидуальными потребностями и целями иностранных слушателей (групповое и индивидуальное обучение, в академической или неформальной обстановке, по модели «преподаватель – студент» и «студент – студент», и т.д.)

- созданий условий для повышения квалификации преподавателей УрФУ относительно специфики работы с иностранными студентами (формирование контента курсов, предназначенных для мультикультурной аудитории, особенности методической организации и подачи материала, психолого-педагогические и коммуникативные аспекты взаимодействия с иностранными студентами);

- активное задействование русскоязычных студентов (в особенности лингвистических специальностей) в работе с иностранным контингентом в рамках прохождения практик (внеаудиторное обучение русскому языку, участие в организации профориентационных мероприятий, проведение мониторинга удовлетворенности иностранных слушателей и т.п.);

- создание постоянно действующего канала «обратной связи» для иностранных студентов УрФУ для выявления и адресного решения проблем, связанных с обучением русскому языку;

- разработка комплекса электронных образовательных ресурсов, используемых для удаленного обучения РКИ и в качестве дополнительной формы организации аудиторных занятий.

Структурно центр подразделен на «реальную» (onsite) и «виртуальную» (online) части. «Реальная» часть представляет собой специальное помещение, оснащенное мультимедийным оборудованием и выполняющее функции учебно-методической и консультационной помощи для решения проблем изучения русского языка в УрФУ; предоставления учебной и учебно-методической литературы по обучению и преподаванию РКИ. Помимо этого, в помещении центра регулярно проходят обучающие семинары и вебинары для преподавателей.

«Виртуальная» часть представляет собой информационно-образовательный портал на базе хостинг-платформы УрФУ, выполняющий следующие функции: предоставление актуальной информации об обра-

зовательных услугах УрФУ, связанных с изучением русского языка всех уровней; доступ к электронным ресурсам изучения РЯ в УрФУ.

Последняя задача заслуживает особого внимания. Уральский федеральный университет имеет более чем 10-летний опыт внедрения технологий дистанционного обучения с применением электронных ресурсов. На сегодняшний момент это одно из основных направлений реализации образовательной политики университета.

24 августа 2016 года на Заседании президиума Совета при Президенте по стратегическому развитию и приоритетным проектам проект УрФУ «Современная цифровая образовательная среда» был одобрен как один из 4 приоритетных проектов в области образования. 8 ноября 2016 года был утвержден паспорт проекта, в котором зафиксирована его цель: создать к 2018 году условия для системного повышения качества и расширения возможностей непрерывного образования для всех категорий граждан за счет развития российского цифрового образовательного пространства и увеличения числа обучающихся образовательных организаций, освоивших онлайн-курсы, до 11 млн человек к концу 2025 года.

В соответствии с данной целью университет успешно размещает свои онлайн-курсы на ведущих площадках открытого образования и уже обучает на них более 100 000 человек. УрФУ – первый в России партнер ведущей в мире национальной платформы открытого образования edX.org. Только первый онлайн-курс УрФУ на данной площадке собрал более 5 000 обучающихся из Индии и США.

На сегодняшний момент на данной площадке действует 14 курсов УрФУ, на которых обучается 97 тыс. человек. Ещё 15 курсов планируется к запуску до 1 сентября 2017 года. Процент успешного завершения действующих курсов составляет 85-90%.

В университете разработана локальная нормативная база по применению ЭОРов в учебном процессе: «Организация учебного процесса с использованием массовых открытых онлайн-курсов». На сегодняшний день в УрФУ имеется опыт успешной апробации различных форм интеграции ЭОР в учебный процесс:

- смешанное обучение, предполагающее использование ЭОР в качестве поддерживающего инструмента повышения качества освоения учебных курсов параллельно с реализацией традиционных технологий преподавания, использование онлайн-курса как части дисциплины;
- освоение онлайн-курса другого университета в качестве майнора (элективного курса вне основного направления подготовки, направленного на овладение дополнительными профессиональными компетенциями);

- освоение онлайн-курса до поступления на программу (перехода на курс) с перезачетом;

- освоение онлайн-курса как способ ликвидации задолженности.

Имеется опыт по разработке и внедрению электронных курсов совместно с партнерскими организациями, в том числе с крупнейшими компаниями-работодателями выпускников УрФУ: в 2015-2016 уч. году совместно с «СКБ-Контур» создано два курса по технологиям программирования на Национальной платформе открытого образования (работодатель выступил в качестве инвестора, УрФУ и работодатель стали правообладателями).

Опираясь на передовой опыт университета в данной сфере, в настоящий момент коллективом ресурсного центра русского языка ведется проектирование полноценного учебно-методического комплекса ЭОР (электронных образовательных ресурсов), ориентированного на организацию как дополнительного (к аудиторному), так и дистанционного обучения русскому как иностранному. В его состав будут включены самые разные мультимедийные средства: электронные учебники и учебные пособия, видеолекции, тематические текстотеки, медиатеки, практикумы, тестовые системы, коллекции наглядных материалов – учебные таблицы, схемы, иллюстрации, контрольно-тестовые системы и др. Их отбор и принципы их применения, помимо общедидактических требований интерактивности, системности и взаимодополняемости, будут определяться профильной спецификой целевой аудитории курса и методической целесообразностью использования данного средства для достижения конкретных результатов обучения.

Содержательно каждый курс представляет собой структурированный информационно-образовательный контент, организованный с учетом специфики индивидуальных потребностей инофонов и состоящий из тематических блоков, агрегированных в более сложные структурные образования – модули. Каждый модуль представляет собой цикл занятий, направленный на достижение одного из результатов обучения, определенных для данного профильного курса. Совокупность модулей обеспечивает поэтапное освоение иностранным слушателем языкового материала (фонетического, лексико-грамматического, стилистического), необходимого для формирования коммуникативной компетенции в условиях иноязычного общения.

Учитывается также и то, что дистанционное обучение РЯ должно быть максимально инклюзивным, то есть обеспечивать возможность обучения иностранных слушателей разного возраста, уровня образования,

физических возможностей, национальной принадлежности, индивидуальных целей обучения и степени мотивированности. При этом процесс обучения должен иметь максимально прикладной характер и быть приближен к профессиональной (или будущей профессиональной) деятельности обучаемого. Последнее условие особенно актуально в случае, если целевой аудиторией курса являются иностранные абитуриенты, которым необходимо в достаточно сжатые сроки сформировать языковую базу для поступления на выбранную специальность.

В целом, создание электронных ресурсов способствует оптимизации учебного процесса, экономии затрат, выделяемых университетом на организацию обучения иностранных слушателей, и повышению качества обучения русскому языку в данном сегменте образовательной системы. Социальный эффект данного направления деятельности центра заключается в увеличении числа иностранных студентов, обучающихся в УрФУ по различным программам высшего профессионального образования, что соответствует приоритетным задачам высшего профессионального образования РФ, в которые входит формирование позитивного образа российского вуза на рынке образовательных услуг.

Отдельно следует подчеркнуть, что в разработке концепции центра участвовали иностранные студенты, студенты УрФУ, организовавшие в рамках профсоюзной организации студентов студенческий Клуб иностранных языков УрФУ, преподаватели русского языка как иностранного, сотрудники службы адаптации иностранных обучающихся. Совместное планирование и разработка такого проекта также позволят повысить мотивацию иностранных студентов к участию в нем, что зачастую является главной проблемой в организации такого рода деятельности.

Относительно стратегии развития полиязычной образовательной среды в вузе, основополагающим критерием эффективности, несомненно, является формирование грамотной политики управления имеющимися ресурсами. В данном случае, речь идет не только о налаженном взаимодействии различных структурных подразделений университета, занимающихся вопросами обеспечения учебного процесса, организационно-методической и учебно-воспитательной деятельности иностранных студентов, но и о создании единой инфраструктуры центров изучения иностранных языков и культур, существующих в вузовском пространстве. С этой целью в УрФУ организовано Управление развития полиязычной среды, находящееся в административном подчинении блока проректора

по международным связям. В состав управления войдут Центр адаптации иностранных слушателей, Институт Конфуция, Центр французского языка и культуры УрФУ, Кембриджский языковой центр, а также описанный выше Ресурсный центр русского языка. Подобная централизация призвана обеспечить совершенствование условий обучения иностранным языкам и обмен методическим опытом, что, в свою очередь, способствует расширению международных связей и укрепляет позиции УрФУ в глобальном образовательном пространстве.

Список литературы

1. Гринкевич Ю.В. Полиязычное пространство внутренних коммуникаций университета // Полиязычная образовательная среда: модели, пути создания, практики. Издательство Уральского университета, 2016. С. 24-32.
2. Гузикова М.О., Неволлина А.Л. Модель иноязычной среды университета: проектирование, внедрение и управление // Университетское управление: практика и анализ. 2016. №. 1. С. 83-89.
3. Могилевская А., Копалкина Е. Медведев предложил экспортировать российское образование. РБК, 30.05.2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/30/05/2017/592d4f6a9a79471d54c0c2f7> (дата обращения: 29.06.2017).
4. Описание сертификационных уровней владения русским как иностранным // Центр подготовки и тестирования иностранных граждан по русскому языку МГУ имени М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russian-test.com/tests/torfl/intermediate.html> (дата обращения: 29.06.2017).
5. Полиязычная образовательная среда: модели, пути создания, практики: монография / под ред. М.О. Гузиковой, А.Л. Неволлиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016.
6. Encinas, A.P., Escriva, J. Understanding the international student experience. EAIE Blog, 15.12.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL <http://www.eaie.org/blog/understanding-the-international-student-experience/>.
7. Guzikova M., Kalinina A. How to Improve International Students' Russian Language Skills// Higher Education in Russia and Beyond / No 2 (12). Summer 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://herb.hse.ru/data/2017/05/31/1171930350/1HERB_12_view.pdf#page=20 (дата обращения: 29.06.2017)
8. Haber F., Griffiths S. 5 unique mental health stressors faced by international students. EAIE blog, 22.02.2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eaie.org/blog/5-mental-health-stressors-international-students/> (дата обращения: 29.06.2017).
9. Hans-Georg van Liempd H.-G. The struggle and success of services internationalisation. EAIE Blog. 04.11.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eaie.org/blog/the-struggle-and-success-of-services-internationalisation/> (дата обращения: 29.06.2017).

2.5. Социальная идентичность преподавателей вузов на этапе реформирования образования

Под социальной идентичностью обычно понимают переживание и осознание человеком своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям.

На современном этапе развития общества социальная идентичность личности формируется под влиянием следующих процессов:

- глобализация – процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции;
- информатизация – организованный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей общества;
- поликультурность социума, включающая многообразие этносов, языков, верований, традиций, жизненных стилей и способов мышления;
- нарастание миграционных процессов;
- открытость и доступность образования.

Процесс формирования социальной идентичности преподавателей вузов во многом зависит как от факторов внешней среды (процессы стратификации вузов), так и от внутренней среды конкретных вузов [1, 2], определяющих кадровую политику, условия конкурсного отбора преподавателей, заработную плату, возможность профессионального роста и производящих оценку их деятельности.

На этапе реформирования образования изучение процесса трансформирования существующей и формирования новой социальной идентичности преподавателей вузов представляет собой несомненный интерес. Ведь именно преподаватели вузов в процессе своей деятельности не только осуществляют передачу знаний молодежи, но и оказывают существенное влияние на их социализацию. В результате существенно возрастает социокультурная роль педагогической деятельности, видоизменяется и возрастает профессиональный и личностный потенциал преподавателя.

Стратификация вузов

На самой вершине иерархической структуры вузов находятся вузы 1-й страты – участники Проекта 5-100. Основной целью этого проекта является повышение конкурентоспособности российского высшего образования и выведение не менее пяти отечественных университетов в сотню лучших вузов согласно мировому рейтингу. В настоящее время в число участников этого проекта входит 21 вуз, в которых обучается свыше 360 000 студентов и работает 21 нобелевский лауреат.

Эти университеты разделены на 3 группы (по 7 в каждой группе). В 2017 году общий объем государственной поддержки составит 10,3 миллиарда рублей: вузам первой группы – по 849,2 млн рублей; вузам второй группы – по 482,2 млн рублей; вузам третьей группы – по 141,5 млн рублей.

Таким образом, даже среди этих университетов создается расслоение, обусловленное различными объемами государственной поддержки, которая способствует различиям в организационном и материально-техническом обеспечении, а также влияет на характер социальной идентификации профессорско-преподавательского состава.

Преподаватели государственных и негосударственных вузов (3-я страта), не участвующих в Проекте 5-100 и не являющихся опорными вузами (2-я страта), в полной мере ощущают на себе неравенство возможностей и зарплат, что негативно сказывается на их профессиональном самоопределении.

Кадровая политика и сокращение штатов

План мероприятий Правительства РФ «Дорожная карта», нацеленный на улучшение российского образования, который предписывает всем университетам к 2018 году выйти на соотношение преподаватель – студент 1 к 10, а также нехватка средств ставит вузы перед необходимостью сокращения штатов преподавателей.

Основываясь на собственных наблюдениях, можно сказать несколько слов о подходе к этой проблеме в СПбПУ, в состав которого входят 12 базовых институтов и где в прошлом году были проведены массовые сокращения сотрудников во время конкурса на замещение вакантных должностей.

Оценить масштабы сокращения штатов, связанного с этим событием, можно на примере одного из базовых институтов, где в результате конкурсного отбора предполагалось заполнить 2,5 штатных единиц профессорами и 4 штатные единицы доцентами. При этом срок предыдущего договора истекал у 11 профессоров и 60 доцентов. Причем во всех требованиях для кандидатов обязательным было не только наличие статей в изданиях, индексируемых в базах РИНЦ, Web of Science, Scopus, но и конкретные значения индекса Хирша, например, 16, что соответствует научной активности ученого с мировым именем (руководителя научной организации, председателя диссертационного совета). Вряд ли такой человек стал бы проводить практические и семинарские занятия со студентами.

Таким образом, только в результате перевыборов в одном из 12 базовых институтов 73% профессоров и 93% доцентов оказались невос-

требуемыми, что нивелирует их удовлетворенность своим положением в обществе. Несомненно, что это не только крайне негативно скажется на их социальной идентичности, но может повлечь за собой психоэмоциональную апатию и выгорание.

Объединение вузов

На современном этапе реформирования образования, начиная с 2011 года, наиболее болезненными как для преподавателей, так и для студентов оказались процедуры выявления неэффективно работающих вузов с последующим их объединением с другими учебными заведениями. Уже в 2014 году неэффективными были признаны более тысячи вузов и филиалов.

Вузы оценивались по формальным параметрам: публикуемость, цитируемость (индекс Хирша), количество Нобелевских лауреатов, репутация вуза, доля иностранных студентов и преподавателей, доход от производственной деятельности, научные исследования (объем и доход) [3].

Процесс объединения вузов затронул и столичные города. Так в сентябре 2011 года в состав Санкт-Петербургского политехнического университета (СПбПУ) вошел Санкт-Петербургский институт машиностроения (ЛМЗ–ВТУЗ), а в начале 2015 года – Санкт-Петербургский торгово-экономический университет (СПбТЭУ).

Это объединение крайне негативно сказалось не только на количестве преподавателей присоединенных вузов, но и на их социальной идентичности, так как в новых структурах они оказались никому не нужными.

Зарплата и рейтинговая система оценки труда

Несмотря на многочисленные обещания, заработная плата преподавателей вузов значительно ниже региональной средней зарплаты работников промышленности.

Оценка результативности и качества труда преподавателей уже почти 4 года осуществляется в балльно-рейтинговой форме. Сама эта процедура своей несправедливостью и непрозрачностью совсем не способствует социальной идентичности преподавательского корпуса.

В зависимости от количества набранных баллов базовая ставка (коэффициент 1) каждой преподавательской должности умножается на повышающий коэффициент 1,3 или 1,6.

Надо отметить, что за 4 года эта система претерпела некоторые изменения. Например, если раньше профессору для получения базовой ставки необходимо было набрать 100 баллов, то теперь – 120. Раньше в расчет принимались любые учебно-методические пособия, то теперь только те, объем которых составляет не менее 8 печатных листов. Статьи

в журналах местного значения и повышение квалификации теперь вообще не учитываются.

В то же время преподавателя просто унижают за невысокий индекс Хирша, за отсутствие публикаций в Web of Science и Scopus. Однако, если проанализировать раздел «Анализ публикационной активности» для сотрудников СПбПУ, то можно увидеть, что из каждых 100 человек примерно 37 имеют индекс Хирша равный нулю и только у 20 человек на весь университет в среднем значение этого индекса составляет 28,5.

Начальство зачастую использует административный ресурс для установления себе максимального повышающего коэффициента, а рядовым сотрудникам приходится мириться с этой несправедливостью, что также способствует дисбалансу идентичности.

Мы рассмотрели только некоторые факторы, оказывающие по большей части негативное влияние на процесс трансформации социальной идентичности преподавателей вузов на этапе реформирования высшего профессионального образования.

Для улучшения сложившейся ситуации представляется необходимым:

- включить в государственную программу повышения конкурентоспособности вузов «Развитие образования», запланированную до 2020 года, как можно большее число вузов;
- при объединении вузов неукоснительно соблюдать принцип добровольности;
- предусмотреть на государственном уровне разработку мероприятий для повышения статуса преподавателей и престижа их труда;
- обеспечить уровень зарплат преподавателей не ниже региональной средней зарплаты работников промышленности;
- отдельным вузам внести необходимые корректировки в Положения о рейтинговой оценке труда преподавателей;
- модернизировать программы повышения квалификации преподавателей в соответствии с требованиями рынка труда.

Список литературы

1. Ахметшина Е.Р. Профессиональная идентичность преподавателей вузов в условиях стратификации высших учебных заведений: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пенза, 2013. 28 с.
2. Зотова И.Г. Социальная идентичность преподавателей современной высшей школы: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2011. 24 с.
3. Грунт Е.В. Деятельность российского преподавателя высшей школы и ее оценка в условиях интеллектуального колониализма на глобальном образователь-

ном рынке // Интеллектуальный колониализм на глобальном образовательном рынке. Москва, 2017. С.159-178.

2.6. Науки социальные и гуманитарные в процессе глобализации

Одним из признаков разворачивающегося научно-технического развития стало повышение роли теоретических знаний как фактора, ускоряющего развитие общественного производства и увеличивающего конкурентоспособность экономики. Это обусловило превращение университетских исследований из относительно обособленной сферы науки в неотъемлемое звено цепи «наука – производство». Место университетской науки в формировании научно-технического потенциала многих стран мира определяется тем, что осуществляемые в высшей школе исследования носят преимущественно фундаментальный характер.

Сегодня мы стали свидетелями того, что усилившаяся сопряженность университетских исследований с хозяйственной деятельностью повысила чувствительность университета к изменениям условий современного капиталистического воспроизводства. Динамика расходов на научную работу в высшей школе повторяет динамику расходов на науку в целом и отражает общую экономическую ситуацию конкретной страны.

Немаловажным фактором ухудшения финансового положения науки в университетах, особенно европейских, в том числе сегодня и во многих странах бывшего социалистического лагеря, которые стали членами Евросоюза, стало снижение притока студентов в вузы, обусловленное демографической ситуацией. Как объект государственного финансирования университет во многих странах Европы, а также и в Словакии, пока рассматривается в первую очередь в качестве учебного заведения, где исследования выполняют вспомогательную функцию, потому размеры выделяемых средств в большой степени, чем например в США, зависят от контингента обучающихся.

Однако в основе ограничений бюджетного финансирования научно-исследовательских работ в университетах лежит всё-таки ужесточение политики государственных расходов в целом. Всё чаще имеет место сокращение государственных расходов, которое стало одним из ведущих принципов политики „оздоровления“ экономики, осуществляемой правительством. Например, в России в ближайшие три года ведущие российские вузы, получавшие от государства дополнительные средства, лишатся части финансирования. Постановление об этом было принято Правительством.

Речь идет о вузах, получающих дополнительную помощь в рамках исполнения государственной программы поддержки крупнейших вузов «5-100» [2].

Стоимость научных исследований растет. В основе этой тенденции лежат вполне объективные причины: обусловленный современным состоянием науки рост фундаментальных исследований; инфляционный рост цен на основные фонды, научное оборудование, энергию и другие элементы материально-технической базы; а также рост административно-управленческих расходов, связанных с усложнением структуры университетов и возрастанием масштабов выполняемых программ.

Жесткая регламентация финансовых отношений Правительства и университетов, сокращение государственных ассигнований, по мнению научной общественности, может нанести большой ущерб университетской науке, хотя бы в отношении создания условий для свободы поиска. А самое главное: в системе финансирования университетов в той или иной форме обязательно должно существовать звено, обеспечивающее гибкость и ориентацию их фундаментального характера и места, которое последние занимают в национальной науке. Политика в области распределения государственных ассигнований стимулирует переориентацию университетских исследований на прикладные, технологические задачи.

Повышение утилитарности подхода к развитию научных исследований сказалось на отношении к общественным наукам, поскольку вклад в развитие экономики этих наук является существенно меньшим по сравнению с вкладом естественных наук.

Для гуманизации и демократизации образования были созданы в начале 21-го века не только в Словакии принципиально новые социально-политические и экономические условия. Тем не менее, дефицит духовных и моральных принципов, их второстепенное место в профессиональной подготовке студентов за счёт абсолютизации значения конкретных знаний по-прежнему представляет одну из причин дегуманизации образования.

Известно, что каждое поколение профессионалов должно увеличить культурный потенциал общества. Тем не менее, в психологии современного общества до сих пор преобладает негативное отношение к интеллигенции и царствует технократизм. Упор делается на овладение чисто профессиональными знаниями «позитивных» учебных дисциплин. Мы часто заглядываем только в свою область науки, и нам не хватает своего рода человеческого измерения в осуществлении своей профессии, миссии для человека, служения человеку независимо от его судьбы, нам не хватает простой человеческой ответственности, не говоря уже о профессиональной. В результате этого получается, что между нами много

образованных людей, но менее мудрых, что проявляется в своеобразной безграмотности не только в повседневной жизни как таковой, но и в профессиональной деятельности, и даже в управлении социальной, политической и общественной жизнью и профессиональной подготовкой. Это говорит о том, что в процессе трансформации высшего образования ещё не были преодолены противоречия между представлениями о моделях и требованиями реального уровня формирования этической культуры выпускников вузов [6, с. 195-203; 8, с. 11].

Общество на пороге третьего тысячелетия приносит новый взгляд на мир – новые постулаты, тезисы, стандарты и принципы не только знаний, образования, а также поведения. Для нас более важным является то, чтобы мы сделали правильный выбор своего поведения, которому предшествует адекватное знание самого себя и окружающего мира в различных формах, процессах и этапах образования, предлагаемых обществом.

Каково место и роль гуманитарных и общественных наук в обучении студентов технических университетов?

Молодые люди приходят в вузы уже со своим взглядом на мир, который формируют различные средства массовой информации. Несмотря на их разнообразие, они не дают адекватные ответы на многие вопросы, связанные с процессами глобализации. Это свидетельствует о том, что глобализация представляет собой конфликт между «демократией», которая предполагает равенство, и рынком, который производит неравенство. Современный капитализм, приобретая глобальный характер (т.е. глобальный капитализм), является дисбалансом между потреблением и инвестициями. «Рыночная экономика должна постоянно вращать потребительскую спираль. Это невозможно без реализации крупных инвестиций» [3, с. 36]. Государство уступает эгоистическим интересам транснациональных корпораций. Как долго будет уступать?

Одним из самых актуальных вопросов является задача освещения места и роли среднего класса в обществе. До сих пор европейская модель государства всеобщего благосостояния гарантировала его основной социальный статус жизни. Процесс глобализации этот статус больше не гарантирует. Одной из главных причин является низкая демографическая характеристика западного общества. Люди живут дольше, но относительно скоро перестают работать; есть много безработных. Средний слой является необходимой основой – центром любой демократии. Но это справедливо, пока его статус не будет нарушен.

Современный нео-либерализм отвергает дискуссию о принципах политической экономии и ставит свою идеологию на уровень естественного

права, которое не оспаривается. Возникает вопрос о том, есть ли в современной глобализации какая-то альтернативная модель создания общества?

Перед гуманитарными и социальными науками (будь то экологическая философия или этика окружающей среды) поставлена задача актуального вопроса: глобализация и устойчивое развитие. Своевременность проблематики вытекает из основных характеристик глобализации, которые состоят в его попытке максимизации прибыли и минимизации затрат независимо от стоимости, независимо от экосистем Земли. Производство парниковых газов вызывает глобальное потепление, которое имеет негативные последствия для разных частей мира.

Вопрос устойчивости имеет много аспектов (экономические, экологические, социально-культурные) и охватывает все сферы общественной жизни. Этот вопрос относится к вопросу устойчивости роста. А какой рост идёт? Осознаваемо это? Из реальной жизни мы знаем, что сегодня рост жизненного уровня значит рост только для определенной небольшой группы людей, остальная часть людей обречена жить в плохих условиях. Если мы хотим обеспечить рост для всех, это было бы возможно за счёт природы, уничтожая всю планету. Сегодня скорее нужны справедливое перераспределение построенных ценностей и качественный рост в развитых странах (необходимо остановить экстенсивный рост потребления и потребительства).

Эти проблемы связаны с тем, что сегодня становятся всё более проблематичны отношения между человеком и природой. Как известно, природа образует систему, различные части которой взаимодействуют друг с другом. Само человечество является частью этого целого, этой системы. Его жизнь зависит от определённого равновесия в физической среде, в так называемой биосфере. Если его деятельность нарушает баланс целой системы, это может иметь негативные последствия для жизни человека. Природная Nemesis нарушается из-за высокомерия человека (нарушение баланса в мире). Nemesis означает восстановление баланса.

Целесообразное поведение человека в краткосрочной перспективе становится в долгосрочной перспективе разрушительным. Надо знать свои пределы. Жить разумно означает то же самое, что жить в общении с порядком природы.

Проблемы гуманизма снова актуальны. Каждая эпоха необходимо по-новому определяет, что в действительности гуманизм как жизненная позиция означает. Важным аспектом гуманизма является защита благосостояния людей, но не за счёт природы, жизни в ней. Человек имеет право на своё благосостояние, живя в гармонии с возможностями сча-

стью в данной исторической ситуации. Если благосостояние человека зависит от исторической ситуации, то условия его удачи зависят от изменений курса истории. Для того, чтобы каждый имел равные шансы на достижение своего благосостояния, должен править определенный баланс между институциональным созданием общества и условиями для хорошей жизни [10].

Некоторые субъекты или группы общества стремятся владеть или управлять источниками или ресурсами природы. А гуманизм ставит солидарность между людьми на первое место. Солидарность и самореализация не могут быть разделены. Целью солидарности является то, чтобы всем людям в сообществе было хорошо.

Если мы подчёркиваем солидарность всех со всеми или способность человека реализовать себя, это зависит от исторической ситуации. Благо может быть обеспечено только в обществе, где его порядок основан на верховенстве законного права и демократических процедур. Каждая общественная организация накладывает ограничения на индивидуальную свободу.

Может ли быть внесён в практику существенно другой гуманизм, другое его видение? Как должно поступать государство в решении экономического кризиса, какие законы надо принимать правительствам и парламентам по бизнесу в поисках поддержки тысячи рабочих мест? Однако политика государства в современном индустриальном обществе определена экономическими интересами отдельных лиц и групп. Неконтролируемый открытый рынок или *oligarchizácia*/олигархизация государства, права и экономики не склонны развивать гражданскую добродетель и гражданское общество. Чтобы предотвратить эгоизм, государство должно быть более сильным в правилах защиты общественного пространства, в данном случае право имеет большие заслуги.

Сегодня мы стоим на перепутьи не только в том, как принимать какие-либо ценности, теории, какие принимать решения, но и в том, как устроить нашу судьбу в человеческой истории. Можем ли мы найти путь мира, правды и справедливости, толерантности, уважения к жизни, любви и взаимопонимания, социального чувства, или мы будем шагать только дорогой эгоизма, целесообразности и взаимного шантажа, преследования или исполнения произвола и насилия. С одной стороны, приветствуют нас свобода отдельных лиц и безопасность сообществ, а с другой стороны, многие лица подвергаются риску рабства и уничтожения нашей цивилизации из-за экологического кризиса, который также является кризисом ценностей, морали.

И какой будет судьба человечества на нашей земле? Наша судьба будет той, что мы заслуживаем? Наше решение очень зависит от наших

нравственных, моральных и этических ценностей, от нашей моральной и юридической ответственности в начале 21-го века и третьего тысячелетия. «Выполнение идеалов требует усилий, творчества и приверженность всех в пользу жизни» [10].

Более того, мы должны предпринять некоторые усилия и потратить время на взаимопонимание, терпимость наших истин, особенно в сегодняшней постмодернистской эпохе, переполненной плюрализмом нашего бытия, плюрализмом наших истин (потому что каждый из нас имеет свою собственную жизнь, свою философию и правду!), несмотря на глобальные и региональные тенденции в области глобализации, в рамках которой анонимно появляется правда политически и экономически более мощных и сильных субъектов.

Каждый из нас живёт своей жизнью. Многие из нас не готовы к изменениям или, по крайней мере, не имеют возможности понять природу этих изменений и найти свои собственные объяснения или пути выхода из кризисных ситуаций. Человек на самом деле учится всю жизнь. Его образование не заканчивается академическим/вузовским образованием.

Образование и профессиональная подготовка не могут быть сведены только в систему чисто профессионального влияния учителя на студента, оставляя в стороне духовный мир, моральные и этические идеи, философскую рефлексию. Перед нами не только будущий специалист, а именно профессионал, который рассматривает и решает в конце концов вопросы людей, а не каких-то бездушных существ в какой-то рыночной среде.

И какой должен быть настоящий специалист – эксперт в начале третьего тысячелетия? У него предполагается способность видеть и критически анализировать проблемы (социальные, политические, правовые и т. д.), а также умение логически мыслить и убедительно выражать свои мысли в устной и письменной форме.

Усилия этики как практической философии имеют тенденцию ориентироваться и регулировать практическую жизнь человека. Даже в плюралистическом обществе сегодня может сыграть свою важную роль через наш совместный поиск путей взаимопонимания универсальный поиск того, что объединяет людей, а не разделяет [8].

Мы, люди (по крайней мере некоторые из нас) в начале 21-го века понимаем, что общественную сферу ждут качественные преобразования. Эта трансформация обусловлена сложностью целостного человеческого просмотра (критического осмысления и анализа), который в ходе истории постепенно совершается [1; 4, с. 7; 5, с. 35].

Список литературы

1. Beck U.: Čo je globalizácia? Omyly globalizmu. Odpovede na globalizáciu. Bratislava: Vydavateľstvo Spolku slovenských spisovateľov, 2004. 190 strán.
2. На студентах сэкономят миллиарды. gazeta.ru, Отдел науки 15.02.2017. https://www.gazeta.ru/science/2017/02/15_a_10526393.shtml#page1.
3. Červená K.: Efektivnosť vzdelávania v podmienkach Slovenskej republiky. In: Humanizácia vzdelávania na technických univerzitách. Bratislava: STU 2011, s. 5-9.
4. Červená K.: Globalizačný proces v kontexte hospodárskej krízy. Proces globalizácie a jeho vplyv na ekonomiku a spoločnosť. Bratislava, 2011. S. 4-8.
5. Červená K.: Postavenie ekonomických predmetov v súčasnom procese vzdelávania ... In Spoločenskovedné vzdelávanie na technických univerzitách a proces globalizácie. Bratislava: Slovenská technická univerzita v Bratislave, 2012. S. 8-14.
6. Чупкар Я. Социальные и гуманитарные науки в процессе глобализации.// Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: Изд-во „Перо“, Вольск: ВВИМ, 2015.- Ч. 3. Актуальные проблемы психологии и педагогики. С. 195-203.
7. Čipkár J. Etika a právo. Košice: UPJŠ v Košiciach 2010. S. 5-381.
8. Čipkár J. Humanizácia vzdelávania v postmodernej spoločnosti. In: Humanizácia vzdelávania na technických univerzitách. Bratislava: STU 2011, s. 10-17; *Нипкѳр*: N.O.Losskij vo filozofii 20.storočia /N.O.Losskij in the philosophy of 20th century: Кольце: Univerzita P.J. Ёаѳѳрика в Кольциах, 2004. 294 s.; *Нипкѳр*: N. O. Losskij a svojbytnosť ruskej filozofie (Pokus o reflexiu autoafirmácie ruskejho ducha) / N. O. Lossky and the separateness of the russian philosophy (An attempt at a reflection of the auto-affirmation of the russian spirit. Кольце: Univerzita Pavla Jozefa Ёаѳѳрика, 2009. 326 s.
9. Jaspers K.: Malá škola filozofického myslenia. Bratislava: Kalligram, 2003.
10. Wright, von Georg Henrich: Humanizmus ako životný postoj. Bratislava: Kalligram, spol. r. r. o. 2001.
11. Príspevok je výsledkom čiastkového riešenia problematiky grantového projektu VEGA – Ёloha intelektuála v kultúrno-prѳvnej reflexii sociálneho ѳtátu (VEGA и.р.1/0558/17).

2.7. Неформальные образовательные практики студенческой молодежи в условиях мегаполиса

В современных условиях образовательная среда мегаполиса активно, динамично и порой кардинально трансформируется. Даже не затрагивая здесь чрезвычайно актуальную проблему воздействия информатизации на образовательные процессы (поскольку образование в информационном пространстве в определенном отношении отменяет территориальные ограничения, городские, в частности), мы полагаем,

что современное образование сталкивается со значительными изменениями под воздействием специфических территориально локализованных сред. Одним из таких фундаментальных сдвигов, с нашей точки зрения, является изменение соотношения между подсистемами формального и неформального образования в реальных условиях мегаполиса.

Каковы основные тенденции данных изменений? Прежде всего, они связаны с трансформацией потребностно-мотивационной структуры социальных общностей обучающихся и обучающихся. Можно утверждать, что продолжается смещение терминальных мотивов обучения от формального образования к неформальному. Его причина в сохраняющейся тенденции массовизации, унификации, стандартизации формального образования, которое рассматривается обучающимися исключительно как инструментальная ценность. Как показывают многочисленные исследования, политика расширения так называемого массового высшего образования, при котором студенты-бакалавры получают общие профессиональные знания без углубленной специализации, приводит к тому, что формальное образование такого типа востребовано обучающимися как необходимое звено жизненной траектории. С ним соотносятся в качестве доминантных социально-статусные, экономически престижные ориентации на профессию и образование, тогда как личностно значимые ценности и цели саморазвития и самореализации все активнее смещаются к различным видам неформального образования.

Вторая тенденция изменения соотношения между формальным и неформальным образованием связана со структурными и организационными сдвигами, и прежде всего расширением в условиях мегаполиса количества и видового разнообразия услуг сферы неформального образования. Количественный рост определяется актуализацией образовательной функции смежных социокультурных институтов. Так, сфера культуры предлагает современному горожанину – потребителю социокультурных услуг широкий спектр видов образовательной деятельности. Современные концепции музеев, библиотек, филармоний, театров, планетариев уже не предполагают своего развития без предоставления образовательных курсов, занятий, серий лекций, мастер-классов, тематических клубов по интересам, встреч с деятелями науки и культуры, научно-популярных ток-шоу, интеллектуальных игр, фестивалей, конкурсов и чемпионатов для всех сегментов потребительского рынка. Эти образовательные услуги отличаются активностью, интерактивностью, использованием нетрадиционных, инновационных подходов, современных технологий и моделей общения с разными группами населения. Условия конкуренции, в которые

поставлены учреждения культуры, необходимость выполнения государственного заказа, а также реализации стратегии продвижения ставят их перед задачей расширения форм взаимодействия с потребителем и, что закономерно, использования неформального образования как средства активного привлечения зрителей и формирования потенциального участника социокультурной жизни из детских аудиторий.

В последнее время все большее развитие в городской среде получает особая сфера образовательных услуг – открытое офлайн образование. Отдельные институции, чаще образовательные и общественные организации, разрабатывают этот сегмент образовательных услуг для решения целого комплекса задач: формирования различных форм гражданской активности, удовлетворения образовательных интересов взрослого населения, трансляции информации о новых типах образования, новых проблемах в сфере науки, культуры, социальной жизни и т.д. Примерами открытого офлайн образования в Екатеринбурге может быть серия образовательно-просветительских программ в Президентском центре Б.Н. Ельцина, неделя открытого образования института «Стрелка», реализованная летом 2017 г., и др.

Бизнес-сфера все чаще предлагает различные виды неформального образования с целью либо продвижения определенной, часто наукоемкой сферы деятельности, либо расширения своей потребительской аудитории. Крупные промышленные компании создают особые сегменты образовательных услуг неформального типа, ориентированные на формирование потребности в определенном виде образования (например, инженерном, компьютерном и пр.), ориентации на ту или иную отрасль, например, атомную промышленность, нефте-газоразработку и пр. Организационно это представлено как создание и спонсирование частных музеев, организация научно-образовательных центров, занимающихся просвещением и популяризацией соответствующих знаний. Сфера торговли все активнее использует неформальное образование как инструмент PR-деятельности, например, проводя серии обучающих мастер-классов (бьюти-мастер-классы, обучение дизайну, стилистике одежды, фотографии и др.).

Особой областью неформального образования можно считать муниципальные программы в сфере культуры и образования, календарные планы которых ежегодно формируют городское образовательное пространство с помощью сети культурно-образовательных событий: культурно-массовых мероприятий, спектаклей, концертов, публичных выступлений.

Активизация деятельности общественных структур, организаций, движений, объединений в мегаполисе создает особую среду неформаль-

ного образования, доступную либо в виде постоянной деятельности, например, участия в получающем все более широкое развитие волонтерском движении, либо в виде event-мероприятий общественного характера, городских событиях типа общественных слушаний и других, имеющих публичный характер.

Итак, современный мегаполис создает сложную, многомерную культурно-образовательную среду, в которой неформальное образование, во многом определяя содержание и динамику ее развития, играет важную социальную роль. При этом необходимо понимать, что неформальное образование является исключительно индивидуально-личностной сферой жизни горожанина, существует и развивается только тогда, когда отвечает личностным потребностям, интересам, жизненным ценностям и целям человека, напрямую связано с его саморазвитием и самореализацией. Это сочетание социального и сугубо индивидуального, глобального и локального, внешнего и внутреннего задает непростые задачи исследователю, старающемуся понять особенности его развития в условиях мегаполиса.

Нашей целью является анализ изменения социальной роли неформального образования в развитии мегаполиса сквозь призму оценочных суждений молодежного сообщества и особенностей освоения им городского социокультурного пространства.

Методологические и методические подходы к исследованию неформальных образовательных практик городской молодежи

Образовательное пространство города – это система социальных отношений, сложившихся в образовательной сфере и «привязанных» к городу как определенному территориальному образованию. Прежде всего это внутри- и межинституциональные отношения образования. Внутриинституциональные отношения образования сложны и многообразны, поскольку данный социальный институт включает в себя систему субинститутов, обладающих высокой долей самостоятельности, таких как институт высшего, среднего профессионального, общего, дополнительного образования и пр. При этом комплекс норм, санкций, система социальных статусов и ролей, определяющих внутриинституциональное пространство образования, может быть лишь опосредованно связан с городом, а образовательные организации (например, федеральные вузы) быть слабо ориентированными на его потребности. В силу этого специфика образовательного пространства города проявляется именно в межинституциональных взаимодействиях образования и города как социальных институтов.

Институциональный подход к городу разработан далеко не в полной мере и не всегда востребован в исследовательской практике как

методологический инструмент. Однако даже самые поверхностные представления о нем показывают, что система нормативного регулирования города создает территориально фиксированное (ограниченное) поле взаимодействия различных институтов, принадлежащих экономической, социально-политической, социокультурной сферам. Образовательное пространство города формируется в системе межинституциональных взаимодействий города и образования как базовых социальных институтов, а также институтов культуры, науки, производства, торговли, спорта, туризма, индустрии досуга и др.

Городское образовательное пространство во многом определяется типом города и особенностями инфраструктуры, выраженной в виде совокупности отраслей и видов деятельности, обеспечивающих функционирование его производственной и непроизводственной сфер. На городскую образовательную среду оказывает влияние пространственная организация города, характер его зонирования, выделение в нем структурных территориальных элементов в виде ядра, центральных районов, периферии и специализированных зон, выполняющих разные функции. Различия между центральными и периферийными зонами, как правило, влияют на равномерность развития образовательных организаций города, а возникновение специализированных районов приводит к формированию достаточно обособленных сегментов образовательной среды.

Организационно образовательное пространство города представляет собой выстроенный как горизонтально, так вертикально/иерархически комплекс образовательных учреждений от дошкольных до постпрофессиональных, имеющих разные формы собственности и тип подчинения (муниципальных, региональных, федеральных, находящихся в черте города).

Особый методологический срез анализа возникает при рассмотрении социокультурного контекста образования в городской среде. История становления города – это процесс его институционализации в системе экономических, политических и социокультурных практик. Конкретно-исторический процесс формирования города определяет специфику образовательной среды. Он обуславливает характер взаимосвязей и взаимодействий между образовательными общностями обучающихся, обучающихся, представителей образовательного менеджмента разного уровня, с одной стороны, и муниципальных властей и городских сообществ, с другой.

Анализ определений городского пространства в контексте социокультурного подхода показывает, что его дефиниции в ходе развития социологической науки, претерпевая существенные изменения, фиксировали в качестве его сущностных характеристик ценностно-нормативные

и смысловые параметры. Например, Р. Парк и Э. Берджесс представляли городское пространство как совокупность определенных районов, в которых проживают городские жители. При этом Р. Парк подчеркивал такую характеристику городской жизни, как свобода: 1) свобода передвижения, 2) свобода конкуренции за место в общей экономике, 3) политическая свобода, 4) свобода самовыражения [6]. Г. Зиммель рассматривал городское пространство как место соединения разнородных духовных элементов (взглядов, ценностей, смыслов), как совокупность «точек вращения»: горожанин «вращается в разных кругах», соприкасаясь с различными социокультурными мирами. Точка пространства – место локализации отношений по поводу обмена взглядами, центр кристаллизации новых социальных связей, возникающих внетерриториально [4].

Методология социокультурного подхода важна, поскольку городское пространство создает социокультурный контекст для развития образования, выступающего во всем его многообразии, как в институционализированной, так и внеинституционализированной формах. С другой стороны, само образование, будучи самостоятельным социокультурным миром, формирует и видоизменяет городскую среду, формируя «точки вращения» для разных городских сообществ.

Являясь социокультурными центрами, города не только притягивают к себе интеллектуальные силы, но и развивают и закрепляют новые социальные отношения и традиции. Население в процессе жизнедеятельности создает культурно-образовательную городскую среду, в которой отражается его система ценностей, закреплённая в определенном образе и стиле жизни горожан.

Городское пространство представляет собой территорию, которая отражает не столько межпоколенную историю людей, запечатлеваемую в культурном ландшафте, сколько особенности функционального взаимодействия между группами людей, каждая из которых решает собственные задачи [5, с.31]. Городская жизнь многогранна и определяется характером и условиями жизнедеятельности взаимодействующих социальных сообществ. Социальные общности формируют городское пространство, а различия между ними способствуют его зонированию.

Общностный подход является еще одним методологическим инструментом нашего исследования. Дефиниции «городское сообщество» и «образовательная общность» являются ключевыми в нашем анализе, восходят к базовому понятию социальной общности. Под социальной общностью здесь следует понимать не только взаимосвязь индивидов, обусловленную общностью интересов, материальной, производственной и иной

деятельности, близостью субъективных представлений, целей и задач этой деятельности [3, с. 100], но и взаимосвязь ценностей, норм, верований, обычаев, традиций, языка и т.д., на которых «держится» эта общность и которые скрепляют отношения между ее членами [2, с. 26].

Очевидно, что насколько многообразны образовательные общности города, настолько будет насыщенной и полной жизнь людей мегаполиса, включенных в их деятельность. Социальная общность оказывается своеобразным соединительным механизмом, реальным связующим звеном между личностью и городским социумом. Изучение и знание этого механизма позволяет, с одной стороны, перейти к конкретному рассмотрению общественной жизни, социальных процессов мегаполиса, с другой – типологизировать конкретные индивидуальные повседневные практики горожан, выявить возможности социальной интеграции личности в городскую среду посредством анализа ее деятельности в различных социальных общностях.

Рассмотрим методические подходы к исследованию неформальных образовательных практик студенческой молодежи в Екатеринбурге. Проведенное нами в 2017 г. исследование в рамках проекта «Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности» предполагало использование сочетания методов картографирования и биографического эссе. Они решали комплекс задач. С одной стороны, это задачи выявления понимания студенческой молодежью роли неформального образования в личностном становлении; индентификации широкого спектра социокультурных объектов города Екатеринбурга с реализуемыми ими образовательными функциями и оценки студентами их неформального воздействия на процессы своего личностного развития и самореализации; фиксации видов социокультурной деятельности, которые имеют для студентов значимую образовательную составляющую и оцениваются ими как неформальное образование.

С другой стороны, мы ставили перед собой задачу охарактеризовать пространство неформального образования города с точки зрения его структуры сквозь призму оценочных суждений студенческой молодежи.

Первый блок задач предполагал использование метода социологического эссе, позволяющего понять личностные смыслы, вкладываемые респондентами в описание объектов и видов деятельности, связанных с неформальным образованием. Результатом стала классификация социокультурных объектов неформального образования и типологизация видов деятельности, которую студенты идентифицировали как неформальное образование. Процессы классификации и типологизации осу-

ществлялись на основе аналитических методов с опорой на полученную эмпирическую базу.

Второй блок задач базировался на методе картографирования и позволил создать интерактивную карту Екатеринбурга, на которой визуально представлено расположение объектов неформального образования, представляющих для студенческого сообщества определенную ценность. На карте каждый объект сопровождается комплексом высказываний (фрагментов эссе), характеризующих его как носителя личностных смыслов студенческого сообщества.

Необходимо отметить, что объектом исследования целенаправленно была выбрана достаточно узкая социальная группа. Это студенты Уральского федерального университета 1-го и 2-го курсов. Эта группа репрезентирует ту часть студенчества, которая проходит процесс адаптации к образовательной деятельности вуза и в то же время является носителем еще актуальных образовательных практик школьного периода. Она дает возможность зафиксировать ретроспективные оценки респондентами своих образовательных предпочтений в школьный период и процессы перехода к освоению новых моделей неформального образования, характерных для вузовской среды. Кроме того, эта группа включает в себя как студентов, постоянно проживающих в Екатеринбурге, так и приезжих из области, других регионов РФ и других стран, что позволяет рассмотреть процесс включения студенчества в пространство неформального образования Екатеринбурга. Итак, выбор данной группы дал возможность увидеть образовательное пространство города их глазами в статике и динамике, в процессе освоения новых видов неформального образования и городских объектов, являющихся его репрезентантами, а также субъективную оценку студентами изменений ценностей образовательной деятельности и представлений о роли неформального образования в их жизни.

Всего было получено 137 эссе, в которых представлено около 200 социокультурных объектов города, рассматриваемых как традиционные и нетрадиционные инструменты (средства) образовательной деятельности неформального типа.

Типологизация и общие характеристики неформальных образовательных практик молодежи

Для описания осуществленной нами в ходе эмпирического исследования типологизации неформальных образовательных практик студенческой молодежи охарактеризуем понятийный блок эмпирической методологии исследовательского процесса.

Смысловые оттенки трактовок понятия «неформальное образование» различны и простираются от принятых ЮНЕСКО положений о неформальном образовании как институциональной деятельности, которая, будучи идентичной по целям, не в полной мере совпадает по средствам и результатам с деятельностью учреждений, входящих в формальные структуры образования, до представлений о неформальном образовании как неорганизованном обучении, связанном с любительскими занятиями, расширением кругозора, приобретением знаний и умений, необходимых в быту и сфере личного общения. В некоторых случаях неформальное образование идентифицируется с процессом стихийного освоения социокультурных ценностей, что корректней было бы соотнести с понятием информального образования, определенного Меморандумом непрерывного образования ЕС в качестве индивидуальной познавательной деятельности, сопровождающей повседневную жизнь [7]. Совет Европы рекомендует рассматривать неформальное образование как партнера в образовании через всю жизнь [8].

Широта трактовок неформального образования позволяет соотносить его как с институциональными видами образования – основным и дополнительным, так и с неинституциональными – информальным образованием и самообразованием. Данный феномен сложен, неоднозначен, имеет институциональные и неинституциональные характеристики, может выступать в виде специально организованной и стихийной деятельности, имеет групповой и индивидуальный характер.

Виды неформального образования можно выделить по нескольким критериям: 1) субъектам/объектам; 2) содержанию; 3) социальным функциям; 4) целям и результатам; 5) способам организации и степени формализации; 6) средствам реализации (методам); 7) видам образовательной деятельности [1, с. 334].

Описанный комплекс методологических подходов к широкому толкованию неформального образования позволил смоделировать его типологию в контексте городского образовательного пространства по двум критериям: а) объектам реализации и б) видам образовательной деятельности.

Типологии представлены в табл. 1 и 2. Количественные данные в таблицах имеют исключительно иллюстративный характер, поскольку эссе представляет собой качественный метод сбора информации. Однако достаточный (статистически значимый) объем собранных данных позволил осуществить их количественную обработку и анализ процентных распределений, цель которого – дать предварительную информацию

о ранжировании видов неформального образования по предпочтениям разных групп студенческой молодежи.

Типология неформального образования по объектам его реализации (см. табл. 1) была сконструирована на основе рассмотрения существующих классификаций организаций дополнительного образования, а также анализа студенческих описаний институций неформального образования, наиболее привлекательных для них.

Понятийный анализ неформального образования и изучение идентификации студентами разных форм собственной активности с об-

Таблица 1

Типология неформального образования по объектам его реализации (структура студенческих предпочтений в зависимости от места проживания студента до поступления в вуз, в % к ответившим)

Классификация неформального образования по объектам реализации	Местные жители	Приезжие
Музеи	13,8	7,1
Театры	13,8	23,8
Галереи	7,4	11,9
Дома культуры / дворцы молодежи	1,1	2,4
Библиотеки	1,1	0,0
Детские художественные школы	4,3	0,0
Музыкальные школы	4,3	0,0
Спортивные школы и секции	0,0	2,4
Детские подростковые клубы	1,1	2,4
Школы искусств	2,1	2,4
Социокультурные объекты	11,9	21,3
Общественные организации	16,0	19,0
Досуговые центры	3,6	9,5
Кинотеатры	4,9	2,4
Школа (дополнительное образование)	6,4	4,8
Вуз (дополнительное образование и общественная деятельность)	2,1	11,9
Торговые центры (образовательные PR-проекты)	1,1	0,0
Культурные события	7,4	4,8
Городские события	8,5	2,4
Мобильное освоение городского пространства (экскурсии, квесты разного типа)	7,4	11,9
Итого	127,7	111,9

разовательной деятельностью позволили смоделировать типологию неформального образования по второму критерию – видам образовательной деятельности (см. табл. 2).

Таблица 2

Типология неформального образования по видам образовательной деятельности (структура студенческих предпочтений в зависимости от места проживания студента до поступления в вуз, в % к ответившим)

Классификация неформального образования по видам деятельности	Местные жители	Приезжие
Институционализированное самообразование в учреждениях культуры (посещение театров, музеев, выставок, кинотеатров и пр.)	27,7	31,0
Событийное самообразование (пассивное участие в городских событиях, мероприятиях – культурных, образовательных, спортивных и др.)	14,9	14,3
Самообразование через получение образовательных услуг в общественных, некоммерческих организациях города (Ельцин-центр, экологические и др. организации)	13,8	16,7
Самообразование как взаимодействие с социокультурными объектами (памятниками, архитектурными объектами городской среды, культурно освоенными природными объектами)	11,9	19,1
Институциональное образование в организациях дополнительного образования (государственных и частных)	11,7	7,1
Самообразование через получение образовательных услуг в досуговой сфере (кафе/антикафе, досуговые центры, торговые центры и пр.)	8,5	14,3
Дополнительное образование в организациях общего и профессионального образования	7,4	14,3
Образование/самообразование через мобильное освоение городских пространств (экскурсии, квесты разного типа)	7,4	9,5
Самообразование через получение образовательных услуг в сфере культуры (специальные образовательные программы в музеях, театрах, филармонии, библиотеках)	3,2	0,0
Самообразование как социокультурная деятельность в городской среде (активная создающая клубная, художественная, выставочная, концертная и др. виды деятельности)	2,1	0,0

<i>Окончание табл. 2</i>		
Классификация неформального образования по видам деятельности	Местные жители	Приезжие
Самообразование как общественная и волонтерская деятельность по организации городской среды (участие в общественных слушаниях, общественных движениях, объединениях, организациях и пр.)	2,1	0,0
Самообразование посредством получения услуг в системе открытого образования	1,0	0,0
Итого	118,9	119,1

На основе анализа студенческих текстов-эссе можно увидеть, что производство пространства неформального образования города осуществляется прежде всего через традиционные институциональные механизмы культуры, ее инфраструктуру: театры, музеи, выставки, кино-театры и пр. Студенты идентифицируют взаимодействие с культурными институциями с образовательной деятельностью, сугубо индивидуализированной и лично значимой.

«Я открыла для себя театр и поняла, насколько всепроникающим может быть это искусство символов. И что немаловажно – зрителю тоже приходится работать наравне с актерами, дорисовывая в своем воображении то, что невозможно выразить словами и действиями на сцене».

Процесс становления этих образовательных практик характеризуется как растянутый во времени, достаточно устойчивый, стабильный, несмотря на разную степень активности и включенности респондентов в культурную жизнь города.

«Впервые мне довелось посетить театр Драмы в возрасте 10 лет. С тех пор я посещаю спектакли, мюзиклы и постановки, как только появляется свободное время».

Образовательная деятельность этого типа постоянно воспроизводится благодаря развитой культурной инфраструктуре города, создающей условия для поисков и открытий, которые делает для себя взрослеющий человек, проходящий активное личностное становление.

«Мое знакомство с Коляда-Театром было случайным ... От увиденного завораживает дух, сначала ты находишься в состоянии шока и потом просто не можешь выразить свои эмоции, которые накрывают тебя, хочется прочувствовать это снова и снова. Для меня это, безусловно, является самым сильным местом, где я могу погрузиться в мир театра. Это заставляет пересмотреть свое видение мира, жизненные ценности и внутренние моральные качества».

Образовательные открытия, связанные с традиционными институтами культуры, характерны в большей степени для студентов, недавно переехавших в Екатеринбург в связи с поступлением в вуз, и проходящих адаптацию через погружение в социокультурную среду города.

Развитость культурной инфраструктуры городской среды делает включение в традиционные институциональные модели социокультурного потребления индивидуализированным, отвечающим специфическим образовательным потребностям молодежной аудитории.

«“Салют” является моим любимым кинотеатром. Мне особенно нравится, что там показывают фильмы на языке оригинала. Английский язык, я выучила дома, чтобы заниматься искусством, и “Салют” помогает смотреть кино, как оно было задумано, на большом экране. “Салют”, “Колизей” – эти кинотеатры можно считать Олимпом Екатеринбурга. В почетные упоминания идут “Синема Парк” и “Титаник Синема”. И надо упомянуть всю сеть кинотеатров “Премьер зал”».

Еще один из видов образовательной деятельности студентов – институционализированное самообразование через получение образовательных услуг в сфере культуры (специальные образовательные программы в музеях, театрах, филармонии, библиотеках).

«Я увидела рекламу Государственного Центра Современного Искусства, в которой была информация о годичном курсе “Современное искусство как иностранный язык”. Лекции проходят 2-3 раза в неделю, для студентов очной формы обучения предоставляется скидка... На этих лекциях я не только узнала о понятии “искусство”, но и научилась размышлять о нем: какова природа искусства? что такое произведение: вещь или идея? где пролегает граница между искусством и жизнью? для чего нужна теория искусства?».

При этом наиболее востребованы студентами культурные институции, в которых происходит смена коммуникативной парадигмы взаимодействия со зрителем, поиск языка адекватного восприятию молодежных сообществ.

«Первое, на что я обратила внимание, это то, что художественная выставка не была застеклена. Всё можно трогать, рассматривать, не боясь, что на тебя набросятся с криками: “Руками не трогать!”»

«“Свитер” (галерея уличного искусства) – это то место, где уличные художники могут проявлять себя, найти единомышленников и новую аудиторию. Здесь царит дух молодежной безудержности, раскрепощенности и вместе с этим здесь бесконечно уютно. В “Свитере” всегда

можно найти собеседника по душе, открыть для себя что-то новое или просто расслабиться на занятиях по йоге. Да-да, здесь проводится йога, а также другие интересные открытые уроки».

Студенты все более ориентированы на культурные институции, которые воспроизводят город, его историю, ценности, смыслы через образовательный контекст. Причем это касается как тех, кто не так давно приехал в Екатеринбург, так и местных жителей, интерес которых подогревается постоянно меняющейся городской средой.

«Впервые оказавшись в Екатеринбурге, я не мог не заметить необычность местных трамваев. Вагоны имели и имеют до сих пор весьма раритетный вид. Они будто отмотали время на несколько десятилетий назад, в страну, знакомую мне только по старым снимкам. Именно поэтому одним из первых музеев, которые я посетил, стал “Музей истории развития трамвайно-троллейбусного управления”. Для людей, увлекающихся историей развития городского транспорта, это место очень интересно».

Элементом самообразования для студентов является и взаимодействие с социокультурными объектами (памятниками, городской архитектурой, парками, как культурно освоенными природными объектами). Чаще в этом качестве их воспринимают студенты, недавно переехавшие в Екатеринбург.

«За 9 месяцев моего пребывания в этом городе именно Исторический сквер (Плотина городского пруда) позволил мне прочувствовать культуру Екатеринбурга, познакомиться с его традициями, понять, какие люди живут в городе. Кроме исторической и культурно-образовательной части с музеями и памятниками здесь на набережной можно встретить скейтбордистов и роллеров, увидеть различные таланты жителей, познакомиться с новыми и интересными людьми».

Это городское пространство воспринимается студентами как активная коммуникационная среда.

«Если повезет, то на Плотинке на пробежке можно встретить мэра Екатеринбурга и даже задать ему пару интересующих вопросов (для студента моей специальности это интересно и может стать отправной точкой к будущей карьере)».

Коммуникативный аспект неформального образования особенно подчеркивается студентами как значимый для них. При этом очевидно, что городская среда (ее архитектурные и природные элементы, смысловые контексты, символическая структура и пр.) здесь также является важным элементом коммуникации.

«Salsa Open Air – это некоммерческий проект необычного формата. Каждый вторник, четверг и пятницу в теплое время года с 21.30 и до позднего вечера проходят массовые танцы. Это хорошая возможность попробовать себя в сальсе, даже если вы далеки от этого. Проходит прямо на набережной, поэтому дополнительно можно насладиться закатом».

Событийный аспект городской среды (участие в городских мероприятиях – культурных, образовательных, спортивных и др.) однозначно интерпретируется студентами как элемент самообразования.

«Пожалуй, самое запоминающееся, что я посетила в Екатеринбурге, это парад Победы 9 мая. Я была поражена масштабностью и грандиозностью события... В один момент я ощутила всю важность и значимость этого дня. И люди вокруг меня казались чем-то одним целым».

При этом характер событий может быть самым различным, но те смысловые контексты, которые улавливаются молодыми людьми, имеют для них образовательных эффект, являются фактором саморазвития и творчества.

«На Дне города 2016 года мне удалось попасть на концерты “БИ-2”, “Чайф” и “Сансара”. Живая музыка всегда меня вдохновляет и мотивирует творить».

Если событийный контекст городской жизни создает некий комплекс условий для саморазвития, то общественная, в том числе и волонтерская деятельность, рассматриваемые студентами как вид неформального образования, требуют от них уже не только пассивного участия, но и специальной личной активности по организации городской среды, событий разного типа и характера.

«Я являюсь волонтером самого крупного и масштабного волонтерского центра на Урале – “Волонтеры Урала”. Вхождение в состав волонтерского центра дало мне огромный опыт в работе с разным контингентом людей, развитие коммуникабельности и мобильности, расширение кругозора».

В конце апреля Екатеринбург принял масштабное международное соревнование “Дельфийские игры – 2017” – уникальное состязание, объединяющее различные виды искусства и способствующее укреплению дружественных и творческих связей между странами.... В качестве волонтера я смогла пообщаться со всеми участниками игр. Мне захотелось развиваться в каком-либо виде искусства...».

Самообразование через получение образовательных услуг в общественных организациях города – важная составляющая интеллектуальной

жизни екатеринбургских студентов. Особую роль в этом играет общественно-политическая организация Президентский центр Б.Н. Ельцина.

«Историей здесь пропитано все, причем каких-либо лживых фактов я не заметил, просто информация фильтрована. Можно с удовольствием посмотреть хроники тех лет, которые дадут первоначальное представление, а дальнейшее изучение – это ваше дело. Второй раз я побывал там, когда ходил на документальный фильм “Слишком свободный человек”, который представляли два известных журналиста – Вера Кричевская и Михаил Фишман. Фильм связан с тематикой самого центра, рассказывал историю о жизни Бориса Ефимовича Немцова. Я узнал много нового и подкрепил свои убеждения и позицию. Подобные мероприятия для этого и создаются».

Любопытно, что студенты идентифицируют со значимой для себя образовательной деятельностью и образовательные услуги, получаемые в досуговой сфере (кафе/антикафе, досуговые центры, торговые центры и пр.).

«Анти-кафе “Коммуникатор” – это очень приятное место, как для «посиделок» с друзьями, так и для саморазвития.... Если говорить о тех мероприятиях, на которые я хожу, то это клуб английского языка и уроки импровизации. На всех мероприятиях очень весело, никогда никто не скучает, люди, которые их проводят, всегда знают, о чем говорят. Атмосфера в этом заведении очень дружелюбная».

Элементы досуговой деятельности активно привносятся в сферу потребления, чаще всего их совмещение используется в маркетинговых стратегиях торговых предприятий. Более того, инструментом продвижения становятся и предоставляемые образовательные услуги.

«В честь открытия нового ТЦ “Золотое яблоко” приехала Елена Крыгина – топ-визажист, beauty-эксперт, автор блога на YouTube канале. И так как я являюсь зрителем её канала и мне не безразлична тема макияжа, я без сомнений решила пойти на этот мастер-класс».

В целом надо отметить, что открытое оффлайн образование активно применяется в качестве средства PR-деятельности организаций разного типа – коммерческих вузов (открытое образование Европейского университета, института «Стрелка» и др.), политических партий и общественных движений, научно-образовательных объединений, коммерческих структур.

«Будучи студентом, я впервые оказался в статусе активного участника собраний в виде форумов, организованных “Альфа-Банком”. Это дало мне обширный информационный толчок в понимании деятель-

ности банковской сферы и её перспектив. Теоретическую часть нам преподавали руководители местных отделений банка. Нам это поможет как будущим специалистам по экономической безопасности».

Альтернативой всем описанным выше моделям неформального образования, которое скорее можно охарактеризовать как фоновое и ситуативное, продолжает оставаться такая его институционализированная составляющая, как дополнительное образование. Дополнительное образование в организациях общего и профессионального образования традиционно осуществляется параллельно с обучением в школе, вузе. При этом приезжие студенты скорее предпочитают получать дополнительное образование в вузе, а не других организациях, поскольку оно привычно, доступно, является для них важным фактором адаптации к вузу.

«С самого детства я занималась в театральном кружке. Переехав в Екатеринбург, я решила не бросать любимое дело и успешно прошла конкурсный отбор в народный студенческий театр “Старый Дом”. Это стало важной частью моей культурно-образовательной жизни и дало мне возможность развиваться...».

Традиционное институциональное образование в учреждениях дополнительного образования (государственных и частных) является системообразующим фактором для неформального образования в целом, оно разнообразно и многофункционально, его значимость в развитии личности трудно переоценить.

«Школа Искусств сделала из меня – напуганного мальшиа, который не может определиться, чего он хочет по жизни, интеллектуальную творческую личность с активной жизненной позицией со своими амбициями и целями, со стойкой потребностью в самообразовании. Преподаватели Школы воспитали меня, раскрыли во мне творческие способности, кроме того, они создали все условия для полной реализации моего творческого потенциала, помогли понять, каких высот я хочу достичь в хореографии, и вообще, хочу ли я связать свою жизнь с творчеством».

В сравнении с другими видами неформального образования, осуществляющимися часто ситуативно и существующими в виде фоновой образовательной деятельности, дополнительное образование закладывает у молодого человека основы профессиональной деятельности в области искусства, науки, спорта и др.

Проведенное исследование показало, что студенческая молодежь как городская общность полноценно включена в систему неформального образования города. Процесс его освоения, начинаясь с детства, юношества, сначала сопутствует формальному образованию. В дальнейшем в пе-

риод обучения в вузе расширяется многообразие видов неформального образования, в которые молодые люди включаются, все более активно осваивая новые модели реализации образовательных практик фонового типа.

Студенты, меняющие место жительства в связи с поступлением в вуз, в процессе адаптации преимущественно ориентированы на систему дополнительного образования, сформированную при организациях профессионального образования. Для них также более, чем для студентов – местных жителей характерны такие виды неформального образования, как взаимодействие с социокультурными объектами (памятниками, архитектурными объектами городской среды и др.), событийное самообразование (участие в культурных, образовательных, спортивных и др. городских мероприятиях).

Современной тенденцией развития города является процесс его усложнения, сочетающий в себе как управляемые, так стихийные элементы. Стихийная трансформация его символической структуры и изменение функций традиционных институций требуют исследований для понимания развития города как живого, динамично меняющегося организма. Образовательное пространство города, постоянно порождая новые смыслы, изменяет роли образования в жизни современного человека. Современной его тенденцией становится расширение сферы неформального образования, обогащение его новыми функциями, технологиями, стилями и средствами реализации, смещение интереса потребителей к этому виду образования.

Городское образовательное пространство имеет ядро, центр и периферию. Ядро образуют общее и профессиональное образование, центр включает систему дополнительного образования, периферия – различные виды фонового образования, реализуемого в контексте других видов деятельности – социокультурной, социально-политической, социально-экономической.

Если рассматривать эту структуру образовательного пространства сквозь призму диады формальное – неформальное образование, то очевидно, что их соотношение присутствует во всех трех слоях, при этом доминанта формального в большей степени присуща ядру, а неформального образования – периферии. С нашей точки зрения, в последнее время активно возрастает интерес городских сообществ к периферийным видам образования.

Структуру пространства неформального образования города можно выявить с помощью комплекса критериев, выбор которых обусловлен

сочетанием теоретических и эмпирических методов анализа. В нашем исследовании она рассмотрена сквозь призму видов образовательной деятельности и объектов реализации этой деятельности.

Степень сформированности города как институциональной среды неформального образования является важным фактором его развития. Эффективность управления организационными, нормативными параметрами институциональной среды, обеспечение ее комплексности, полноты, плотности позволят образовательным общностям полноценно включаться в систему неформального образования и эффективно выстраивать индивидуальные траектории развития. Для понимания целей и перспектив управленческой деятельности этого типа необходим комплексный анализ сложившихся социокультурных практик, традиций, стандартов образовательной деятельности и поведения, которые формируют пространство неформального образования, обеспечивая городским сообществам свободу для саморазвития и развития городской среды.

Список литературы

1. Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Социология педагогического образования: монография / В.П. Засыпкин, Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина. Екатеринбург-Сургут: РИО СурГПУ; РИО ГУ г. Екатеринбурга, 2011. 447 с.
2. Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Учителство ХМАО-Югры как социально-профессиональная общность: монография / В.П. Засыпкин, Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина и др. Тюмень: Аксиома, 2013. 352 с.
3. Зборовский, Г.Е. Социальные общности и их временные характеристики / Г.Е. Зборовский // Известия Уральского федерального университета. 2014. № 1. С.148-158.
4. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь [Текст] / Г. Зиммель // Логос. 2002. № 3. С. 1-12.
5. Лефевр А. Производство пространства / А.Лефевр. М.: Strelka Press. 2015. 430 с.
6. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / Р. Парк // Социологическое обозрение. 2006. № 1. Том 5. С. 11-18.
7. Меморандум непрерывного образования Европейского Союза. Общество «Знание» России, 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.znanie.org/docs/memorandum.html#up> (дата обращения: 15.08.2017).
8. Rogers A. Looking again at non-formal and informal education – towards a new paradigm [Электронный ресурс] / A. Rogers // Available at: <http://infed.org/mobi/looking-again-at-non-formal-and>. (accessed 15.08.2017).

2.8. Становление и развитие образования в закрытых атомных городах России

Закрытые атомные города в России были образованы в период 1946-1953 гг. Основная цель создания закрытых городов заключалась в том, чтобы создать ядерное оружие в течение короткого периода времени. Исследование различных аспектов развития закрытых атомных городов стало возможным только после принятия Закона РФ № 3297-1 от 14.07.1992 г. «О закрытом административно-территориальном образовании» (ЗАТО). До принятия этого Закона закрытые города не могли быть упомянуты в научных или публицистических трудах. После рассекречивания закрытых городов различные аспекты проблем ЗАТО получили первоначально свое отражение в газетных или журнальных статьях, а затем и в научных публикациях.

Со второй половины 1990-х годов происходит резкая активизация в изучении проблем создания закрытых городов России. Такая активность связана с выходом указа Президента РФ от 17.02.1995 г. № 160 «О подготовке к изданию официального сборника архивных документов по истории создания ядерного оружия в СССР», который предусматривал изучение архивных документов по истории создания ядерного оружия в СССР и разработку предложений для их рассекречивания за период до 1954 года. Распоряжение Правительства РФ от 24.05.1995 г. № 728-р предусматривало организацию рабочей группы правительственной комиссии по комплексному решению проблем ядерного оружия для изучения архивных документов.

После решений Правительства постепенно начинают публиковать документы из государственных архивов, материалы разведки, воспоминания участников атомного проекта, предпринимаются первые попытки исторического анализа истории создания ядерного оружия, в том числе в закрытых городах.

Опираясь на архивные документы, некоторые другие источники автор сосредоточивает свое основное внимание на проблемах формирования системы образования в двух закрытых атомных городах Урала в начальный период создания атомного оружия.

Становление ядерного образования в СССР началось с осени 1945 г., когда Московский механический институт (с 1942 по 1945 гг. – Московский механический институт боеприпасов) был переведён из Народного комиссариата боеприпасов в ведение Первого главного управления (ПГУ), созданного для форсирования работ по созданию отечественного ядерного

оружия. 15 ноября 1945 г. выпускается приказ по ММИ №441 об организации инженерно-физического факультета, а 22 декабря 1945 г. – приказ №504 об организации кафедр атомной физики, теоретической физики, ядерной физики, прикладной ядерной физики, точной механики [1].

28 января 1946 г. выходит постановление СНК СССР № 225-96сс «О подготовке инженеров-физиков и специалистов по физике атомного ядра и по радиохимии» с грифом «совершенно секретно (особая папка)» [2]. подписанное И.В. Сталиным, которое обязывало Комитет по делам высшей школы при СНК СССР, Наркомпрос РСФСР и Наркомпрос УССР организовать подготовку инженеров-физиков и специалистов по физике атомного ядра и радиохимии с выпуском в 1946 г. – инженеров-физиков 15 человек, специалистов по физике атомного ядра – 70 чел., радиохимиков – 30 чел. В 1947 г. планировалось выпустить уже – инженеров-физиков – 65 человек, специалистов по физике атомного ядра – 120 чел., радиохимиков – 50 чел.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР обязал Комитет по делам высшей школы при СНК СССР доукомплектовать 4-й и 5-й курсы Московского государственного университета по специальности физики атомного ядра, откомандировав к 1 марта 1946 г. по персональному отбору 40 чел. студентов-физиков 4-х и 5-х курсов других университетов по 20 чел. на каждый курс. Предлагалось также доукомплектовать 4-й и 5-й курсы Ленинградского государственного университета по специальности радиохимии, откомандировав к 1 марта 1946 г. по персональному отбору 30 чел. студентов физико-химиков и химиков 4-х и 5-х курсов других университетов и высших технических учебных заведений.

По мере расширения работ в атомной отрасли увеличивалась потребность в кадрах. Правительство в 1948 г. принимает ряд постановлений по вопросу подготовки кадров для Первого главного управления. В 17 вузах страны для подготовки кадров по 66 специальностям были организованы спецфакультеты, с выпуском уже в 1950 г. 1210 и в 1951 г. 1315 человек. Правительство возложило на ПГУ задачу согласования и утверждения профилей специалистов, учебных планов и программ подготовки кадров требующихся профилей. Одновременно на ПГУ возложена задача проработки порядка организации и проведения производственной и преддипломной практик на атомных объектах, контроль за контингентами лиц, принимаемых для учебы на спецфакультетах, помощь Министерству высшего образования СССР в оснащении учебно-лабораторной базы спецфакультетов наиболее дефицитной аппаратурой и необходимыми для лабораторных работ полуфабрикатами и реактивами.

Постановление Правительства по подготовке кадров для ПГУ от 20 января 1949 г. расширяло географию подготовки кадров с высшим образованием. Планировалось открыть два специальных института по подготовке кадров с высшим образованием и научно-исследовательской работы для ПГУ в гг. Свердловск и Томск с постройкой всех необходимых учебных зданий, специальных сооружений, студенческих общежитий и жилых домов для профессорско-преподавательского персонала. Это постановление также обязало организовать на базе физико-технического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова специальный Физический институт по подготовке кадров для ПГУ при СМ СССР. Провести строительство указанного института было предписано силами Главпромстроя Министерства внутренних дел СССР. Комиссии в двухнедельный срок было поручено разработать мероприятия по строительству института, исходя из необходимости окончания всех работ в 1950 г.

О том, какими ширококомасштабными были решения этого постановления, говорит одно перечисление министерств, которым предписывалась реализация мероприятий. Таких министерств было более двадцати. Министерство высшего образования СССР обязали организовать при специальных факультетах и МГУ аспирантуру с ежегодным приемом 70 чел. по специальностям ПГУ при Совете Министров СССР, установив для аспирантов повышенную стипендию в размере 1 300 руб. в месяц. Министерству высшего образования СССР предписали установить особые требования к поступающим на отделения и факультеты специального назначения и обеспечить комплектование преимущественно за счет мужчин, проявляющих склонность к инженерному делу и физико-математическим наукам [3].

Для увеличения числа специалистов в зарождающейся атомной отрасли было решено с 11 января 1950 г. организовать заочное обучение на ряде предприятий ПГУ. Подготовка специалистов с высшим образованием проводилась по двенадцати специальностям. Для обеспечения учебного процесса были выделены необходимые помещения, организована лабораторная база, подобран квалифицированный профессорско-преподавательский персонал, способный обеспечить качественную подготовку специалистов с высшим образованием. Учебный процесс проводился по учебным планам и программам Московского механического и Уральского политехнического институтов. Однако с 1 августа 1952 г. было принято решение о реорганизации системы заочного обучения на объектах ПГУ. В постановлении отмечается, что заочная система обучения целесообразна в тех случаях, когда студенты не связаны терри-

ториально с учебной организацией. В сложившихся условиях студенты имеют полную возможность ежедневно общаться с учебной организацией и заниматься по системе вечернего вуза. Поэтому был предложен проект постановления Совета Министров СССР о реорганизации существующей системы заочного обучения на отдельных атомных объектах в систему очных занятий по графику вечернего вуза без отрыва от производства и без выезда с территории объекта.

Переход на очные занятия по системе вечернего вуза, отмечается в проекте постановления, предоставит возможность по всем предметам учебного плана дать систематический лекционный курс с необходимым количеством практических занятий, создаст условия для более качественной подготовки специалистов с высшим образованием. Организация филиалов Московского механического и Уральского политехнического институтов на объектах по системе вечернего вуза создаст предпосылки для подготовки квалифицированных специалистов с высшим образованием из практиков и техников, имеющих среднетехническое образование по специальностям основного профиля объектов ПГУ. Организация филиалов Московского механического и Уральского политехнического институтов на объектах Главгорстроя СССР для обучения студентов по системе вечернего вуза согласована с Министерством высшего образования СССР [4].

Например, вечернее отделение №2 МИФИ (г. Свердловск-44, ныне г. Новоуральск) было создано в 1952 г. на основании постановления Совета Министров СССР № 22633. В отчете о работе вечернего отделения №2 МИФИ за 1968/69 учебный год отмечается, что за время существования отделения было произведено 13 выпусков инженеров, всего 577 чел. В том числе 14 чел. получили диплом с отличием. В отделении для подготовки кадров высшей квалификации для базового предприятия сдавали кандидатский минимум по иностранному языку и философии. В июле 1969 г. кандидатский минимум по философии сдали 40 чел. В группу усовершенствования знаний иностранного языка было принято 27 аспирантов и соискателей. Допущено до экзаменов и сдали кандидатский минимум по иностранному языку 16 аспирантов и соискателей [5].

В сентябре 1952 г. согласно постановлению Совета Министров № 22633 на базе Учебно-методического отдела, существовавшего с 1950 г. в г. Свердловск-45 (ныне г. Лесной), было создано вечернее отделение № 3 МИФИ. На сегодняшний день учебное заведение осуществило уже 55 выпусков – более трех тысяч высококвалифицированных инженеров и четырех тысяч техников. Из них более половины работают (или ра-

ботали) на ФГУП «Комбинат “Электрохимприбор”, многие – на ОАО НТМЗ «Вента», других предприятиях города и района, а также Москвы, Екатеринбурга, Перми, других городов [6].

В 1953 г. принимается решение о сосредоточении подготовки кадров для атомной отрасли в одном институте и его филиалах. Для этого из других ведущих вузов переводятся студенты и преподаватели по профильным дисциплинам. Московский механический институт переименовывается в Московский инженерно-физический институт (МИФИ) [7].

В процессе становления вечерних отделений МИФИ было много сложностей материального, организационного характера. Подготовка специалистов, например, в вечернем отделении № 3 МИФИ, как и во всех отделениях, должна была проводиться только для своего предприятия; план приема студентов должен определяться перспективной потребностью предприятия в специалистах с учетом имеющейся учебно-лабораторной базы института. В Заключении Управления руководящих кадров Министерства о работе вечернего отделения №3 МИФИ за 1955/56 учебный год отмечается, что, несмотря на увеличения контингента студентов в институте с 200 до 270 чел. (т.е. на 35%), несмотря на увеличение учебных помещений более чем в 4 раза, установку нового оборудования на сумму свыше 300 тыс. р., штаты лаборантского и преподавательского состава на 1959 г. не увеличены. Штаты административного аппарата сокращены на три единицы: директор техникума, ст. бухгалтер техникума и инспектор спецчасти института всего на 53 200 р. в год [8].

В справке о составе кадров в Отделении № 3 института подчеркивается, что согласно штатному расписанию на 1959 г. Отделению положено иметь: четыре зав. кафедрами, одного доцента кафедры, четырнадцать ст. преподавателей. В настоящее время в вечернем отделении № 3 имеется: пять зав. кафедрами, один доцент кафедры (0,5 ставки), четыре ст. преподавателя, работающих только в институте и четырнадцать ст. преподавателей, работающих в институте по совместительству на 0,5 ставки. Кроме того, имеется на почасовой оплате десять преподавателей. Таким образом, из девятнадцати штатных единиц, предусмотренных сметой на 1959 г., фактически имеется 16,5 единиц. Из имеющихся пяти зав. кафедрами – с учеными степенями и званиями только два человека, из состава старших преподавателей нет ни одного с ученой степенью, за исключением одного, работающего на 0,5 ставки доцента и одного почасовика. В справке подвергается критике дирекция Отделения, которая плохо занималась вопросом комплектования кафедр высококвалифицированными кадрами, более того, она не стремилась укомплектовать кафедры

преподавателями, не связанными никакой другой работой, кроме работы в институте. Это привело к тому, что профилирующие дисциплины читаются, как правило, совместителями, и только общественные и иностранные языки укомплектованы штатными освобожденными работниками. Это положение подтверждается также и тем, что имея в штатном расписании 1958 г. двух доцентов кафедр, дирекция не укомплектовала эти должности, и не только не планировала на 1959 г. увеличение количества этих должностей, наоборот, сократила заявку 1959 г. на одну единицу. Все это при том положении, когда кафедры приборостроения и электротехники до последнего времени не имели освобожденных зав. кафедрами, когда из-за отсутствия преподавателя не читался в седьмом семестре курс ТММ, когда из-за большой перегрузки не справлялся с работой преподаватель по черчению [9].

Постановлениями Правительства в 1948–1949 гг. ПГУ было решено организовать с 1949 г. подготовку кадров со среднетехническим образованием в закрытых поселениях, где строились атомные заводы, по наиболее дефицитным специальностям. Организация техникумов в некоторых закрытых поселениях диктовалась кроме потребности в подготовке кадров требующихся профилей еще и тем, что молодежь, которая оканчивает школы-семилетки и десятилетки, находящиеся в зонах этих объектов, не могут отпускать для учебы в другие города Советского Союза [10]. Были определенные ограничения при организации подготовки кадров со среднетехническим образованием. Так, вечерний техникум должен готовить специалистов по специальностям и в количествах, необходимых только для нужд предприятия закрытого города. Вечерним техникумом в г. Свердловск-45, например, в 1956 г. был произведен первый выпуск специалистов в количестве 18 человек. Дипломные проекты отдельных выпускников техникума, выполненные с реальной тематикой, используются в производстве. Но в заключении Управления руководящих кадров Министерства о работе вечернего отделения №3 МИФИ за 1955/56 уч. год указывается на ряд серьезных недостатков: низкая успеваемость, серьезные пробелы в знаниях у выпускников по русскому языку. Посещение занятий неудовлетворительно, а пропуски занятий на первом курсе составляют 20%, доходя на пятом курсе до 36%. Отсев учащихся из техникума крайне большой и за 1955/56 уч. год составил 71 чел. (22,7%), в том числе по неуважительной причине – 38 чел. (11,8%). В результате этого на старших курсах техникума образовались три группы учащихся в составе от 6 до 9 чел. В нарушении правил приема в средние специальные учебные

заведения руководством вечернего техникума предприятия допускалось зачисление в число учащихся лиц, производящая работа которых не соответствует специальности, избираемой для изучения в техникуме. Несмотря на предупреждение о переводе этих лиц на работу в производство по профилю изучаемой специальности, отмеченные недостатки в вечернем техникуме не были устранены. Например, в учебной группе 4-го курса по специальности «Аналитическая химия» в составе 13 человек работает по специальности только 3 человека. Из-за отсутствия в вечернем техникуме лабораторной базы практические работы, предусмотренные ранее учебными программами, не выполняются полностью и качественно или не проводятся совсем. Плохо обеспечивается наглядность в преподавании. Учебно-материальная база вечернего техникума практически не улучшается. Например, средства, предусмотренные планом в 180 тыс. р. были сокращены до 25 тыс. р., заявки техникума отделом оборудования полностью не удовлетворяются [11].

Следует отметить, что в техникумах также получали образование военнослужащие, обучение которых вызывало большие сложности. В письме директора техникума В. Паршина от 18 ноября 1958 г. в городской комитет КПСС г. Свердловск-45 отмечается, что ряд учащихся является военнослужащими, большим злом налаживания учебного процесса является в настоящее время плохая посещаемость этими учащимися занятий в техникуме. Как установлено, причиной неявки учащихся военнослужащих на занятиях является несерьезное или неправильное отношение некоторых военных начальников к своим подчиненным, которые учатся в техникуме. Отдельные военные руководители иногда упрекают подчиненных офицеров, занятых учебой, переводят на более отдаленные участки работы, очень часто отправляют в командировки. Ни партия, ни комсомольские организации строительства ни разу не интересовались у дирекции техникума успехами учебы своих комсомольцев и коммунистов. На своих собраниях вопрос учебы также не обсуждался. Директор техникума делает вывод о том, что создана невыносимая атмосфера для учебы военнослужащих, вместо того, чтобы гордиться такими офицерами, создавать им условия повышения своего образования, ставить их в пример другим военнослужащим, обсуждать их успехи в учебе на собраниях, создавать благоприятные условия в отношении местожительства и места работы. Директор техникума просит принять срочные меры по оказанию помощи военнослужащим – учащимся вечернего техникума. Комиссия городского комитета КПСС факты подтвердила, и были приняты меры по созданию нормальных условий для учебы в техникуме офицерам-учащимся [12].

С самого начала строительства закрытых атомных городов формировалась и система общего образования. История создания школьного образования в городе Новоуральск (Свердловск-44) своими корнями уходит в период Великой Отечественной войны. В те годы дети учились в школе поселка Верх-Нейвинский, что рядом с городом, а с 1944 г. Невьянский райотдел народного образования открывает начальную школу в бараке на территории будущего атомного города. Дети первых строителей закрытых атомных городов учились в сложных условиях. Первое типовое здание на 350 мест появилось в 1947 году. Это была школа № 120. С этого момента начинает свой отсчет и народное образование города Свердловск-44. Через два года открывается еще одна школа, что позволило организовать раздельное обучение девочек и мальчиков. К марту 1954 г. в городе было уже 12 школ. В г. Свердловске-45 первая школа открыла свои двери 1 сентября 1949 г.

На начальном этапе развития общего образования крайне острой была проблема нехватки школьных мест. В докладной записке председателю Горисполкома и секретарю горкома КПСС от зав. горно Лесного от 30.11.1956 г. отмечается, что школы г. Свердловск-45 крайне переполнены и занимаются в чрезвычайно тяжелых условиях. Так, в школе № 61, рассчитанной на 350 мест, обучается 597 учащихся. В школе № 64, рассчитанной на 880 мест, обучается 930 учащихся. Обе эти школы работают в 3 смены. В здании школы № 61 в третью смену работает школа рабочей молодежи, а в здании школы № 64 в третью смену занимается институт. Ввиду большой перегруженности школ трехсменными занятиями школы не имеют условий для развертывания внеклассной и другой работы с учащимися после уроков. Помещение столовой, предусмотренной проектом в школе № 61, оборудовано под физический кабинет и используется для проведения лабораторных и практических работ. В школе № 64 не было предусмотрено проектом столовой, имеются только комната для буфета в 50 метров. В 1957 г. году школы № 61, 64 выпустят из 10 классов 68 человек, а принять в первые классы должны будут 400 учащихся (10 классов). Таким образом, нет возможности вместить более 300 учащихся школы. Руководство горно просит финансировать строительство учебного комбината, решить вопрос о строительстве школы-интерната, для чего составлен подробный план мероприятий. Согласно этому плану школа-интернат представляла собой городок в миниатюре общей площадью 1,5 га, на котором должны находиться учебный корпус, два здания общежития для 200 учащихся с 1-го по 7-й класс, столовая, учебно-опытный сельскохозяйственный участок, физкультурная площадка и хозяйственные постройки [13].

В течение многих лет, справедливо замечает В.Н. Кузнецов, образование в закрытых городах Урала по объективным показателям было лучше, чем в других населенных пунктах страны [14]. Во-первых, государство, заинтересованное в скорейшем создании ядерного оружия, в качестве приоритетного развивало систему высшего, среднего образования в ЗАТО Урала. Во-вторых, вкладывало огромные материальные средства в развитие материальной базы учебных заведений. В-третьих, направляло лучшие педагогические кадры в формирующиеся образовательные системы, осуществляло переподготовку и направляло на курсы повышения квалификации педагогов в лучшие учебные заведения столицы. В результате уже в первое послевоенное десятилетие в закрытых городах Урала сложилась многоуровневая система подготовки кадров для предприятий атомной отрасли страны.

Список литературы

1. Барбашина Н.С., Гераскин Н.И., Тихомиров Г.В. Ядерное образование в МИФИ // Высшее образование в России. 2017. № 6 (213). С. 101.
2. Атомный проект СССР: Документы и материалы: в 3 т. / под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945-1954. Книга 2 /М-во РФ по атом, энергии; Отв. сост. Г.А. Гончаров. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2000, с.102-105.
3. Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. / под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945-1954. Книга 4 / М-во РФ по атом, энергии; Отв. сост. Г.А. Гончаров. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2003, с. 240-243.
4. Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. / под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945-1954. Книга 5 / Федеральное агентство по атомной энергии; Отв. сост. Г.А. Гончаров. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2005, с. 753-754.
5. Новоуральский ГК КПСС. Свердловская область. Свердловский облпартагхив, фонд 5459, опись 17, дело 22а, с. 1, 2, 34, 41.
6. Технологический институт – филиал Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (ТИ НИЯУ МИФИ): офиц. Сайт. Режим доступа: <http://www.mephi3.ru/sveden/>.
7. Барбашина Н.С., Гераскин Н.И., Тихомиров Г.В. Указ. соч. С. 102.
8. Заключение Управления руководящих кадров Министерства о работе вечернего отделения №3 МИФИ за 1955/56 учебный год. \Лесной ГК КПСС г. Свердловск 45, Свердловская область. Отчеты, справки и заключения о состоянии учебной и политико – воспитательной работы в учебных заведениях. Свердловский облпартагхив. Фонд 4458, опись 1, дело 39. С. 2, 4, 32.
9. Заключение Управления руководящих кадров Министерства о работе вечернего отделения №3 МИФИ за 1955/56 учебный год. \Лесной ГК КПСС г. Свердловск 45, Свердловская область. Отчеты, справки и заключения о состоянии

учебной и политико – воспитательной работы в учебных заведениях. Свердловский облпартархив. Фонд 4458, опись 1, дело 39. С. 33.

10. Атомный проект СССР: Документы и материалы: в 3 т. / под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. П. Атомная бомба. 1945-1954. Книга 4 / М-во РФ по атом, энергии; Отв. сост. Г.А. Гончаров. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2003, с.688-689.

11. Лесной ГК КПСС г. Свердловск 45, Свердловская область. Отчеты, справки и заключения о состоянии учебной и политико-воспитательной работы в учебных заведениях. Свердловский облпартархив. Фонд 4458, опись 1, дело 39, с.5-6.

12. Лесной ГК КПСС г. Свердловск 45, Свердловская область. Отчеты, справки и заключения о состоянии учебной и политико -воспитательной работы в учебных заведениях. Свердловский облпартархив. Фонд 4458, опись 1, дело 39, с. 29-31.

13. Лесной ГК КПСС г. Свердловск 45, Свердловская область. Отчеты, справки и заключения о состоянии учебной и политико-воспитательной работы в учебных заведениях. Свердловский облпартархив. Фонд 4458, опись 1, дело 39, с. 9-14.

14. Барбашина Н.С., Гераскин Н.И., Тихомиров Г.В. Ядерное образование в МИФИ // Высшее образование в России. 2017. № 6 (213). С. 101.

2.9. Охват образованием взрослого населения европейских стран

Связь образования с различными социально-экономическими показателями признается в официальных документах на международном уровне [3, 8]. Подчеркивается как экономическая необходимость образования, так и его социально-культурная значимость. Система показателей образования используется для дифференциации стран по уровню социального развития. Декларируется, что с помощью образования *«жители Европы должны получить равные возможности адаптироваться к требованиям социально-экономических перемен и активно участвовать в формировании будущего Европы»* [4]. В таком контексте представляется актуальным рассмотрение основных показателей, характеризующих масштабы включенности и уровень образования населения европейских стран. Данные официальной статистики не всегда позволяют получить исчерпывающую информацию, особенно применительно к дополнительному или неформальному образованию, что требует обращения к результатам межстрановых социологических исследований.

Эмпирической базой для публикации послужили результаты седьмой волны социологического исследования «Европейское социальное исследование» (European Social Survey, ESS), проведенного в 2014 г. «ESS» – проект, в рамках которого с 2002 г. проводится многолетнее

сравнительное изучение установок, взглядов, ценностей и поведения населения европейских стран (Россия участвует в «ESS» с 2006 г.). В 2014 г. опрос проводился в 22 странах среди населения в возрасте 15 лет и старше. Отметим, что Израиль географически расположен в Азии, однако не был исключен из анализа, поскольку в существенной степени интегрирован в европейское культурное пространство. В каждой стране было опрошено от 1224 (Словения) до 3045 (Германия) респондентов по национальной репрезентативной выборке. В России опрос проводился Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). Общее число опрошенных – 2445 человек. Метод сбора первичной социологической информации – формализованное интервью. На международном уровне общее управление проектом осуществляли: The Centre for Comparative Social Surveys, City University London, UK; Scientific Advisory Board.

Для выявления масштабов включенности взрослого населения в получение образования респондентам задавался вопрос о том, учились ли они, даже если были на каникулах в течение предшествующих опросу семи дней, не включая дополнительное профессиональное обучение, получаемое от работы. Уточним, что в публикации под взрослым населением понимается население в возрасте 15 лет и старше. Страны – участницы проекта оказались сильно дифференцированы по масштабам включенности населения в образование (см. рис. 1).

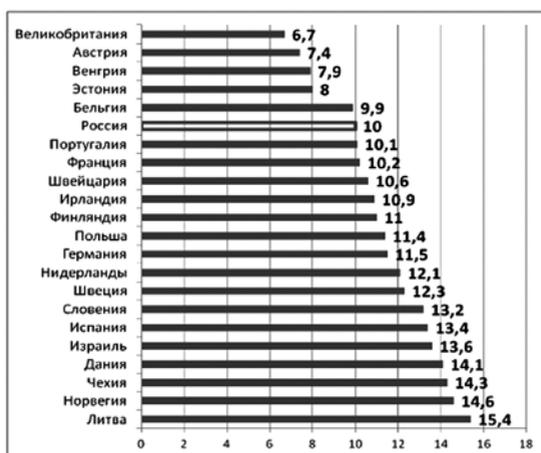

Рис. 1. Доля респондентов, учившихся в течение предшествующих опросу семи дней, не включая дополнительное профессиональное обучение, получаемое от работы, % от числа опрошенных в каждой стране

Минимальные и максимальным показатели включенности различаются более чем два раза. Сравнительно низкие масштабы включенности населения в образование фиксируется в Великобритании, Австрии, Венгрии и Эстонии. Максимальных значений показатель включенности достигает в Литве, Норвегии, Чехии и Дании. Наблюдаемая дифференциация объясняется комплексом взаимосвязанных причин. Среди прочих – степень заинтересованности населения, его мобильность, объемы инвестирования в образование, доступность образования и другие особенности национальных образовательных систем [6]. Различия могут быть также обусловлены особенностями возрастной структуры населения.

Данные о включенности в образование россиян укладываются в европейские закономерности и сопоставимы с результатами в Португалии, Бельгии, Франции, Швейцарии, Ирландии, Финляндии. Мониторинговый характер проекта «ESS» позволяет проследить динамику по России. В 2014 фиксируется один из самых низких показателей включенности – 10% респондентов (N=245). В 2006 г. факт обучения в течение предшествующих опросу семи дней констатировали 14,2% (N=347) опрошенных, в 2008 г. – 10,2% (N=256) респондентов, в 2010 г. – 11,4% (N=297), в 2012 г. – 11,4% (N=282) респондентов. Фиксируемые изменения отчасти могут быть обусловлены демографической ситуацией в стране. В частности снижением доли молодёжи (14–30 лет) в возрастной структуре населения России. По данным официальной статистики доля молодежи за последние годы постоянно снижается [7].

В то же время, как показывают результаты исследования, возраст респондентов относится к числу основных факторов, способствующих включенности опрошенных в формальное образование. Во всех странах – участницах проекта обнаружена статистически значимая корреляционная связь между включенностью в получение формального образования и возрастом респондентов. Значение коэффициента корреляции варьируются от $r=-0,369$ в Австрии до $r=-0,620$ в Литве (в России $r=-0,489$; $p<=0,001$). С возрастом включенность в формальное образование резко снижается, что вполне объяснимо. Добавим, что вне зависимости от страны для большинства обучающихся учеба является основным видом деятельности.

Для выявления уровня образования населения в анкете ESS использовалось несколько вопросов. В одном случае интервьюер перечислял респондентам разные образовательные учреждения, и просил ответить: *«...учились ли Вы в каждом из них или нет. Если учились, то сколько всего лет Вы проучились, не важно, закончили Вы их или нет? Если Вы учились в нескольких учреждениях одного и того же типа, посчитайте общее*

количество лет для всех этих учреждений». В конечном итоге интервьюер суммировал общее количество лет обучения, а респондент должен был подтвердить итоговую сумму. С известными оговорками, касающимися национальных различий в сроках освоения и последовательности образовательных программ, подразумевается, что чем больше лет респондент проучился, тем более высокий уровень образования он получил. Отметим, что рассматриваемый показатель используется при расчете индекса человеческого развития, характеризующий уровень грамотности населения страны.

Различие в среднем количестве лет, потраченных на обучение, в большинстве стран – участниц проекта сравнительно невелико и не превышает одного года (см. рис. 2). Возможно, отчасти сказывается политика, направленная на формирование единого образовательного пространства. В то же время, минимальные показатели сильно выделяются на общеевропейском фоне. Среднестатистический житель Португалии проучился на пять с половиной лет меньше среднестатистического респондента из Германии. Данные по России сопоставимы с показателями по Литве, Франции, Чехии, Австрии и стремятся к средним по Европе показателям.

Определенный интерес представляют данные об охвате населения различными уровнями образования. Уровень образования опрошенного измерялся в каждой стране в соответствии с категориями, принятыми в национальной образовательной системе. Респондентов спрашивали: «*Какой*

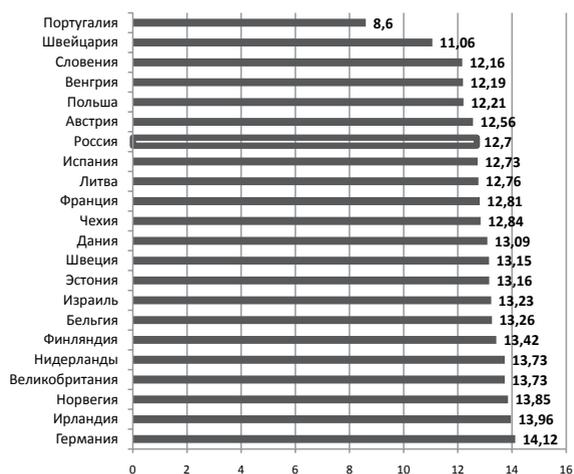

Рис. 2. Количество лет, потраченных на обучение в учебных заведениях, среднее значение по каждой стране

наивысший уровень образования Вы получили?». Такой подход, позволяя эффективно проводить анализ в национальном контексте, имеет некоторые ограничения при сравнении национальных уровней между собой. Необходимость обеспечения сопоставимости данных по странам, а также учета изменений в системе образования, затрагивающих разные поколения респондентов внутри каждой страны, требует использования специальных процедур, обеспечивающих пост-гармонизацию данных. В рамках проекта ESS экспертами отдельных стран и международной группой специалистов на базе Международной стандартной классификации образования (ISCED – International Standard Classification of Education) была разработана Международная классификация образования (ES-ISCED) [9].

С учетом важной роли высшего образования, ведь именно высокообразованное население во многом определяет общественную динамику и зачастую выступает в качестве референтной группы, ограничимся рассмотрением охвата населения высшим образованием. Пост-гармонизация данных по России в шкалу Международной классификации образования (ES-ISCED) отсутствовала в обрабатываемой версии базы данных ESS, поэтому категории отечественной системы образования были приведены в соответствие с классификацией. В рамках ES-ISCED выделяется два уровня высшего образования: 1. *ES-ISCED V-1* – «*базовый уровень высшего, бакалавр*», в отечественной системе образования ему соответствуют опрошенные, имеющие диплом бакалавра; 2. *ES-ISCED V-2* – «*высший уровень высшего, магистр или больше*» – в России это респонденты, у которых имеется диплом магистра либо законченное высшее образование по 5-6-летней системе, либо научная степень [1].

Для всех стран была создана бинарная переменная, разделяющая всех респондентов на две категории. В первую оказались включены опрошенные, имеющие высшее образование (*ES-ISCED V-1 + ES-ISCED V-2*). Во вторую категорию были отнесены все остальные респонденты. Результаты, представленные на рис. 3, позволяют констатировать, что рассматриваемые страны весьма дифференцированы в зависимости от охвата населения высшим образованием. Доля респондентов с высшим образованием, например, в Чехии и Норвегии (минимальные и максимальные европейские показатели) различается более чем в 2,7 раза.

Россия оказалась в числе лидирующих по охвату населения высшим образованием европейских стран. Показатели, превышающие российские, фиксируются только в Эстонии, Дании и Норвегии. А вот в числе стран-аутсайдеров, где высшее образование имеет сравнительно низкий процент населения, оказались Португалия, Чехия и Австрия.

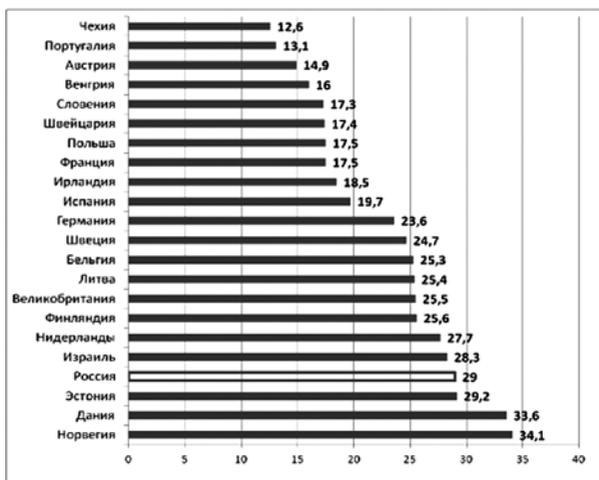

Рис. 3. Доля респондентов, имеющих высшее образование, % от числа опрошенных в каждой стране

Показатели включенности населения в формальное образование представляют интерес. Однако целесообразно дополнить общую картину путем учета респондентов, включенных в систему дополнительного профессионального образования (ДПО), как формального, так и неформального. Получить уточняющую информацию можно, проанализировав ответы респондентов на вопрос о том, посещали ли они в течение 12 месяцев, предшествующих опросу, какие-либо курсы, лекции, тренинги или занятия с целью усовершенствования своих знаний или навыков, необходимых для работы.

Разброс положительных ответов в зависимости от страны проведения опроса оказался большим. Выделяется группа стран с высокой долей респондентов, посетивших подобные занятия. К ним относятся: Финляндия (51,1% респондентов), Дания (49,8%), Норвегия (46,4%), Швеция (45,7%), Швейцария (43,1%). На противоположном полюсе оказались Венгрия (9,5% респондентов), Россия (11%), Чехия (15,8%) и Литва (19%). Интересно, что группу государств с низкой включенностью населения в дополнительное образование составляют в основном постсоциалистические страны. Динамика показателя по России выглядит следующим образом: 2006 г. – 17,7% (N=432) респондентов; 2008 г. – 13,9% (N=348); 2010 г. – 11% (N=286); 2012 г. – 13,2% (N=327); 2014 г. – 11% (N=268) опрошенных. Во всех рассматриваемых странах

выявлена связь включенности в дополнительное образование с возрастом опрошенных (от $r=0,078$ в Израиле до $r=0,369$ в Финляндии, при $p<=0,001$). Наименьшая степень включенности фиксируется среди представителей старших возрастов. Такой вывод относится и к России ($r=0,197$; $p<=0,001$).

Таким образом, можно констатировать, что Россия выделяется на общеевропейском фоне по ряду показателей, характеризующих охват образованием взрослого населения. В стране складывается специфичная ситуация, когда весьма существенный по европейским меркам процент населения охвачен высшим образованием, что свидетельствует о его массовизации, и в российских условиях может быть связано с рядом проблем, в том числе со снижением качества подготовки выпускников [2]. При этом в России фиксируется одни из самых низких среди стран – участниц проекта показателей включенности населения в дополнительное профессиональное образование. Последнее позволяет констатировать наличие противоречия между декларируемой на государственном уровне важной роли ДПО [5] и низкими показателями охвата дополнительным образованием населения.

В заключение отметим, что в предлагаемой публикации рассматриваются лишь некоторые аспекты заявленной проблематики. Обозначенная тема требует проведения комплексных исследований.

Список литературы

1. Андреевкова А.В. Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика. М.: Новый Хронограф, 2014. 516 с.
2. Арсентьев Н.М., Ивлева А.Ю. Массовизация высшего образования в России: угрозы и перспективы // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2010. №3. С. 76-82.
3. Доклад о человеческом развитии 2014. Обеспечение устойчивого прогресса человечества: Уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости. М., Издательство «Весь Мир». 226 с.
4. Меморандум Юнеско о неформальном образовании [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unesco.org/bpi/pdf/memobpi55_NFE_ru.pdf (дата обращения: 28.09.2017).
5. Постановление Правительства РФ от 23 мая 2015 г. N 497 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2016 – 2020 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://минобрнауки.рф/документы/5930/файл/4787/FCPRO_na_2016-2020_gody.pdf (дата обращения: 28.09.2017).
6. Прохода В.А. Включенность в систему образования взрослого населения европейских стран // Материалы научно-практической конференции философского факультета МГУ имени М.В.Ломоносова «Возрасты образования:

социальное и личностное измерения». М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 140-142.

7. Федеральное агентство по делам молодежи. Статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic> (дата обращения: 18.09.2017).

8. Human Development Report 2014. Technical Notes 2014 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14_technical_notes.pdf (дата обращения: 18.09.2017).

9. The measurement of educational attainment in the ESS [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/round6/survey/ESS6_appendix_a1_e02_0.pdf (дата обращения: 27.09.2017).

2.10. Современные проблемы управления европейским высшим образованием

Инструменты сравнительного анализа были и будут полезны, если вектор принятия управленческих решений определяется целеполаганием развития, учетом направленности внешних тенденций и воздействия существующих внутренних факторов. Для вузов Западной Европы началом глобального управленческого образовательного проекта стало подписание в июне 1999 г. Болонской декларации. Целью Болонского процесса было провозглашено создание единого европейского пространства для стран-участниц посредством реформ, обеспечивающих гармонизацию образовательных уровней, программ подготовки, студенческой и преподавательской мобильности, в совокупности содействующих повышению востребованности вузов на европейском образовательном рынке.

За 10 лет число стран– участниц Болонского процесса выросло с 4 до 48, и, соответственно, в рамках национальных вузовских систем в него были вовлечены 5600 вузов и 31 млн. студентов [1, р. 2]. Цели проведения согласованных реформ стали рассматриваться с учетом внешних приоритетов, и обеспечение внутриевропейского сотрудничества было дополнено потребностями повышения мировой конкурентоспособности европейского высшего образования и университетских исследований.

Продвижение согласованных реформ оказалось затруднено процессами политической нестабильности и семилетнего экономического кризиса, считающегося завершившимся в Европе в 2015 г. Сокращение объемов финансирования затронуло и сферу образования. В результате за время кризиса практически все университетские реформы были при-

остановлены, и только наиболее продвинутым университетам удалось удержать конкурентные позиции.

Сегодня, когда ректоры лидирующих университетов мирового сообщества говорят о том, что управленческие приоритеты развития высшего образования должны быть пересмотрены, все чаще звучит призыв к смене парадигмы – с переходом в эпоху знаний от лично ориентированного обучения к созданию инноваций в конкретных дисциплинах [2]. Собственно, идея не настолько нова, как преподносится. Еще в 2000 г. Евросоюз принял Лиссабонскую декларацию, утверждавшую стратегию повышения конкурентоспособности европейских государств посредством развития экономических инноваций, обеспечиваемых наукой и высшей школой [3].

В период европейского семилетнего экономического кризиса многие критерии соответствия требованиям Болонского процесса оказались снижены либо замещены управленческими решениями, компенсирующими отказ от согласованных уровней финансирования студенческой и образовательной мобильности, кооперативных исследовательских проектов и ряда других удостоверенных направлений. В частности, ряд национальных университетских систем стал принимать студентов из стран не-Евросоюза на программы полной оплаты обучения, а также усиливать сервисную активность по отношению к бизнесу и населению, включая развитие университетских клиник, создание высокотехнологичного оборудования и медицинских препаратов нового поколения.

В настоящее время, когда можно образно сказать, что управленческий проект в сфере высшего европейского образования, получивший наименование «Болонский процесс», достиг своего совершеннолетия, с учетом прохождения сложного подросткового возраста в период экономического кризиса, – целесообразно более детально посмотреть на приоритеты и инструменты социального управления национальными системами высшей школы. Такую возможность предоставляют, в частности, материалы социологического анализа эмпирических данных исследования Ассоциации европейских университетов (EUA) «Тенденции 2015: Обучение и преподавание в европейских университетах», с отслеживанием динамики произошедших изменений по сравнению с 2010 годом [4]. В 2010 г. в опросе приняли участие 236 учебных заведений Европы. В 2015 г. число вузов, ответивших на 25-страничный опросник, составило 451, а количество стран-участниц возросло до 46, представивших 48 национальных систем высшего образования.

Основные вызовы европейскому высшему образованию оказались представлены необходимостью реагировать на изменение экономических и социальных потребностей с повышением конкурентоспособности и возможностей трудоустройства выпускников, достигаемых посредством усиления внимания к развитию предпринимательского мышления, инноваций и деловых партнерских отношений университетов. Эти вызовы ориентируют также на интенсификацию применения информационно-компьютерных технологий, институциональное позиционирование и стратегическое осмысление процессов интернационализации.

Можно сказать, что слоганом университетов в высококонкурентном 21 веке стал призыв «делать больше с меньшими затратами». Это актуализирует управленческие задачи в направлении поисков диверсифицированных источников финансирования, формирования адекватных ресурсным возможностям нескольких моделей управления национальными университетами в пределах рамочного пространства Болонского процесса.

Очевидным становится принятие решений в направлении профессионального специализированного образования, прежде всего, – технологического, облегчающего возможности трудоустройства, на фоне снижения предложений получения гуманитарной подготовки. Сохранение относительного баланса естественнонаучных, технологических и социогуманитарных направлений обучения становится проблемой правительств, в первую очередь, стран – европейских лидеров, таких, как Германия, Великобритания, Франция.

Процессы демографических и экономических изменений приводят к трансформации рекрутинговых институциональных стратегий, с предложением образовательных программ для пожилых, студентов с ограниченными возможностями, представителей нацменьшинств и иностранных студентов из стран – нечленов Евросообщества. Важность традиционных приоритетов обучения и преподавания сохраняется, с расстановкой актуальных акцентов: на обеспечении пожизненного доступа к обучению различным категориям студентов; на необходимости определения политики поддержки лично-ориентированного образования для повышения конкурентоспособности на рынке труда; а также на разработке и внедрении эффективных стратегий интернационализации, обеспечивающих достижение баланса между сотрудничеством и конкуренцией национальных университетов и университетских систем [4, p.18].

Важнейшей управленческой задачей является соответствие стандартам качества при поддержке национальных традиций, разнообразия

в европейском пространстве и инноваций. Ее разрешение предполагает и информационно-технологическую составляющую, когда в контексте технологических разработок университетов анализируются возможности комплексного подхода к оцифровке библиотечных и образовательных ресурсов, к созданию междисциплинарных центров обучения, управления данными, финансового планирования и оценки рисков. Маркетингизация в системе высшей школы оценивается не как угроза для утраты автономии и академических свобод, а как один из результативных инструментов диверсификации источников финансирования, требующий, тем не менее, постоянства мониторинга последствий и отдачи от инвестиций.

Вопросы глобализации и институционального позиционирования рассматриваются одними из важнейших на этапах постиндустриального развития и экономики знаний не только для стран – участниц Болонского процесса и ведущих университетов, но и для корректировки политики национальных государств. Значение этих аспектов фиксируется в нескольких престижных рейтинговых системах высших учебных заведений, по существу отражающих возрастание глобальной конкуренции. Актуальной задачей комплексного управления университетами становится одновременность позиционирования вуза на региональном, национальном, европейском и мировом уровне. Именно в этой связи взаимная дополнительность стратегий сотрудничества и конкуренции начинает переосмысливаться как единая стратегия интернационализации.

Национальные и международные системы ранжирования высших учебных заведений определяют высшую лигу игроков и отражают возрастание конкурирования в сфере вузовского образования. В частности, по результатам реализованного проекта Ассоциации европейских университетов (EUA) «Рейтинги в институциональных стратегиях и процессах» (RISP) [5], становится очевидно, что они оказывают существенное воздействие не только на рекрутинг студентов, но и на выбор партнеров по международному сотрудничеству.

Одной из наиболее престижных мировых рейтинговых систем считается «Times Higher Education (THE)», активно экспериментирующая с альтернативными подходами к ранжированию университетов. Последний рейтинг «Наиболее интернациональных мировых университетов» был опубликован 1 февраля 2017 г. В нем две первые позиции заняли европейские университеты – швейцарские Федеральный технологический Институт в Цюрихе и Федеральная политехническая школа в Лозанне. Для сравнения – первый из американских Массачусеттский институт технологии оказался лишь на 22-м месте, а Гарвардский университет – на 33-м [6].

Комментируя изменение методики в сторону увеличения весовых показателей исследовательской, академической репутации вузов через призму интернационализации, А. Калдерон обращает внимание на то, что, по сравнению с рейтингом 2016 г., список самых международных университетов мира был сокращен с 200 до 150 учебных заведений, в частности в Британии – с 64 до 13. Также и университеты Катара и Люксембурга, ранее занимавшие первое и второе места, вообще выпали из рейтинга 2017 г. [7]. Тем не менее, концентрация на транснациональности не всегда дает основания для характеристики университетов как наукоемких. Иногда она обеспечивается повышенной академической мобильностью студентов и преподавателей. В любом случае, показатели мировых рейтингов национальных университетов, включая и европейские, заставляет принимать их к сведению при подготовке государственных и локальных управленческих решений, предусматривая механизмы контроля, обеспечения прозрачности и программы финансовой поддержки репутационной активности лидирующих университетов.

И еще одна управленческая проблема связана с последствиями брекзита – референдума Великобритании по поводу выхода страны из Евросоюза. Для британского университетского сообщества, голосовавшего, преимущественно, против, – это не только утрата возможностей двусторонней европейской академической мобильности в рамках Болонского процесса, снижение занятости в британских университетах преподавателей из стран континентальной Европы, но и полная неопределенность в отношении визового режима и стоимости обучения для граждан ЕС [1, р. 2]. Еще большие опасения связаны с перспективами продолжения исследовательских проектов с партнерскими европейскими университетами.

Как отмечает Д. Мернейн, современные исследования в области науки, по определению, являются глобальными. Также и Европа, в соответствии с докладом ЮНЕСКО 2015 г. о науке, остается мировым лидером с точки зрения ее доли научных исследователей, составляющей 22,2%, в то время как доля США достигает лишь 16,7% исследователей в мире [8]. Американцы демонстрируют готовность к использованию политической ситуации и сотрудничеству, но разрыв финансовых и коллегияльных обязательств по европейским партнерским проектам не может быть автоматически скомпенсирован простым переносом на другую континентальную исследовательскую площадку.

Современная наука и университеты не могут успешно развиваться в условиях возведения разграничительных стен и создания миграционных барьеров. Творчество и инновации должны обеспечиваться комплексны-

ми управленческими стратегиями, создавая национальные фундаменты международного образования и перехода к новой экономике. Эту идею афористично и символически актуализировал проректор Университета Сан-Диего в штате Калифорния, обозначив, что основная стратегическая роль университетов заключается не в строительстве стен, а в строительстве мостов [2].

Список литературы

1. Hunter F., Wit H. de. Brexit and the European Shape of Things to Come // International Higher Education. Number 87: Fall 2016. P. 2-3.
2. Garcia F.L. Building bridges not walls will bring greater innovation // University World News: The Global Window of Higher Education. 10 February 2017. Issue No:446.
3. Ritzen J. European Universities in the Aftermath of the Economic Crisis // International Higher Education. Number 87: Fall 2016 P. 3-4.
4. Surssock A. Trends 2015: Learning and Teaching in European Universities. Brussels: European University Association, 2015. 133 p.
5. Hazelkorn E., Loukkola T., Zhang T. Rankings in Institutional Strategies and Processes: Impact or Illusion? Brussels: European University Association, 2014. 60 p.
6. Bothwell E. The World's Most International Universities 2017 // THE. February 1, 2017.
7. Calderon A. Manufacturing internationalisation of higher education // University World News: The Global Window of Higher Education. 10 February 2017. Issue No:446.
8. Murnane D. UK science must work with the US, but it won't replace the EU // THE. February 17, 2017.

Глава 3. МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

3.1. Идеи Л.Н. Когана о вечности и проблемы устойчивого развития и безопасности молодежи

В воспоминаниях о Льве Наумовиче Когане прозвучала (на основе идеи Ж.Т. Тощенко) его характеристика как «парадоксального человека» [1, с. 62]. Представляется, что во многом парадоксальной должна быть и интерпретация его творчества, анализ его влияния на современную социологическую теорию и практику. Один из таких парадоксов обозначен в названии данной статьи. Казалось бы, как взаимосвязаны вечность, устойчивое развитие и безопасность?

Путь к пониманию этой взаимосвязи, прежде всего, – в когановской трактовке Вечности, в которой воплотился гуманистический и оптимистический характер его самореализационной теории культуры. По Когану, «человек – высшая и самостоятельная ценность мира. Если он рассматривается лишь как «кирпичик» здания прогресса, а не как самоцель общественного развития, он неминуемо превращается, по верному замечанию Н. Бердяева, в «плоскостное», «одномерное» существо». И далее: «Важнейшее измерение человека – его глубина, т.е. мера его богатства, его культуры. Без нее нет человека, есть всего лишь общественная функция. “Одномерный человек” живет только в настоящее время, он бесследно исчезает из будущего, из памяти людей. Именно глубина делает человека причастным Вечности» [2, с.220].

Гуманист Коган видел все проблемы и противоречия переходного времени, но и в кризисе 1990-х гг. он обозначил позитивный тренд: «Только сейчас началась самая значительная из всех реабилитаций – реабилитация Человека как самоцели всего общественного развития. Вот почему именно в наши дни впервые после десятилетий негласного запрета снова начат серьезный разговор о Вечности, причем не только о вечности материи во времени..., а именно о вечном, непреходящем в жизни человека» [3, с. 9].

Понятие Вечности у Когана обогащает и социологию молодежи. «На самом же деле, – отмечал Лев Наумович, – смерть связана со временем, а бессмертие – с Вечностью, которая сохраняет жизнь каждого поколения, дела его рядовых и замечательных людей, обеспечивает преемственность жизни» [Там же, с. 11]. Вечность характеризует преемственность поколений.

Такая преемственность вселяет в ученого-мыслителя оптимизм: «У каждого из нас есть определившие его судьбу мгновения, свои “звездные часы”, свои интимные отношения с Вечностью. Но, думаю, у всех у нас есть неистребимая вера в Россию, в ее будущее, в счастье ее народов» [1, с. 11].

И вот уже прослеживается первая взаимосвязь – с *устойчивым социальным развитием*. Но для этого важно акцентировать в устойчивом развитии главное – «защитить интересы грядущих поколений», понимать его как «такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [См.: 4].

Последний момент и выводит нас на проблему *безопасности молодежи*. Уже в принятом в 1992 г. Законе РФ «О безопасности» (ст. 1), безопасность определялась как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [5]. Законодательно закреплена защита интересов не только государства, но и личности, и общества, которые становятся равноправными объектами защиты – как от внешних, так и от внутренних угроз.

Ныне действующий Закон РФ «О безопасности» [6], развивая и углубляя этот подход, как основной принцип обеспечения безопасности определил: «соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина».

В рамках комплексного изучения социальных проблем молодежи Свердловской области в 2016 г. было проведено специальное исследование, нацеленное на изучение, насколько безопасны условия ее жизнедеятельности. Респондентам было предложено оценить, являются ли Россия как государство и Свердловская область как ее субъект безопасными для проживания (табл. 1).

Таблица 1

Представления респондентов о безопасности для проживания России как государства и Свердловской области, % опрошенных

Значения	Оценка в баллах	Россия, %	Свердловская область, %
Да, абсолютно	+2	20	17
Скорее да, чем нет	+1	46	46
Трудно сказать определенно	0	19	18
Скорее нет, чем да	-1	13	10
Совсем нет	-2	2	2
Индекс безопасности (средний балл)		+0,68	+0,66

В целом особых различий в восприятии и России, и региона нет, они в основном оцениваются как сравнительно безопасные. Среди немногих различий отметим, что жители средних городов оценивают безопасность выше, чем жители Екатеринбурга. В возрастном разрезе наш регион представляется тем безопаснее, чем моложе респондент.

Преимущественно позитивные оценки не означают, что проблема безопасности решена на нашей территории. Одной из центральных проблем в обеспечении безопасности, которая в большей степени тревожит и представителей власти, и общество, – это вероятность проявления экстремизма и терроризма у нас, в Свердловской области. Нашим респондентам были заданы вопросы о том, как они представляют себе эти явления и в какой степени они представляют проблему для нашей области (табл. 2).

Таблица 2

Мнение респондентов 2016 и 2012 гг. о том, насколько экстремизм является проблемой для Свердловской области (% опрошенных)

Значения	2016	2012
Нет и не будет	32	36
Сейчас – нет, в недалеком будущем – да	42	32
Да, эту проблему уже надо решать	23	21

Для двух третей молодых людей, участвовавших в опросе 2016 г., экстремизм – проблема, требующая своего решения либо сейчас, либо в самом недалеком будущем. За последние три года мнение молодых свердловчан по этому вопросу практически не изменилось, но стало выражаться четче (сказывается влияние значительного объема информации об экстремизме и методах защиты от его проявлений). И вновь жители малых городов реже (в 1,3 раза) рассматривают экстремизм как актуальную проблему для Свердловской области – в сравнении с жителями Екатеринбурга.

Характерны уже представления респондентов об экстремизме (табл. 3).

Важный факт, что респонденты *менее всего связывают экстремизм с религиозными верованиями и неоправданным риском*. Приоритетно в трактовке экстремизма соотнесение его с противоправными действиями и агрессивностью, радикализмом, нетерпимостью или насилием. Преобладает политизированное понимание экстремизма, экстремальные течения в спорте и искусстве, в моде и поведении упоминаются крайне редко (рисунок, альтернативный вопрос, пропуски 3,4%).

Таблица 3

Представления свердловской молодежи об экстремизме

Значения	В % от числа опрошенных
Противозаконные действия	16
Агрессия против других	16
Радикальная оппозиция	15
Крайняя нетерпимость, антипатия	14
Насильственное навязывание точки зрения	12
Антиобщественные идеи	8
Экстремальные течения	6
Религиозные верования	3
Приятный риск	1
Неизвестно что	4

Представления респондентов о сущности терроризма.

Весьма примечательны результаты, полученные при оценке предпочтений типа общества на фоне глобальной террористической угрозы (табл. 4).

Таблица 4

Оценка фактора открытости общества на уровне национального государства (вопрос о выборе типа общества)

Значения	В % от числа опрошенных
«Железный занавес» с гарантией личной безопасности, но без возможности выезда за рубеж	47
Открытость границ и свобода передвижений с угрозой терроризма	49

Мнения респондентов разделились практически поровну: для одной половины респондентов ценностью представляется открытость общественного устройства и свобода передвижений, для другой ценность состоит в гарантии личной безопасности, даже без возможности выехать за границу. Но что за этим стоит? Страх терроризма или другие факторы, прежде всего экономические, а уж затем политические и культурные? Анализ позволяет соотнести *предпочтительный выбор типа общества, прежде всего, со сферой политики и культуры.*

Для предотвращения угроз национальной безопасности необходимо сосредоточить усилия на укреплении внутреннего единства российского общества, межнационального согласия и религиозной терпимости, что обеспечивается сохранением и развитием культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Культура формирует человека во всем спектре его отношений: к самому себе, к другому человеку, к внешней среде. Формирование мировоззренческих установок необходимого уровня безопасности предполагает оценку опасности реальной только тогда, когда она может помешать функционированию личности в определенной социокультурной среде. Культура возникает в результате необходимости адаптации к природе и защиты от нее. Культура аккумулирует опыт безопасности социальной системы, но и для обеспечения безопасности необходимо сохранение культуры. Безопасность становится культурной ценностью. Развитие общества и личности предполагает не только повышение качества жизни что обеспечивается реализацией стратегических национальных приоритетов и на этой основе решение

эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности во всех ее аспектах.

Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области культуры являются: сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание молодежи в духе гражданственности; сохранение и развитие общероссийской идентичности и единого культурного пространства страны.

Основой общероссийской идентичности народов являлась исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных ценностей, которые включали приоритет духовного над материальным, защиту человеческой жизни, семьи, высокую ценность созидательного труда, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины.

В ходе проведенного опроса были исследованы представления свердловской молодежи о России как национальном государстве. В них четко прослеживается отношение к государству как социальному институту, как к территории и социуму. В ответах респондентов четко просматривается многофакторность восприятия государства во всех трех аспектах: индекс восприятия не выходит из отрицательной зоны, что может быть интерпретировано в формате «не столько этот признак, сколько другие».

Респонденты менее всего связывают понятие «Россия» с территорией, в особенности с малой Родиной, и в этом прослеживается влияние интернетизации, глобализации и роста мобильности в общественной жизни. Внутри этой группы наибольшую значимость получил фактор совместного проживания с людьми своей национальности (этнической группы).

В максимальной степени в представлениях молодых свердловчан Россия воспринимается как социум, более всего, с людьми одной системы ценностей, способных понять и принять позицию современного молодого человека, в том числе и в пространстве единого языка, следовательно, смысла и символа. Из этого можно предположить, что решение проблем безопасности молодежи наиболее эффективно возможно осуществлять, воздействуя на систему ценностей с помощью институтов культуры.

Государство как социальный институт в системе восприятия России занимает срединное, «связывающее» положение. И главное в его восприятии – не собственно гражданство (документальное, валидированное посредством паспорта), а единство закона и построенная на нем система взаимных обязательств. Соответственно, принимая обязанности перед

государством как социальную норму, молодежь вправе рассчитывать на соблюдение этой нормы со стороны государства, в том числе и в обеспечении ее безопасности. На практике такое взаимодействие не всегда реализуется, что связано со сложившейся социокультурной обстановкой всего российского социума.

Амбивалентность глобализации с учетом высокой степени нестабильности современного российского общества содержит угрозу размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабления единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии. Изменение процентного соотношения репрезентативности мировой, национальной и массовой культуры создает социокультурную среду, содержащую потенциальную опасность: пропаганда вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры. Для обеспечения национальной безопасности в области культуры необходимы концептуализация культурной политики и координация деятельности заинтересованных федеральных органов исполнительной власти по ее реализации.

До того, чтобы определить роль органов власти и институтов культуры в обеспечении безопасности молодежи Свердловской области, важно проследить, каким образом она «встроена» в социум, с какими социальными группами, институтами молодежь идентифицирует себя (табл. 5).

Наибольшее соответствие во мнении респондентов получило соотношение с Азией. Прослеживается четкое влияние положения Свердловской области на стыке Европы и Азии, но парадоксальность состоит в низкой (хотя еще находящейся в зоне положительных значений) самооценке индикатора «Европеец». Влияние «восточного направления» культурных и политических контактов последних двух десятилетий очевидно. Как и очевидно уверенное соотношение молодежи с культурой виртуальной реальности. Полагаем, что эти два индикатора в ближайшее время будут только расти.

Тревожный симптом – расположенность всех остальных индикаторов в отрицательной зоне. Понятно фактически нулевое или низкое отрицательное значение для индикаторов «гражданин мира» (серединным положение региона по отношению к государственным границам и относительной сложностью активного передвижения за пределы страны и обратно), «человек определенной религии» (в отношении принадлежности к религии молодежь чаще связывает себя не с «воцерковленностью», а с

Таблица 5

Самоидентификация молодых свердловчан, % опрошенных

Самоощущение	+2*	+1	0	-1	-2	Индекс идентичности
Азиатом	42	10	20	12	12	0,59
Жителем виртуального пространства	41	13	19	14	12	0,58
Европейцем	27	10	24	18	20	0,05
Гражданином мира	26	11	21	17	24	-0,02
Человеком определенной религии	20	10	17	20	32	-0,34
Человеком определенной профессии	14	13	22	22	28	-0,38
Представителем Свердловской области	14	11	13	24	37	-0,60
Человеком определенной национальности	17	7	11	21	44	-0,67
Жителем своего родного города (села, поселка)	15	10	10	20	45	-0,70
Просто человеком	21	4	8	13	53	-0,72
Членом своей семьи	20	5	6	14	56	-0,82
Гражданином России	16	7	7	19	51	-0,83

* +2 – Ощущаю в полной мере; +1 – Скорее ощущаю; 0 – Трудно сказать определенно; -1 – Скорее не ощущаю; -2 – Не ощущаю.

соответствующей культурой) и «человек определенной профессии» (незавершенностью процессов профессионального становления, особенно в студенческой среде).

Но положение на последних двух позициях индикаторов «членом своей семьи» и «гражданином России» заставляет задуматься. С одной стороны, большинство молодых людей еще не успело создать собственной семьи (в этом опросе отсутствовал вопрос о семейном положении и количестве детей, но ранее проведенные исследования показывают, что возраст создания семьи у молодых свердловчан сместился за границы 26-27 лет и даже в постмолодежную группу). С другой стороны, целевые группы находятся в возрасте, когда связь с родительской семьей постепенно ослабевает. Тем не менее, не является ли такая самооценка свидетельством глубокого кризиса семейных ценностей и, следовательно, прямой угрозой реализации региональной демографической политики?

Еще большее беспокойство вызывает замыкающее положение признака «гражданин России»: эта позиция осознанная. Что означает он в плане безопасности молодежи на фоне роста патриотизма? Низкий

уровень гражданской культуры молодежи? Неэффективность программ патриотического воспитания в средней и старшей возрастных группах? Или влияние (особенно в старших группах) последствий кризисов, социальных трансформаций и трудностей современной экономической ситуации?

Для ответа на этот вопрос уместно показать мнение респондентов о том, какой видится роль органов власти и институтов культуры в обеспечении безопасности молодежи Свердловской области (табл. 6).

Таблица 6

Кто должен отвечать за безопасность молодежи,
поливариантный вопрос, до 3 ответов

Значения	В % от числа опрошенных
Государство, органы власти	75
Сам молодой человек	53
Силовые структуры	48
Родители, родственники	38
Руководство муниципальных образований	23
Образовательные организации	14
Учреждения культуры	4
Дружинники, казаки	4
Группировки, контролирующие район	3
Никто не должен, все и так хорошо	1

Итак, главной ответственной силой в обеспечении безопасности молодежи она сама считает государство, органы власти, не складывая ответственности и с себя при высокой роли силовых структур (третья позиция). Серединное положение занимают институты семьи и образования, замыкают – учреждения культуры, возрождаемый институт общественной защиты (дружинники, казаки) и теряющий значимость в суждениях молодежи институт «вневластного» управления территорией (криминальные группировки). Этим самым фиксируется важное свойство уральского социума – сохранение традиционной структуры, для которой, в отличие от структуры общества постмодерна, больше характерна опора на государство, общинные (соседские) структуры, чем на собственные силы.

Весьма любопытны оценки относительно роли различных институтов власти и управления в обеспечении безопасности молодежи (табл. 7).

Индекс обеспечения рассчитан по формуле

$$I=2 * p_0+s_0-s_1-2 * p_0,$$

где p_0 – полностью обеспечивают;

s_0 – скорее обеспечивают;

s_1 – скорее не обеспечивают;

p_0 – совсем не обеспечивают.

Значение «Трудно сказать определенно» не учитывается.

Таблица 7

Степень участия институтов власти и управления в обеспечении безопасности молодежи Свердловской области, % опрошенных

Значение	+2*	+1	0	-1	-2	Индекс обеспечения
Совет Федерации	14	17	46	14	7	0,16
Государственная Дума	14	17	44	17	7	0,13
Суд	11	16	43	21	7	0,04
Органы власти субъектов РФ	10	18	46	17	8	0,03
Правительство	10	16	47	19	8	0,00
Прокуратура	9	18	42	21	8	0,00
Армия	12	16	37	20	13	-0,07
Федеральные органы безопасности	10	18	38	24	9	-0,04
Президент	11	16	42	17	12	-0,03
Местные органы власти	10	16	41	24	8	-0,03
Полиция	8	20	34	27	10	-0,13
Администрация образовательной организации, предприятия	9	14	40	25	11	-0,16

* +2 – полностью обеспечивает; +1 – скорее обеспечивает; 0 – трудно сказать определенно; -1 – скорее не обеспечивает; -2 – совсем не обеспечивает

Вопрос оказался сложным для респондентов: от 34 до 47% респондентов не знают, как на него ответить. Заметно, что индекс обеспечения распределен вокруг нулевых отметок. Но прислушаться к мнению наших респондентов крайне важно. Итак, три первые позиции в ответах респондентов занимают институты, формирующие правовое поле безопасности и обеспечивающие его реализацию на федеральном уровне. Вторая группа институтов – исполнительная власть регионального и федерального уровня и контролирующий орган (прокуратура). В третью группу попали федеральные силовые структуры; как ни странно – при сегодняшней очень высокой степени поддержки, Президент; местные органы власти.

Наконец, четвертую группу – в наименьшей степени участвующую в обеспечении безопасности молодежи, составили полиция (институциональное назначение которой – «беречь и охранять») и администрация образовательной организации (предприятия) респондента – наиболее «приближенный» к молодежи институт управления, который более всего должен быть заинтересован в сохранности и развитии этого ресурса. Выводы, как говорится, очевидны.

Завершить анализ считаем необходимым характеристикой степени участия социальных институтов в формировании основ безопасности молодежи (табл. 8). Так же, как и предыдущий, это вопрос оказался сложен для респондентов: почти треть не дали однозначного ответа. Более ясной оказалась позиция относительно роли институтов образования (не смог определиться каждый четвертый респондент).

Таблица 8

Степень участия социальных институтов в формировании основ безопасности молодежи Свердловской области, % опрошенных

Значения	+2*	+1	0	-1	-2	Индекс участия
Политические партии	14	19	41	15	9	0,14
Церковь, религиозные организации	13	21	33	20	11	0,06
Некоммерческие организации и объединения	11	19	42	18	9	0,05
Средства массовой информации	11	21	33	21	11	-0,01
Профсоюзы	10	18	38	22	11	-0,06
Учреждения культуры (театры, музеи, библиотеки)	9	19	33	27	11	-0,12
Образовательные организации (школы, техникумы, вузы)	7	18	26	35	14	-0,31

* +2 – да, полностью; +1 – скорее да, чем нет; 0 – трудно сказать определенно; -1 – скорее нет, чем да; -2 – совсем нет

Как видим, наибольшую значимость в этом процессе респонденты отдают деятельности институтам политических партий, церкви и общественным некоммерческим объединениям. Все они находятся в положительной зоне, что свидетельствует об их достаточно высокой эффективности. Средства массовой информации, имеющие колоссальное влияние на общество в целом и на молодежь, и профсоюзы, основная функция

которых – защита, попали во вторую группу – зону слабо отрицательных значений. То есть, их потенциал в формировании основ безопасности оказался реализованным слабо. Наконец, третью группу, чей потенциал реализован менее всего, составили институты культуры и образования – те институты, сама природа которых определяет их *ведущую роль в формировании культуры безопасности*. Добавить к этому нечего.

В качестве вывода обозначим следующую позицию. Особое значение для укрепления национальной безопасности в области культуры имеет проведение государственной политики по следующим направлениям:

- укрепление единства многонационального народа Российской Федерации;
- обеспечение культурного суверенитета Российской Федерации посредством принятия мер по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия, осуществление контроля в информационной сфере и недопущение распространения продукции экстремистского содержания, пропаганды насилия, расовой, религиозной и межнациональной нетерпимости;
- создание системы духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан, внедрение принципов духовно-нравственного развития в систему образования, молодежную и национальную политику, расширение культурно-просветительской деятельности. Решение данных задач возможно на основе улучшения материально-технической базы организаций культуры, создания условий для организации досуга, стимулирования творческого развития и художественного образования граждан.

Список литературы

1. Вишневский Ю.Р. Парадоксальный человек – Лев Наумович Коган // Коган Л.Н.: Феномен многогранной творческой личности: материалы юбилейной конференции, Екатеринбург, 18 марта 2008 года. Екатеринбург: ИПЦ «Маска», 2008. 252 с. С. 62-63.
2. Коган Л.Н. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1988-1997. Екатеринбург: ИПЦ «Маска», 2009. 382 с.
3. Коган Л.Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994. 208 с.
4. Наше общее будущее : Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / пер. с англ. под ред. С.А. Евтеева и Р.А. Перелета. 1989. 21 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://xn--80adbkckdfac8cd1ahpld0f.xn--p1ai/files/monographs/OurCommonFuture-introduction.pdf>.

5. Закон РФ «О безопасности» (с изменениями и дополнениями) № 2446-I от 05.03.1992 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/10136200/#ixzz4jmQ5nxwn>.

6. Федеральный закон «О безопасности» № 390-ФЗ от 28.12.2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=187049&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.2728291572227517#0>.

3.2. Исследование поликультурных аспектов благотворительности в студенческой среде

Одной из важных задач деятельности учреждений образования нашей Республики является формирование самосознания обучающихся посредством изучения культурного наследия страны, развития их природных склонностей и задатков, эстетического вкуса, повышения уровня обучения и воспитания, максимального использования всех факторов, оказывающих влияние на формирование личности. При этом наиболее важным в этом аспекте является поликультурное воспитание, направленное на формирование и совершенствование нравственной культуры современного обучающегося. Решению этой педагогической задачи помогают духовные истоки и традиции белорусского народа, обращение внимания к таким понятиям, как «милосердие» и «благотворительность».

Поликультурное воспитание отражает межкультурные аспекты коммуникации в современном глобализированном мире. Сегодня, когда мы стремимся по-новому высветить общечеловеческие ценности – честность, совесть, сострадание, – слово «милосердие» вновь обретает для нас глубокий смысл. Аксиоматично утверждение о том, что милосердность как качество личности формируется в процессе благотворительной деятельности [2, с. 87].

В настоящее время актуальными становятся вопросы активизации потенциала благотворительной деятельности как ресурса развития общества. Оказание добровольной безвозмездной помощи всегда рассматривалось как проявление гражданского самосознания личности. Деятельность такого рода в студенческие годы обладает значительным педагогическим потенциалом, направленным на реализацию образовательной и развивающей функций индивидов, самостоятельных инициативных действий в обществе. Участие в благотворительности позволяет получать студентам необходимые социальные навыки межкультурной коммуникации в обществе.

В рамках программы «Культура мира» Республиканского общественного объединения «Белорусская ассоциация клубов ЮНЕСКО» студентами специальности «Социолог» специализации «Экономическая социология» УО «Белорусский государственный экономический университет» проведено пилотажное социологическое исследование (н.р. к.с.н., доцент Бедулина Г.Ф), направленное на получение новых гипотез и сбора данных о существующих формах и масштабах благотворительной деятельности среди студентов. Целью исследования являлось выявление основных мотивов и социальных предпосылок, поиск новых направлений для развития благотворительности среди студентов в перспективе.

В опросе принимало участие 200 человек, 100 из Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ) и 100 из Белорусского государственного университета культуры и искусства (БГУКИ). Всего: 63% – девушки и 37% – юноши, непропорциональность соотношения по полу объясняется тем, что в БГУКИ по всем факультетам учится значительно большее количество девушек. Средний возраст опрошенных студентов 18,6 лет, при диапазоне от 17 до 23 лет.

Под понятием «благотворительность» респонденты понимают, в первую очередь, добровольную и безвозмездную помощь нуждающимся – 65,7%, 17,5% студентов подразумевают жертвование собой ради других (проявление соучастия, милосердия, бескорыстности, отдачи, жалости и пр.) и 15% респондентов говорят о добровольном денежном (либо материальном) пожертвовании в благотворительный фонд (либо лично нуждающимся). Все варианты ответа объединяют добровольность, бескорыстие и эмоциональная направленность в осуществлении благотворительных действий. Связано это с существующими в нашей стране стереотипами, приписываемыми благотворительным акциям.

В рамках исследования респондентам задавался вопрос об опыте совершения пожертвований за последние 12 месяцев. Среди студентов 37,5% жертвовали деньги непосредственно нуждающимся без посредников; 31,3% и 28,8% соответственно, передавали денежные средства в благотворительный фонд, организацию; 25% опрошенных никогда не участвовали в благотворительной деятельности.

Таким образом, опыт оказания благотворительной помощи есть у большинства студентов (76,3%). При этом данные исследования показывают, что эта деятельность нерегулярна. Среди них 37,6% совершают пожертвования 2 раза в год и реже.

Существует сильная зависимость между частотой пожертвований и материальным положением студента, что подтверждается коэффици-

ентами Хи-квадрат (значение 0,711, при уровне значимости $p = 0,002$) и Крамера (значение 0,503, при уровне значимости $p = 0,002$). При этом форма обучения (бюджетная или платная) и трудовая занятость студента имеют низкое значение. Мы предполагаем, что это связано с неудовлетворительным материальным положением студента во время его обучения в вузе, когда он зависим от внешних обстоятельств и денежной поддержки государства и родителей (родственников). Повышение дохода и становление молодого человека на рынке труда, уже после университета, как самостоятельного индивида, позволят ему жертвовать на благотворительные цели в больших размерах.

Суммы денежных пожертвований у обоих полов примерно одинаковы и не имеют существенных различий. Чаще всего денежная сумма среди тех, кто жертвовал на благотворительность (76,5%), не превышает 50 тысяч белорусских рублей (33,8%); у 16,3% респондентов сумма пожертвований составила от 50 до 100 тысяч белорусских рублей; значительной оказалась доля тех, кто не смог ответить на данный вопрос (13,8%), поскольку не всегда есть возможность посчитать или вспомнить конкретную сумму пожертвования.

Наиболее популярные способы пожертвования:

1. «Непосредственно» нуждающимся, без посредников, так поступают 40% респондентов.

2. Через организованный сбор на учебе или работе – 30% ответивших. Этот способ пожертвования вызывает доверие у 71,3% респондентов от общего числа выборки.

3. Через ящик пожертвований – 27,5%. Это наиболее «удобный» и доступный способ оказания безвозмездной помощи, который не вызывает затруднений и общедоступен, но при этом вызывает доверие лишь у 43,7% ответивших, что можно объяснить сложностью проверки достоверности такой информации.

4. Покупка товара (вещи, услуги) у благотворительной организации. Примечательно то, что этот способ пожертвований выбирают исключительно девушки, что составляет 13,8% от общего числа выборки. Возможно, это происходит из-за склонности девушек совершать спонтанные поступки под влиянием зрительных образов, чувств, эмоций.

5. Участие в благотворительном мероприятии – 12,5%. Доверием этот способ пожертвования пользуется у 82,6% студентов.

Пожертвования онлайн с помощью интернет-кошелька, кредитной карты, платежного терминала пока непопулярны: около 2,5% используют

электронные кошельки, меньше 4% используют SMS-сообщение и телефонный звонок.

Все источники, из которых можно получить информацию о благотворительных акциях, мероприятиях, сборах можно разделить на 4 группы:

Первая группа включает в себя телекоммуникационные СМИ (источники), в них входят радио, телевидение, пресса, электронная рассылка.

Вторая группа источников – это информация, расположенная в общественных местах: уличные щиты, супермаркеты, общественный транспорт, метро, спортивные мероприятия, т.е. места скопления большого количества людей, его постоянного потока.

Третья группа включает информацию, получаемую при общении с ближайшим окружением – это информация, получаемая от близких родственников, друзей; на работе (учебе), на благотворительном мероприятии и через социальные сети.

Четвертая группа включает интернет-порталы, кроме социальных сетей, и информацию общественных объединений (на сайтах, СМИ).

Данная информация позволяет более эффективно планировать и использовать рекламу благотворительных мероприятий, акций, фондов и пр.

Данное распределение по группам подтверждается факторным анализом и достоверно для 68,5%.

Наибольший охват информирования – 38,8% опрошенных студентов получают информацию о благотворительных акциях, программах и пр. на учебе или работе. Второй по охвату источник информации – социальные сети (33,8%), третий – друзья, родственники, знакомые (27,5%) и информация в супермаркетах, торговых центрах (26,3%), а также телевидение и информация общественных объединений на сайтах (22,5%). При этом различий в социально-демографических характеристиках у аудитории, получающей информацию о благотворительных мероприятиях, нет. Интернет и социальные сети все активнее используются для распространения рекламы. Молодые люди более открыты и восприимчивы к информации. Молодежь также обращает внимание на информацию такого рода на уличных щитах, остановках, в транспорте, на спортивных, развлекательных и благотворительных мероприятиях. Поэтому для информирования студентов эффективным будет сочетание разных каналов коммуникации, включая наружную рекламу и рекламу в популярных среди молодежи общественных местах. В наибольшей степени респонденты доверяют информации, которую они

получают от друзей, знакомых, родственников (87,6%). Высоко доверие к информации, полученной на благотворительном мероприятии – 82,6%. 71,3% респондентов отметили, что в той или иной степени доверяют информации, полученной на работе или учебе.

Около 58% опрошенных доверяют информации, полученной по радио, из прессы и на спортивном (развлекательном) мероприятии. Несмотря на широкий охват аудитории, информация в Интернете и социальных сетях, рассылки по электронной почте, листовки, информация на щитах, в общественном транспорте и супермаркетах вызывают меньше всего доверия (в среднем, около 30% студентов доверяют этим источникам).

Характерная особенность частных пожертвований в нашей стране – узкая целевая направленность благотворительности. По мнению опрошенных студентов наиболее остро нуждаются в добровольной и благотворительной помощи:

1. Дети-сироты (31,3%);
2. Инвалиды (31,3%);
3. Пенсионеры, пожилые люди, нуждающиеся в помощи (30%);
4. Интернаты, приюты, детские дома (доля респондентов 17,5%);
5. Люди с тяжелыми заболеваниями, которым требуется дорогостоящее лечение, реабилитация (16,3%);
6. Приюты для бездомных животных, бродячие животные (12,5%).

Реже указывались: люди без определенного места жительства, бездомные (6,3%); ветераны (6,3%); дети-инвалиды (6,3%); больные дети, нуждающиеся в дорогостоящем лечении (6,3%); также малоимущие и неполные семьи, исчезающие виды животных, образовательные и медицинские учреждения, люди, попавшие в чрезвычайную ситуацию.

Еще одной характерной особенностью денежных пожертвований является узкий спектр проблем, на решение которых молодежь чаще всего жертвовала деньги.

В общей совокупности в топe пожертвований: помощь детям (38,8%); далее помощь бездомным людям (26,3%); помощь религиозным организациям (23,8%); защита животных (18,8%) – относительно новое для Беларуси направление, которое активно развивается и имеет потенциал; поддержка семей и людей в сложной жизненной ситуации (13,8%) и поддержка пожилых людей (11,3%).

Значительно меньшее количество голосов набирают поддержка взрослых людей (8,8%) и поддержка культуры и искусства (8,8%).

Все остальные проблемы, на данный момент, студентами не выделяются, и акцентируется на них внимание в меньшей степени. Причины такого отношения – низкая информированность о многих, носящих латентный характер проблемах общества, и стигматизированность некоторых из них (например, ВИЧ-инфекция).

Хотя следует отметить, что привлечение внимания к таким проблемам и их решение (защита прав, поддержка научных исследований, помощь научным, образовательным и медицинским учреждениям, развитие инфраструктуры, сохранение культурного наследия страны и пр.), в значительной степени может повлиять на эмоциональный комфорт людей, их чувство безопасности и уверенности в будущем, их культурную и экологическую среду – то, без чего человек не может считать свою жизнь благополучной.

Привлечению внимания общественности к различным социальным проблемам способствуют и многочисленные некоммерческие благотворительные организации, фонды. Узнаваемость таких организаций, «авторитетность их имени» может привлечь и акцентировать внимание на существующей проблеме. На данный момент наиболее узнаваемыми организациями среди студентов являются «Красный крест» (46,3%) и ЮНЕСКО (5%), остальные организации имели разовые упоминания. Такие организации, помимо прочего, способны привлечь внимание и к «нетрадиционным» течениям. Мы спросили у респондентов, какому из видов «нетрадиционных направлений», нуждающихся в помощи благотворительных организаций, они лично могли бы помочь и получили следующие результаты.

Наибольшие перспективы, на данный момент, среди ответивших респондентов, имеют следующие направления: защита животных (60%), развитие культуры и искусства (27,5%) и сохранение культурного наследия страны (22,5%). Помимо прочего, юноши отдают предпочтение поддержке спорта и досуговой деятельности и развитию альтернативных источников энергии (соответственно, 22,2% и 18,5% от общего числа ответивших), что объясняется более рациональным складом ума, нацеленностью на результат.

Также ответы респондентов складываются в определенные группы, т.е. при ответе на вопрос: «Ради каких целей Вы жертвовали деньги за последние 12 месяцев или занимались волонтерством?» студенты бессознательно выбирают схожие направления.

Первая группа – интеллектуальное и культурное развитие страны – включает помощь школам, поддержку культуры и искусства и сохранение

культурного наследия. Данные категории тесно между собой взаимосвязаны и обуславливают взаимное существование и развитие.

Вторая группа включает защиту прав и развитие нанотехнологий и альтернативных источников энергии.

Третья группа включает поддержку медицинских учреждений и поддержку научных исследований.

Четвертая группа – экология и досуг – защита окружающей среды, защита животных и развитие спорта и досуговой деятельности. Все эти факторы влияют на качество жизни человека и являются неотъемлемым компонентом полноценного развития индивида.

В пятой группе выделен лишь один фактор – развитие городской (сельской) инфраструктуры – целесообразность которого пока неочевидна, но, безусловно, в перспективе его роль станет заметна.

Данная информация позволяет более эффективно и концентрированно развивать «нетрадиционные» направления благотворительности. Данное распределение по группам подтверждается факторным анализом и достоверно для 64% респондентов.

Основной проблемой непопулярности «нетрадиционных» направлений благотворительности является недостаточное количество информации или ее отсутствие. Так, при ответе на вопрос: «Оцените, по шкале от 1 до 10, насколько в Беларуси развиты нетрадиционные виды благотворительности (например, поддержка и сохранение культурного наследия, экологии и пр.)?», среднее значение показателя составило 3,9.

Основными мотивирующими факторами для осуществления пожертвований студентами являются:

- Благоприятное материальное положение – 45%;
- Проблема, на которую нужны средства, близка, хорошо знакома – 43,8 %;
- Личное обращение с просьбой помочь – 32,5%;
- Личный позитивный опыт – 25%;
- Жалость либо сочувствие – 15 % и 51,3%, соответственно.

Также респондентам важно понимать, на что конкретно пойдут средства, для 21,3% важно аргументировать, обосновать оказание помощи и 35% нуждаются в полной и достоверной информации о том, кому и зачем она будет предоставлена.

Стоит отметить, что среди опрошенных студентов 45% указали, что согласились бы ежемесячно переводить на благотворительность часть своего дохода. Среди них 27 девушек (что составляет 75% от согласившихся) и 9 юношей (25% от согласившихся).

Проведя анализ между двумя группами респондентов, кто занимался когда-либо благотворительностью и теми, кто никогда не занимался ей, можно рассмотреть причины, не позволяющие молодым людям оказывать кому-либо безвозмездную помощь. И для первой, и для второй группы главный барьер – это материальное положение. Поскольку студенты живут в основном за счет стипендии и материальной поддержки родителей (родственников), а также некоторое количество уже работает (28,8%), то их доход объективно не всегда может позволить дополнительные расходы, в том числе и на благотворительность. Если же и появляются «дополнительные» денежные средства, то, как правило, направляются они на проведение досуга, на развлечения и т.п.

Также негативно влияет недоступность, недостаточность информации и трудность проверки ее достоверности. Все это требует дополнительных усилий и затрат времени. Эти препятствия в равной степени отмечаются и группой тех, кто занимался благотворительной деятельностью, и противоположной группой.

В значительной степени влияют на сознание респондентов негативный опыт или примеры обмана, мошенничества, скрывающиеся под предлогом благотворительности. Что можно связать прямым образом с трудностями проверки информации, ее труднодоступностью.

Стоит отметить, что существующие препятствия при целенаправленном и комплексном усилии могут быть полностью либо частично устранены с течением времени. Помимо прочего, не следует забывать, что с молодежью уже с раннего возраста необходимо проводить активную работу, закладывая с юных лет понимание необходимости такой деятельности и ее социальных последствий, понимания межкультурных идей благотворительности.

Возвращение общественного сознания к таким социально-этическим феноменам, как милосердие и благотворительность, есть веяние нашего времени. Можно констатировать, что участие студенческой молодежи в благотворительной деятельности является переходом от разговоров о морали и милосердии к формированию этих качеств у подрастающего поколения, коренному преобразованию ужившихся психологических стереотипов, гуманизации общества.

Список литературы

1. Бедулина Г.Ф. Поликультурное воспитание личности в современном мире / Г.Ф. Бедулина // Адукацыя і выхаванне. 2015. № 1. С. 8-14.
2. Станчиц М.А. Этика милосердия: пособие для учителей и воспитателей. Минск: Ред. жур. «Адукацыя і выхаванне», 1996. 116 с.

3.3. Особенности стратификации молодежи в Республике Молдова

Многообразие форм собственности, появившееся в результате перехода постсоветских стран к рыночной экономике, изменило динамику распределительных отношений и активизировало расслоение социальной структуры современного общества. В таких условиях значительно усложнился процесс исследования его социальной стратификации.

Стратификация, т.е. процесс деления общества на социальные группы, порождает социальное неравенство, при котором люди имеют неравный доступ к общественным ресурсам материального и духовного потребления. При этом чаще всего учитываются не естественные (природные), а социальные факторы и параметры различий: экономические, политические, культурные и т.д. Словом, страту в отличие от социальной группы или класса определяют как социальный слой людей, имеющих сходные объективные показатели по нескольким социальным критериям и характеристикам, которые легко квантифицируются, т.е. допускают количественные изменения показателей реального расслоения общества в каком-то определенном отношении [1, с. 119]. Классики социологии (М. Вебер, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Э. Гидденс и др.) в основу определения процесса стратификации общества включали несколько основных критериев: материальное благосостояние (доход), уровень образования, власть, престиж профессии. Виднейший социолог двадцатого века П.Сорокин считал также, что в обществе существуют и профессиональная, и гендерная, и религиозная, и другие формы неравенства и стратификации. В современном обществе, на наш взгляд, эти определения нуждаются в уточнении и конкретизации.

Страта представляет собой социальную группу с интегративным набором показателей, которые включают положение людей в социальной структуре и отношениях общества («социальное пространство» и «социальная позиция» – П. Сорокин), а также «социальный капитал» – или габитус (П. Бурдьё). Габитус – присущий каждому классу особый тип конструирования социального пространства, который отличает его от других. Он обусловлен социальными условиями и практиками, а также возможностью обладания экономическими, политическими, социальными, культурными ресурсами общества. Все они определяют роли и статусы людей, их социальные практики и образ жизни в целом. А относительно устойчивые формы деятельности обретают «системные формы» (Э. Гидденс), т.е. создают новую структуру общества. Именно с этой

точки зрения, в рамках структурно-функционального подхода, а точнее статусно-ролевых функций и социо-культурного поля их реализации, на наш взгляд, следует исследовать страты в современном обществе.

Для примера мы рассмотрим характеристики молодежи как социальной группы современного молдавского общества. В процессе политических и социально-экономических реформ, происходящих в стране, изменяется социальная структура общества, появляются новые профессии и социальные группы: фермеры, менеджеры, дилеры, предприниматели и т.д. Молодежь – особая социально-демографическая, наиболее динамичная часть общества. Она играет существенную роль в социальном прогрессе в силу того, что приобретает более высокий уровень образования, овладевает новыми технологиями, осваивает и творит новый социальный опыт. Со временем именно эта возрастная группа займет основные позиции в экономике, политике, социальной и духовной сферах общества. Именно поэтому от эффективности, результативности процесса ее социализации, включенности во все сферы жизни зависит и нынешний, и будущий прогресс общества в целом. Трансформирующееся общество особенно остро нуждается в новаторстве, наращивании инновационного потенциала, которым в значительной степени обладает молодежь. Поэтому сегодня очень важно открыть молодежь как «субъект истории», как носителя новых идей и программ, как социальную ценность особого рода. На наш взгляд, такой подход весьма актуален в обществе реформ, потому что социальная среда, в которой формируется подрастающее поколение, неустойчива и аморфна, а социальные практики во многом экспериментальны.

Теоретические подходы к исследованию проблем молодежи, особенно на начальных этапах изучения этой социальной группы, не обладали характером обобщения и признаками теории. Это объяснялось тем, что ученые исследовали лишь отдельные аспекты или характеристики этой группы с точки зрения психофизических свойств, биологических, социально-культурных характеристик и т.д. На основании различных подходов людей молодого возраста делили чаще всего по этапам психофизиологического созревания. Например, выделяли период подростковости (до 18 лет), собственно молодежь (18-24 года), молодых взрослых (25-29 лет) и т.д. [2, с. 18]. С точки зрения психологии и демографии такой подход весьма обоснован. Хотя в социологии он мало что дает для понимания различий в поведении, образе мыслей и жизни молодежи. Возрастные границы молодежи жестко установить невозможно, т.к. в разных культурах они различны, соответственно, и социальные статусы отдельных подгрупп весьма отличаются.

В исследовательские задачи данной статьи не входит обзор и выработка собственного определения понятия «молодежь». Поэтому мы считаем вполне приемлемым определение российского ученого И.М. Ильинского: «Молодежь – это ценность особого рода, это главная ценность общества, это понятие не только демографическое, но также экономическое, социальное, политическое. Такой подход к оценке молодежи, ставка на молодежь в настоящем, на будущие поколения способны породить политику общества и государства, работающую на управление процессами, на опережение событий, на профилактику явлений, на ускорение развития взамен политики запоздалой реакции на уже родившиеся противоречия и проблемы» [3, с. 208].

Это значит, что молодежь как специфическая возрастная группа имеет двойственную природу, то есть выступает одновременно как явление биологическое и социальное, что определяет связь ее психофизического и социального развития, отмечал ученый. Отсюда следует, что в социальной структуре общества молодое поколение не может определяться как гомогенная социальная группа, т.к. не обладает абсолютно идентичными характеристиками. Поэтому болгарский ученый П.-Э. Митев, на наш взгляд, справедливо отмечал, что проблемы подрастающего поколения должны рассматриваться как многосторонняя и эффективная реализация (самореализация) личности. П.-Э. Митев считает, что в молодежной среде существуют два основных типа стратификации: социальная и социобиологическая – в зависимости от общественного (социально-классовый статус, доход, престиж и т.д.) или природного (пол, возраст) признаков расслоения. Эти два типа находятся в сложных взаимоотношениях с точки зрения их значимости, конкретно-исторического содержания и взаимодействия. «Особенно существенно то, что их отношения являются динамичной, исторически изменчивой величиной», – отмечал ученый. [4, с. 17-18].

Являясь действенной силой процессов реформирования общества, молодежь, с одной стороны, отражает в специфических формах все его проблемы, а с другой – вырабатывает свой особенный опыт, с присущей ей системой ценностных ориентаций, жизненных целей, формами общественной деятельности. Особенности этого процесса определяются не только социально-демографическими характеристиками поколения, а также его местом и статусом в системе воспроизводства и развития общества, периодом самоидентификации и социализации. Большое значение приобретают различные уровни появления этих процессов, использование молодыми людьми имеющихся возможностей в соответствии с условиями жизни. А это значит, что внутри самого поколения об-

разуются экономические, профессиональные, ментальные, религиозные и другие группы молодежи. Они отличаются по своему статусу в обществе, уровню и качеству жизни, имеют свое «социальное поле общения» (социо-культурная среда) и различные практики в общественных отношениях, основанные на активизированных социальных ценностных ориентациях. Молодежь и формы ее действия и поведения, установки, образцы ценностей зависят, прежде всего, от социо-экономических и культурных характеристик общества, которое в данное время окружает и детерминирует ее формирование. И хотя такие трактовки понятия молодежи не связываются с конкретными представлениями о содержании культур, их исторических и социальных детерминантов, мы хотим отметить очевидную взаимозависимость процесса формирования молодого поколения от социально-структурных особенностей общества.

По данным Департамента статистики и социологии, в Республике Молдова насчитывается около миллиона молодых людей (в возрасте от 16 до 30 лет). Из них 25,8% проживают в сельской местности и 29,2% – в городах. Молодежь профессионально занята во всех сферах общественного производства: в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, транспорте, сфере услуг, науке и культуре и т.д. Причем наибольшее количество работающих в сфере услуг (52,5%) и сельском хозяйстве (28,2%) [5, с. 90-102].

Значительная часть молодежи, даже обладая высоким уровнем образования, к сожалению, не занимает высокие социальные статусы в структуре общества. Более того, она занята в технологически слабо развитых сферах производства (68%). По данным социологических опросов, около 80% респондентов отмечают, что получают зарплату на 40-50% меньше средней по стране [6, с. 4].

Важно отметить расхождения между статистическими и социологическими данными в исследовании качества жизни молодежи. Как известно, статистики оперируют усредненными показателями. Но, по мнению известного социолога Ю. Левады, в стратификации очень важен субъективно определяемый статус, т.к. восприятие личностью своего собственного положения задает рамки любого социального действия. Как видим, самооценка молодежи в Молдове по самоопределению очень низкая, большинство молодых людей относят себя к социально незащищенным слоям, к категории бедных людей.

Здесь сразу же следует уточнить, что в нашей стране образ жизни городской и сельской молодежи сильно отличаются не только характером труда, но и, в значительно большей мере, социально-культурными услови-

ями. Ведь за годы независимого развития в селах было закрыто или перепрофилировано 600 домов культуры, 60% библиотек, перепрофилировано 1500 книжных магазинов и т.д. [7, с. 268]. А это значит, что возможности у молодежи села в сфере отдыха и укрепления здоровья, как и перспективы профессионального роста, и саморазвития весьма ограничены.

О престижности профессии как одном из основных факторов социальной стратификации в условиях несформированного спроса рынка рабочей силы, который существует в нашей стране, говорить весьма проблематично. Профессиям экономистов, юристов, медиков, журналистов у нас обучается численность студентов, в несколько раз превышающая потребности местного рынка труда. Отсутствие научно обоснованных прогнозов в этой сфере приводит к тому, что почти 86% выпускников вузов не находят работу по специальности, а само высшее образование обесценивается [8, с. 6].

Что касается участия молодежи во власти, то в нашей стране этот процесс в последние годы получает все большее развитие. Растет численность молодых управленцев во властных структурах, действует молодежный парламент, проводятся тренинги и семинары для молодых политиков и менеджеров и т.п. И все же, по сравнению со странами ЕС, численность молодых людей во власти значительно меньше. В руководстве органов публичной власти всех уровней занято лишь 16,8% молодежи. Это свидетельствует о том, что государство не уделяет значительного внимания формированию правящей элиты страны, не видит в молодежи будущую смену управленцев [9, с. 7].

Если проанализировать представленные данные, то можно сделать выводы: стратификация в нашей стране в период политических и социально-экономических перемен определяется множеством социально-экономических, демографических, политических факторов развития общества. Поэтому, чтобы дать более достоверный социальный портрет молодежи, вполне закономерно, на наш взгляд, кроме основных показателей стратификации в исследования этого процесса включить ряд специфических, соответствующих времени и уровню развития общества, критериев и характеристик. Они могут включать политические, структурно-хозяйственные, географические, религиозные, традиционно-культурные условия развития общества. А также личностные характеристики поколения: возраст, место проживания, уровень и характер образования, условия и возможности самореализации личности, систему ее ценностных ориентаций, качество жизни и т.п. Все это, в целом, позволит определить «социальный заказ» общества на востребованную личность в данный

период времени развития социального прогресса. А поскольку молодежь, как мы выяснили, присутствует в различных социальных группах, обладает специфическим набором характеристик групп пребывания и не является гомогенной, то исследование ее как социальной группы требует специальных методик, и считать ее отдельной социальной стратой, на наш взгляд, не представляется научно обоснованным.

Список литературы

1. Лукьянов В.И., Сидоров С.А., Урсу И.С. Социология: учеб. пособие. СПб, 2004, с. 119.
2. Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Молодежь 97: надежды и разочарования. М., 1997, с. 18.
3. Ильинский И.М. Молодежь в контексте глобальных процессов развития мирового сообщества // Молодежь и общество на рубеже веков. М.: Голос, 1999, с. 39.
4. Митев П.Э. Социализата активност на младежта и науката. София, 1980, с. 65; Младежта и социалната промяна. София, Нар младеж. 1988, с. 17-18.
5. Anual statistic al Republicii Moldova. Chişinău, 2016 Chişinău, 2016//w.w.w.Statistica. md/nevsvier.php/=ru.idc.
6. Отчет о социологическом исследовании «Социальная интеграция молодежи в современном молдавском обществе – 2016 г». Опрошено человек. Кишинев, 2016. Экспертный опрос 2017 г.100 чел. в трех экономических зонах страны.
7. Тимуш А. Социально-экономическое развитие села и рост качества жизни населения // Рост социально-экономической эффективности и благосостояния народа – главная задача общества. Кишинев, 2010. С .268
8. Anual statistic al Republicii Moldova. Chişinău, 2016 // w.w.w.Statistica. md/public/files/publiatii_electronice/Raport_trimestrial/rus/.pdf.
9. Anual statistic al Republicii Moldova. Chişinău, 2016 // w.w.w.Statistica. md/nevsvier.php/=ru.idc.

3.4. Легко ли быть молодым в меняющемся мире?

Молодежь довольно часто рассматривают как социально-демографическую группу, которая находится в процессе формирования и развития общественной, психофизиологической, общекультурной и гражданской зрелости, адаптированной к социальным статусам и ролям, которые свойственны и взрослым людям [1, с. 265]. Иначе говоря, надо войти в мир, придуманный и сконструированный под себя совсем другими людьми, найти свое место в этом мире и, быть может, спустя какое-то время «перекроить» этот мир по-другому, уже под себя. Что важно, по мере «взросления» самого общества переходный период от поколения к по-

колению все удлиняется, благодаря чему молодежь занимает все более важные социальные позиции в обществе [2, с. 10].

Однако «переходный» характер молодежи обуславливает ее неустойчивость, маргинальность, неспособность к самоорганизации и даже зависимость (от семьи, других социальных групп, от социума в целом). Маргинальность статуса молодежи подчеркивается представителями функционального подхода, представители конфликтологического подхода считают нестабильность, маргинальность и незащищенность перед миром взрослых причинами конфликта молодежи и общества, что провоцирует потребности в неординарных способах самовыражения и самоутверждения молодежи [2, с. 15].

В любом современном обществе, будь то российское или какое-либо иное, молодежь (в силу специфики своего социального положения: «ах, если бы молодость знала, если бы старость могла...») находится на острие социальных противоречий и конфликтов. В данном контексте в первую очередь следует обратить внимание на то, что молодежь, как еще только формирующийся субъект социальных отношений, осуществляет поиск собственной социальной ниши, нащупывает собственный путь достижения желанного социального статуса. Продвижение молодого человека в социальном пространстве от одного статуса к другому (причем не только вертикальному, но и горизонтальному) требует значительных затрат времени, сил, ресурсов и энергии, приобретения новых знаний, опыта, навыков и умений, поскольку статусы в разных сферах общественной жизни достигаются неравномерно и не одновременно. Более того, даже уже достигнутые статусы в повседневной практике (и особенно в условиях социальной нестабильности, быстро меняющегося мира вокруг) требуют своего постоянного подтверждения и закрепления.

Извечный конфликт «отцов» и «детей» приобретает в современном обществе новые смыслы и наполнение. Ситуация обостряется тем, что обретение самостоятельности, становление социальной зрелости молодого человека проходит в настоящее время в условиях особого типа культуры, который вслед за Маргарет Мид принято обозначать как префигуративную культуру [3].

М. Мид пишет: «Сегодня же вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями со-

вершенно нов, он глобален и всеобщ» [3, с. 361]. Иначе говоря, особенность современной ситуации состоит в том, что учитель и ученик уже не являются представителями одного поколения, как это было в рамках кофигуративного типа культуры, который подразумевает обучение не только у старших, но и у сверстников. Сегодня дети и внуки начинают выполнять функции агентов социализации для своих родителей, бабушек и дедушек. Достаточно вспомнить простой пример «перевернутой» коммуникации – освоение компьютера и возможностей, предоставляемых с его грамотным использованием, в одной семье. Или другой пример, когда внук обучает деда пользоваться смартфоном и т. д.

Анализируя изменения в процессах создания и трансляции культурных ценностей, М. Мид приходит к выводу о зарождении в современном обществе новой формы культуры – префигуративной, которая и определяет новый тип социализации. Префигуративная культура ориентируется, главным образом, на будущее. Сегодня дети вырастают в мире, которого не знали старшие, поэтому не предки и не современники, а сам ребенок определяет ответы на сущностные вопросы бытия. Этот разрыв между поколениями ведет к тому, что жизненный опыт молодого человека сокращается на поколение, а воспроизведение его в отношении к своему ребенку или к своим родителям исчезает. М. Мид считает, что префигуративный тип социализации относится к постсовременности и начинает играть все более важную роль [3, с. 350–360].

Именно такой тип культуры является визитной карточкой современного общества, он является следствием необычайно высоких скоростей социальных изменений. Ситуация для молодого человека, только входящего во взрослую жизнь, становится архисложной: адаптироваться, приспособиться к миру, которого еще и нет, который «растет», формируется вместе с тобой и более того, это уже ты сам выступаешь проводником в этот мир для своих родителей, бабушек и дедушек... Если кратко ответить на вопрос, вынесенный в название статьи, то прозвучит от вполне ожидаемо: «Трудно быть молодым в этом быстро меняющемся мире». Однако краткость ответа мы попробуем проиллюстрировать данными социологического исследования «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости», выполненного в преддверии V Всероссийского социологического Конгресса (Екатеринбург, 2016 г.) под эгидой Российского общества социологов (РОС).

Руководителем исследования выступил Ю. Р. Вишневецкий (региональный вице-президент РОС, УрФУ). В качестве со-руководителей исследования были привлечены Н.В. Дулина (региональный вице-президент

РОС, ВолгГТУ), Е.Н. Икингрин (первый федеральный вице-президент РОС), Д.Ю. Нархов (УрФУ), Е.И. Пронина (исполнительный вице-президент РОС, ИС РАН), М.Ф. Черныш (первый федеральный вице-президент РОС, ИС РАН) и Д.В. Шкурин (УрФУ), в задачи которого входили организация онлайн-опроса, техническое сопровождение всего проекта, обеспечение ввода данных на местах и первичная обработка собранных данных.

Всего в исследовании приняло участие около 4000 студентов из 71 вуза 26 городов России (от Москвы до самых до окраин...). Понятно, что это в основном крупные города страны, поскольку именно там сосредоточены высшие учебные заведения. Из 3964 респондентов, участвовавших в опросе, 2311 человек (58%) заполнили анкету в бумажном формате, а 1653 человек (42%) – в электронном (CAWI – опрос через Интернет). Заметим, что одной из отличительных особенностей данного исследования является то, что оно позволяет провести сравнение эффективности on-line и off-line опросов.

Отдельные результаты проведенного исследования уже нашли свое отражение в публикациях участников V Всероссийского социологического Конгресса (см.: [4]) и изданного к началу его работы отдельного сборника [5].

Основные социально-демографические характеристики опрошенных студентов представлены в табл. 1.

Задача репрезентации выборки не ставилась, и строго говоря, полученные результаты не могут быть распространены на всю студенческую молодежь страны, а только на исследованную совокупность, либо использоваться как справочные. Однако большой объем «поля» позволяет, как нам представляется, не только предложить достаточный объем интересной и во многом уникальной информации о современной молодежи России, но и сделать вполне обоснованные выводы.

В контексте вышесказанного (молодежь, взрослея и адаптируясь к миру, уже сама во многом и создает этот новый мир) интересно понять, как ощущает себя (легко ли быть молодым?) студенческая молодежь в современном российском обществе. При этом необходимо учесть, что студенчество, представляя собой часть молодежи, имеет как общие со всей молодежью черты, так и специфические особенности.

Не вдаваясь в тонкости дефиниций, заметим, что нами под студенчеством понимается группа, представленная учащимися высших учебных заведений. Термин «студенчество» обозначает собственно студентов как социально-демографическую группу, характеризующуюся опреде-

Таблица 1

Дизайн выборки всероссийского исследования «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости», %

Пол респондентов		Возраст респондентов	
Мужской	31,7	До 18 лет	3,8
Женский	68,3	18 лет	19,7
Курс, на котором обучаются респонденты		19 лет	30,1
1–2 курс	63,8	20 лет	21,4
3 курс	18,1	21 год	15,4
4–5–6 курс	14,6	22 года	5,1
Магистратура, аспирантура, интернатура, ординатура....	2,7	23 – 29 лет	3,6
Не являюсь студентом	0,7	30 лет и старше	0,8
Специальность, на которой обучаются респонденты			
Техническая		28,7	
Естественнонаучная (биология, география, химия и т. д.)		5,5	
Гуманитарная (психология, социология, литературоведение, и т. д.)		39,3	
Экономическая (менеджер, экономист, финансист)		20,5	
Медицинская		1,7	
Военная		0,4	
Другая специальность		3,8	

ленной численностью, поло-возрастной структурой, территориальным распределением и т. д.; определенное общественное положение, роль и статус; особую фазу, стадию социализации (студенческие годы), которую проходит значительная часть молодежи и которая характеризуется определенными социально-психологическими особенностями. Более широкое понятие – «обучающаяся молодежь» – включает в себя детей и подростков, обучающихся в общеобразовательных школах, колледжах, средних специальных учебных заведениях и вузах.

Справедливо ли то общество, в которое пришли современные студенты? Результаты выполненного исследования свидетельствуют, что студенты современное российское общество считают скорее несправедливыми, чем справедливым. Вопрос респондентам предлагался в следующей формулировке: «Представьте себе шкалу от 0 до 10 баллов, на одном полюсе которой находится совершенно несправедливое, а на

противоположном – абсолютно справедливое общество. В какой точке этой шкалы находится современное российское общество?». Оценивая справедливость современного российского общества по этой шкале (0 – «Совершенно не справедливое», а 10 – «Совершенно справедливое»), студенты выставили следующие баллы (см. табл. 2), «точкой перехода», как можно заметить, на данной шкале является оценка в 5 баллов (данная ячейка выделена в таблице рамкой).

Таблица 2

Оценка студентами справедливости современного
российского общества

Значения шкалы	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Процент от числа опрошенных	4,3	6,2	15,2	24,2	19,9	16,6	7,8	4,2	1,2	0,2	0,2

Данные, приведенные в табл. 2, показывают, что количество негативных оценок (общая сумма составляет 69,8%) в пять раз (!) превышает количество положительных (13,6%). Подтверждением тому, что распределение оценок именно такое, является и тот факт, что только 49,2% опрошенных студентов хотели бы жить в России на постоянной основе. Почти четверть опрошенных (29,4%) испытывают раздражение, когда размышляют о том, как распределяются доходы бюджета в нашем государстве, почти столько же (27,1%) испытывают отчаяние, а каждый пятый (22,4%) горечь или надежду (21,7%).

А каким тогда, по мнению студентов, должно быть справедливое общество? Вопрос в анкете был задан респондентам в следующей формулировке: «Мы хотели бы знать, как должна быть устроена жизнь в справедливом обществе. В какой степени Вы согласны со следующими утверждениями?». Предложенная шкала оценок была задана в границах от «Полностью согласен» до «Совсем не согласен». Всем шкальным значениям в соответствие были поставлены определенные коэффициенты, которые приведены в скобках: «Полностью согласен (+1)» – «В основном согласен (+0,5)» – «В чем-то да, в чем-то нет (0)» – «В основном не согласен (-0,5)» – «Совсем не согласен (-1)» (см. таб. 3).

Табл. 3 наглядно демонстрирует мнение студентов о признаках справедливого общества, о соотношении неравенстве и равенства в нем:

- при разных доходах равные возможности продвижения (0,541);
- чем выше квалификация, тем выше зарботки; все должны получать по труду (0,479);

Мнения студентов о справедливом обществе, индексы

Суждения, предложенные для оценки	Индексы
Люди имеют разные доходы, но равные возможности продвижения	0,541
Специалисты, имеющие высокую квалификацию, зарабатывают больше, чем работники с невысокой квалификацией	0,479
Все люди получают по труду	0,465
Предприимчивые, энергичные люди живут лучше, чем люди пассивные	0,327
Чтобы наше общество стало справедливым, необходимо, чтобы богатые платили налогов больше, чем бедные	0,326
Люди всегда соблюдают законы, даже если считают их неправильными	0,238
Руководители имеют существенно больший доход, чем рядовые работники	0,176
Чтобы наше общество стало справедливым, необходимо вернуть все предприятия государству	-0,104
Все доходы распределяются поровну между всеми гражданами	-0,261

- все люди получают по труду (0,465);
- не должны доходы распределяться поровну (- 0,261);
- предприятия в собственности государства не является признаком справедливого общества (- 0,104).

Страна будущего, по мнению студентов, – это, как минимум, не бедная страна. В анкете студентам был задан вопрос: «В российском обществе весомую его долю составляют бедняки, которым не хватает денег даже на полноценное питание, не говоря обо всем остальном. Как Вы думаете, как часто их БЕДНОСТЬ вызвана следующими причинами?». Среди ответов студентов далеко не последнее место занимают утверждения, что бедность в стране вызвана плохими условиями воспитания, взросления – такое мнение однозначно высказали 59,2% опрошенных студентов, еще 31,3% выбрали альтернативу «иногда». Почти половина респондентов (46,2%) уверены, что бедность объясняется тем, что дети из бедных семей не могут пробиться наверх, почти треть (32,3%) – выбрали альтернативу «иногда». Хотя справедливости ради заметим, что основные причины бедности, по мнению студентов, это пьянство и наркомания (79,7%) и лень, отсутствие желания работать (75,3%).

Сами студенты и хотят, и готовы работать. Отвечая на вопрос: «После получения образования Вы планируете работать в России или постараетесь уехать на работу за рубеж?», 41,9% респондентов, высказали

свою готовность жить там, где хорошая работа (см. табл. 4). Наличие хорошей работы выступает гарантией безбедной жизни.

Таблица 4

Предпочтения студентов о месте работы
после получения образования

После получения образования Вы планируете работать в России или постараетесь уехать на работу за рубеж?	% ответивших
В любом случае в России	39,0
Все зависит от того, где предложат хорошую работу	41,9
В любом случае за рубежом	5,1
Затрудняюсь ответить	14,0
Итого:	100,0

А как в настоящее время достигли своего богатства богатые люди России? Мнения студентов распределились следующим образом (см. табл. 5).

Таблица 5

Мнение студентов о причинах, благодаря которым
люди добились своего богатства, %

А если возьмем людей богатых... На Ваш взгляд, как часто они добились богатства благодаря следующим причинам?	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Очень часто
Полезные связи	0,8	2,9	10,0	29,8	56,5
Трудолюбие	2,0	8,4	22,4	36,5	30,7
Помощь семьи, родных	2,2	8,0	24,3	35,2	30,3
Хорошее образование	1,4	6,4	26,2	41,9	24,1
Умение рисковать	2,0	8,5	27,9	41,0	20,6
Правильное воспитание в семье	3,1	15,4	35,3	35,0	11,2
Нарушения закона, преступления	6,2	17,1	30,3	30,1	16,2
Трезвый, разумный образ жизни	3,6	17,1	34,4	34,1	10,8
Талант, способности	3,2	17,2	35,4	34,9	9,3
Раздача госсобственности в период приватизации	4,4	18,6	37,5	24,1	15,4
Крепкое здоровье, сила	3,0	16,5	42,1	28,4	10,0
Политика правительства, поощряющая предпринимательство	3,8	17,2	37,8	32,2	9,1
Включенность в криминальные структуры	4,7	19,9	35,2	26,6	13,6

А если возьмем людей богатых... На Ваш взгляд, как часто они добились богатства благодаря следующим причинам?	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Очень часто
Благоприятствующие законы	4,0	19,6	44,0	23,3	9,1
Везение	4,2	22,0	39,3	26,4	8,0
Развитие экономики	4,4	24,0	43,9	21,3	6,5
Принадлежность к какой-либо национальности	17,7	42,0	26,2	11,1	3,0

Две первые позиции в перечне причин, способствующих богатству, занимают «полезные связи» и «трудолюбие», при этом нельзя не заметить, что трудолюбие (67,2 %), чтобы стать богатым, по мнению студентов, заметно уступает наличию «полезных связей» (86,3%).

Понятно, что в одном материале невозможно представить все полученные в ходе исследования данные. Но отвечая на вопрос, сформулированный в названии статьи и опираясь на ответы студентов, можно заключить, что молодым быть легко, когда у тебя есть полезные связи, сам ты трудолюбив и в своих начинаниях можешь рассчитывать на помощь семьи, родных, если получил хорошее образование и правильное воспитание в семье. Еще, если ты не из бедной семьи, потому что дети из бедных семей не могут пробиться наверх (так думают 46,2 опрошенных студентов) и т.д.

Список литературы

1. Бабосов Е.М. Социология. Энциклопедический словарь / Е. М. Бабосов. М.: Либроком, 2009. 480 с.
2. Сергеев В.В. Формирование культурной безопасности в условиях модернизации российского общества (на примере Московского мегаполиса): автореф. дис. ... д-ра соц. наук: спец. 22.00.06 – социология культуры / В. В. Сергеев. М., 2011. 46 с.
3. Мид М. Культура и мир детства: избранные произведения / М. Мид. М.: Наука, 1988. 430 с.
4. Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс]: материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2016.
5. Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. М.: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016.

3.5. Инновационная активность современной белорусской молодежи

Переход экономики и других сфер белорусского общества на рельсы инновационного развития актуализировал необходимость интенсивного развития производства на основе научных достижений. Ведущие экономики уделяют особое внимание инновационным продуктам, которые используются для создания новых видов товаров и услуг с целью сохранения лидирующих позиций на мировом рынке. Для стран с транзитивной экономикой важным стимулом к инновационной деятельности является необходимость преодоления технического отставания и производство конкурентоспособных товаров с тем, чтобы, с одной стороны, удовлетворить возросшие потребности местного населения, а с другой, – выйти на международные рынки. Освоение передовых технологий приводит к созданию новых производств, повышению занятости, увеличению налоговых поступлений в бюджет, обеспечивая реальные конкурентные преимущества как на региональном, так и мировом рынке.

Следует отметить, что на постсоветском пространстве Беларусь является первой страной, в которой были разработаны стратегии инновационного развития и приняты конкретные практические решения по их реализации. В частности, в 2006 г. была принята Концепция национальной инновационной системы, в 2007 г. – Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2007-2010 гг., в 2010 г. – Концепция Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на период 2011-2015 гг., Стратегия технологического развития Республики Беларусь на период до 2015 г. и Государственная программа освоения в производстве новых и высоких технологий, в 2015 г. – принята Концепция Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2016-2020 гг. В Республике создана национальная инновационная система, базирующаяся на взаимодействии входящих в ее состав структурных компонентов, оказывающих влияние на создание, освоение и реализацию инноваций в Беларуси.

Первые результаты инновационной деятельности отечественных субъектов хозяйствования свидетельствовали о том, что уровень активности промышленных предприятий с 2002 по 2009 г. увеличился с 13,9 до 17,2%. Однако в условиях нехватки инвестиционных ресурсов, необходимости финансирования инновационных преобразований за счет собственных и весьма ограниченных средств основным направлением

инновационной деятельности хозяйствующих субъектов (не менее 70%) было возмещение выбытия основных производственных средств для поддержания достигнутых предприятиями рыночных позиций. Новые технологии закупили только 4,9% предприятий, в том числе права на патенты и лицензии – 1,3%; затраты на их приобретение составили 0,46% от всего объема затрат [1, с. 4-8]. Эти и другие данные национального статистического комитета Республики Беларусь свидетельствовали о том, что белорусская инновационная модель ориентирована на эволюционные изменения. Такой путь развития может привести к отставанию от западных экономик, в которых доминировали био-, нанотехнологии и другие высокотехнологичные и прибыльные направления, что в конечном итоге и произошло. В частности, удельный вес инновационно активных предприятий промышленности Республики сократился с 21,7% в 2013 г. до 19% в 2015 г. Белорусские предприятия по-прежнему ориентированы на обновление существующего парка машин и оборудования, локальное совершенствование технологических процессов в рамках существующих укладов. Если несколько лет назад по ряду показателей результативности инновационного развития эксперты отмечали отставание Беларуси от развитых стран [2, с. 145], то сегодня она уже значительно отстает даже от постсоветских стран. Об этом свидетельствует рейтинг эффективности инновационной деятельности «Глобальный инновационный индекс 2016», в котором Беларусь заняла 79-е место, опустившись на 26 позиций по сравнению с 2015 г. [3]. Для сравнения: Россия находится на 43-м месте, Украина – на 56-м, Армения – на 60-м, Грузия – на 64-м.

Нет сомнения в том, что инновационная деятельность невозможна без новой техники и продвинутой технологии, но она невозможна и без трудовых ресурсов, обладающих инновационным потенциалом. Именно проблема создателей инноваций, в частности молодежи, имеет особое значение для Беларуси, избравшей интеллектуально-инновационный путь развития из-за отсутствия достаточных природных ресурсов. Ценность молодого поколения заключается в том, что его представители обладают повышенной целеустремленностью, способностью усваивать большие объемы информации, оригинальностью и критичностью мышления. В силу того, что молодежь находится в стадии становления базовых социальных характеристик, формируется как субъект общественных отношений, является наиболее образованной частью общества, преобладает численно среди тех, кто получает или имеет высшее образование, данная группа способна наиболее полно и эффективно выполнять инно-

вационную функцию. Численное преобладание имеет важное значение, поскольку, как известно, в любом коллективе только 7-8% работников могут быть инициаторами оригинальных и нестандартных идей и решений. Чем большее количество молодых людей вовлечено в инновационные процессы, тем значительнее инновационные результаты. В этой связи стимулирование творческой активности молодежи и ее вовлечение в инновационную деятельность является важнейшим направлением инновационного развития страны.

В настоящее время в Республике создано множество возможностей для развития творческого и научного потенциала студенческой молодежи. Разработана Государственная молодежная политика, которая представляет собой систему мер правового, организационно-управленческого, финансово-экономического, научного, информационного, кадрового характера, направленных на создание условий для выбора молодыми гражданами своего жизненного пути, развития потенциала для самореализации и ответственного активного участия в создании сильной и процветающей страны.

Одним из направлений молодежной политики является социальная поддержка и дальнейшее продвижение одаренной и талантливой молодежи. *Важную роль в формировании национальной интеллектуальной элиты играет* Фонд Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов. Он осуществляет поддержку талантливой молодежи через выплату стипендий и установленных видов премий, оказание единовременной материальной помощи. Средства фонда используются для проведения национальных и международных студенческих научных конференций, конкурсов, семинаров, олимпиад и др. *За 20 лет его лауреатами стали свыше 30 тысяч молодых людей.* Только в 2016 г. стипендии фонда назначены 186 студентам и курсантам учреждений высшего образования; 43 победителя международных олимпиад и конкурсов, более 1000 победителей республиканской олимпиады по учебным предметам, конкурсов научных работ, творческих достижений и научно-технического творчества стали лауреатами фонда. Судьба каждого лауреата отслеживается и после того, как он вступает во взрослую жизнь, для того, чтобы создать условия для самореализации творческой личности с наибольшей пользой для страны. Молодым людям оказывается поддержка в выборе рабочего места, решении жилищных и иных вопросов, связанных с их становлением в жизни. С этой целью Министерством образования Республики Беларусь ведется банк данных одаренной молодежи. В 2014 году в банк данных одаренной молодежи

была включена информация о 5713 гражданах, в том числе о 830 учащихся школ, 1913 студентах вузов, 2224 работающих граждан и других категориях молодежи. В 2015 г. банк данных пополнился информацией о 1045 учащихся школ и 800 студентах, магистрантах, курсантах и выпускниках вузов, в 2016 году – о 273 учащихся школ и 195 студентах вузов [4]. Значительный прирост одаренной молодежи в 2015 г. можно объяснить тем, что 2015 г. был объявлен годом молодежи в Беларуси, в рамках которого были реализованы многочисленные мероприятия, ориентированные на выявление молодых людей, склонных к научной и инновационной деятельности.

Казалось бы, деятельность фонда получила широкую известность в Республике. Однако опрос студенческой молодежи Беларуси, проведенный ВНК Белорусского государственного экономического университета на национальной выборке (387 человек) в 2016 г., выявил недостаточную информированность респондентов о его работе. Так, о работе данного фонда хорошо знает лишь каждый пятый студент (21,9%), почти половина что-то слышала о них (47,6%), однако каждый третий о нем не знает (30,5%).

На вопрос о формах поддержки одаренной и талантливой молодежи, которую оказывает фонд, были получены следующие ответы (таблица). В частности, о таких формах, как организация олимпиад, конкурсов научных работ, студенческих научных конференций, семинаров и т.д., выплата стипендий Президента и других поощрительных стипендий, гранты студентам с наилучшими результатами научно-исследовательской работы респонденты чаще хорошо знают или что-то слышали о них (42,2 и 34,3%, 40,6 и 37,6%, 37,0 и 45,0%, 25,7 и 55,4% соответственно), чем не знают. В то же время такие формы, как организация СНИЛ, оплата обучения и стажировок, выявление молодежи с лидерскими и организаторскими качествами для создания кадрового резерва, финансирование СНИЛ и школ, завоевавших признание разработками и т.д. неизвестны практически половине респондентов (48,0, 51,5, 49,5 и 54,2% соответственно).

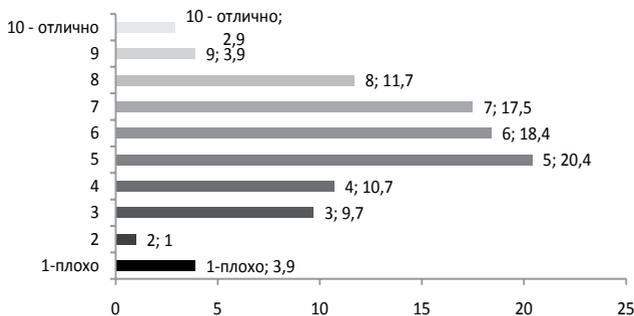
Сопоставление показателей степени информированности и получения конкретных форм поддержки выявило тенденцию: чем ниже степень информированности о форме поддержки, тем ниже степень участия или получения данной формы. Исключение составляют материальные формы поддержки – стипендии, гранты, о которых респонденты знают как о традиционных формах, но получить их могут при соблюдении условий отличной успеваемости, особые успехи в НИР, общественной работы.

О каких формах поддержки одаренной и талантливой молодежи в Беларуси Вы знаете и в каких участвовали/получали?

Форма поддержки	Знаю хорошо	Участвовал /получал	Кое-что слышал	Не знаю
Организация олимпиад, конкурсов студенческих научных работ и т.п.	42,2%	22,5%	34,3%	9,8%
Проведение национальных и международных студенческих научных конференций, семинаров и т.д.	40,6%	18,8%	37,6%	11,9%
Выплата стипендий Президента и других поощрительных стипендий	37,0%	4,0%	45,0%	18,0%
Гранты студентам с наилучшими результатами в научно-исследовательской деятельности	25,7%	2,0%	55,4%	18,8%
Организация СНИЛ (студенческих научно-исследовательских лабораторий), конструкторских бюро и т.д.	16,0%	8,0%	32,0%	48,0%
Оплата обучения и стажировок проявивших себя учащихся и студентов	14,1%	1,0%	34,3%	51,5%
Выявление молодежи с лидерскими и организаторскими качествами для создания кадрового резерва	12,1%	3,0%	38,4%	49,5%
Финансирование СНИЛ и школ, завоевавших признание разработками и т.д.	9,4%	2,1%	35,4%	54,2%

Невысоко (5,8 балла по 10-балльной шкале) оценили респонденты эффективность политики государственной поддержки одаренной молодежи в Республике (рисунок).

Предполагая критическую оценку деятельности фонда, исследователи сделали вопрос по поводу изменений в сфере поддержки одаренной молодежи открытым, чтобы респонденты могли внести свои конкретные предложения. Однако только 19,5% респондентов дали ответ на данный вопрос, из них 8,3% указали, что ничего менять не надо, 11,2% – попытались сформулировать предложения. Однако данные предложения не отличаются конкретным содержанием и могут относиться к сфере образования в целом и иным сферам, нежели к деятельности фонда.

Оценка студенческой молодежью по шкале от 1 до 10 баллов эффективности государственной поддержки одаренной и талантливой молодежи в Беларуси

Можно много говорить о возможностях, созданных для развития творческого и научного потенциала студенческой молодежи Республики, в то же время следует признать, что имеются и узкие места в плане организации продвижения одаренной молодежи и использования ее научного потенциала. В частности, что касается деятельности фонда, эксперты отмечают необходимость совершенствования критериев отбора кандидатов на поощрение фондом и размера поощрений, устранения дублирования поощрения лиц за победу в одном конкретном мероприятии на региональном и республиканском уровне. Кроме того, из-за сложности получения информации из общегосударственной автоматизированной информационной системы банк данных недостаточно доступен для активного использования государственными органами и иными организациями при решении кадровых вопросов [5].

С 2012 г. в Республике реализуется проект «Умные сети», который направлен на подбор молодых аналитиков с последующим привлечением на работу в органы государственного управления. Он объединяет вокруг себя более 180 самых ярких представителей интеллектуальной молодежи. В 2014 г. 3 выпускника «Умных сетей» приняты на работу в государственные органы, в 2015 – 12 человек. И хотя этот проект позиционируется как пример хорошо выстроенной работы с молодыми интеллектуалами, в последнее время он стал постепенно приобретать формат виртуальной фабрики мыслей и сегодня трудно найти информацию о его деятельности в открытом доступе.

Большую поддержку одаренной молодежи, в том числе ее научно-технической и инновационной деятельности оказывает ОО «Белорусский

республиканский союз молодежи», организатор широко известного конкурса «100 идей для Беларуси». Его цель – активизация инициативы молодых людей по генерированию идей, коммерциализации проектов и расширение границ молодежного предпринимательства в Республике. Конкурс проводится по двум номинациям: «Лучший инновационный проект» и «Лучший молодежный инновационный проект», в каждой из которых по шесть победителей. Данный проект включен в Государственную программу инновационного развития Беларуси. В 2016 г. на его реализацию было выделено 300 млн. рублей. Финансирование проекта осуществляется и из других источников, в частности через систему грантов, предоставляемых Белорусским инновационным фондом, ООО «БАВИН» и ОАО «Горизонт». Возможность коммерциализации идеи обеспечивает постоянный рост участников конкурса инновационных проектов. Если в 2010 г. было подано 40 проектов, то в 2016 – более 170, причем это уже не просто идеи, а серьезные бизнес-планы, по мнению председателя Государственного комитета по науке и технологиям Беларуси А. Шумилина. Потенциальная сфера их применения достаточно широка – медицина, биология, техника и робототехника, компьютерные и информационные технологии.

В 2015 г. победители и финалисты республиканского конкурса участвовали в форуме науки и инноваций стран БРИКС и ЕАЭС (Москва), где одержали победу в трех номинациях из четырех. На церемонии награждения победителей конкурса-2016 координатор конкурса А. Винник с гордостью отметила, что многие участники конкурса, которые презентовали свои разработки в 2015 г., уже нашли бизнес-партнеров и вышли на рынки России со своими инновационными продуктами [6]. Действительно, конкретные инновационные продукты создали белорусы, а прибыль от них получают другие.

Попытку выхода белорусов на российский рынок со своими разработками можно объяснить невысокой эффективностью их внедрения в Республике. Победителей конкурса регулярно показывают по телевидению, берут у них интервью, а большинство проектов остается на бумаге. Белорусский портал 42.TUT.BY попытался найти результаты активной деятельности по реализации проектов-победителей 2013 и 2014 годов, связанных с информационными технологиями, и обнаружил очень невысокую результативность этой работы. Одна из причин – недостаточная возможность коммерциализации проекта, вторая – низкая активность самих разработчиков, обусловленная разными обстоятельствами (подготовкой к поступлению в вуз, нехваткой технических навыков, неуме-

нием эффективно распорядиться грантом и т.п.). Из указанных проектов успешным можно назвать проект по созданию робота «Альтрон» для оказания помощи по дому, который сейчас на стадии запуска в производство, и приложение «Мобильный помощник по химии «Химия Х10» («Мобильная шпаргалка»), хотя на коммерческие рельсы проект пока не вышел, хотя у приложения уже 300 тысяч бесплатных скачиваний по России и СНГ [более подробно см.: 6].

Думается, что узкие места реализации своего проекта в полной мере осознают и организаторы конкурса «100 идей для Беларуси». Для устранения недостаточных возможностей коммерциализации проектов все проекты-финалисты 2016 г. прошли государственную экспертизу. В состав конкурсной комиссии были включены представители бизнеса и банка, которые лучше видят потенциальную возможность для создания на основе идеи разработки, ее коммерческое восприятие рынком. Их задача состоит в том, чтобы победителями и призерами становились проекты с высокой степенью проработки и, соответственно, готовности к реализации [7].

В заключение следует отметить, что в Беларуси создано более 80 различных структур, направленных по созданию инновационной сферы республики и привлечения молодых интеллектуальных умов к инновационной деятельности: Парк высоких технологий, научно-технологические парки, научно-производственные центры, инновационные центры, центры трансфера технологий, Белорусский инновационный фонд, информационные и маркетинговые центры, бизнес-инкубаторы и др. Сегодня успешно работают сотни инновационных предприятий, сосредоточенных главным образом в IT-секторе. Именно молодые белорусские программисты создали игры «World of tanks», «Зомби Ферма» и др., приложения Pimp Your Screen, Calculator Pro for iPad, MAPS.ME, Kino-mo, «Маскарад» (MSQRD), мессенджер Viber. Однако появление инноваций на рынке с каждым годом ускоряется, многие виды высокотехнологичной продукции сохраняют свою конкурентоспособность менее года. Это делает все более актуальной не только задачу повышения инновационной активности белорусской молодежи, но и задачу повышения результативности ее инновационной деятельности. 2017 г. объявлен в Беларуси годом науки. Республиканским планом мероприятий предусмотрена поддержка творчески мыслящих молодых ученых и специалистов, что будет способствовать обеспечению молодежи необходимыми ресурсами и инфраструктурой для активной инновационной деятельности и творческой самореализации.

Список литературы

1. Об инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2008 году. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009. 132 с.
2. Бабосова Е.С. Инновационная активность молодежи: особенности и перспективы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Выпуск 3(15). С. 144-154.
3. Global Innovation Index 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2016-intro5.pdf.
4. Поддержка одаренной молодежи / Решения совета фонда. Министерство образования Республик Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://edu.gov.by/page-26611>.
5. Реализация государственной молодежной политики в Республике Беларусь. Министерство образования Республик Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minsk.gov.by/ru/actual/view/209/2015/>.
6. Ермаченок А. Склад идей для Беларуси: что в итоге произошло с инновационными проектами из конкурсов БРСМ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://42.tut.by/494292/>.
7. Каруна О. Число заявок на республиканский конкурс инновационных проектов с 2010 года выросло более чем в 4 раза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belta.by/economics/view/>.

Глава 4. ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ, ЗДОРОВЬЯ, СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

4.1. Медицинское обслуживание сельского населения: взаимодействие врачей и пациентов

Современная система медицинского обслуживания на селе сегодня претерпевает значительные изменения. За десятилетие (с 2005 по 2014 гг.) численность больничных организаций (больницы, медико-санитарные части, диспансеры и пр.) в сельских поселениях России сократилась в три раза, амбулаторно-поликлинических учреждений – в два раза. К 2014 году на селе осталось лишь 17 крупных медицинских организаций, имеющих стационары [6, с. 89-94]. По заявлению Министра здравоохранения РФ В. Скворцовой, сегодня система здравоохранения на селе представлена 37 тыс. фельдшерско-акушерскими пунктами и более 4 тыс. сельскими врачебными подразделениями [4].

Сокращение численности медицинских учреждений становится фактором, снижающим доступность сельского жителя к медицинским услугам. Кроме того, в медицинских организациях наблюдается дефицит специалистов. Для решения этой проблемы с 2012 года реализуется Федеральная программа «Земской доктор», в соответствии с которой в сельскую местность приглашаются специалисты до 50 лет (на 2017 г.), которым одновременно выплачивается 1 млн. рублей, а они берут на себя обязательства проработать не менее 5 лет.

Предложенная государством программа нередко порождает неправовые (неформальные) практики. Так, часть врачей, еще работавших на селе до начала реализации программы, увольнялись, чтобы через непродолжительное время опять трудоустроиться и получить причитающуюся им компенсацию [7]. Кроме того, программа становится основой формирования представлений специалистов о временном характере работы на селе, которые могут выступить препятствием для становления глубинных взаимодействий медицинского персонала с пациентами, направленных не только на лечение заболевания, но и поиск его причины и разработку превентивных мер, снижающих рецидивы.

Эта ситуация усугубляется в условиях невысокого уровня обращаемости сельского жителя к официальной медицине. Так, исследования Д. П. Солодухиной показывают, что «сельские жители склонны к пассив-

ному поведению в системе здравоохранения по сравнению с городскими жителями, они меньше ... обращаются к врачам» [10, с. 23]. Авторский коллектив под руководством С.В. Шишкина отмечает: «Жители малых поселений потребляют меньше услуг врачей-специалистов не только по заболеваниям, лечение которых требует определенной концентрации ресурсов (хирургия, урология, онкология и проч.), но и по наиболее распространенным заболеваниям, лечение которых должно осуществляться на местах (акушерско-гинекологическая помощь, отоларингология, травматология, неврология, стоматология)» [13, с. 45]. Эти факты позволяют прийти к выводу о том, что сельские жители не получают своевременной медицинской помощи.

В условиях современного села практически не представлены и инструменты формирования культуры здоровьесбережения, служащие базисом профилактического поведения селян в сфере здоровья. Отсутствие спортивных центров и спортзалов, приобщающих молодое поколение к спорту и поддерживающих среднее и старшее поколения «в спортивном тоне», характеризуют современное село как аутсайдера в системе воспроизводства здоровьесберегающей культуры. Отсюда, мы полагаем, что одним из ключевых противоречий в системе медицинского обслуживания на селе становится противоречие между ориентациями как медперсонала, так и пациентов исключительно на лечение заболевания и необходимостью воспроизводства превентивных здоровьесберегающих практик, включенных в образ жизни сельских жителей при поддержке медперсонала.

Одним из инструментов решения представленной проблемы может стать пациентоцентристский подход при получении медицинской помощи пациентами, и воплощенный в партнерском типе взаимодействия с медицинским персоналом. Его суть заключается в том, что и медицинский работник и его пациент становятся соучастниками, цель которых не только вылечить заболевания, но и предупредить возникновение новых. Реализация подхода возможна на основе формирования доверия между субъектами взаимодействия (ожидания добросовестного поведения других лиц по отношению к ожидающим [14, с. 45]), основными структурными компонентами которого, по мнению Л.Ф. Шестопаловой и О.А. Бородавко, являются осведомленность пациента о профессиональных и личностных качествах медицинского специалиста, его представление о профессиональной компетентности, конвергентность мировоззренческой направленности, положительное эмоциональное отношение и ролевые ожидания [12, с. 42-47].

В противовес указанной выше ориентации болезнecентристский подход в системе медицинского обслуживания на селе направлен исключительно на лечение конкретного заболевания. Речь идет о том, что и врач, и пациент на приеме стремятся решить актуальные текущие задачи: постановка диагноза и снижение симптомов заболевания.

Этот тип взаимодействия можно отнести к традиционному, воспроизводство которого уже не одно десятилетия происходит в российской системе медицинской помощи. Истоки болезнecентристского подхода можно наблюдать в земской медицине, заложившей традиции патернализма, которые были закреплены в системе советского здравоохранения. Социальный статус земского врача был высоким, а его роль заключалась не только в лечении крестьян, но в проявлении заботы о них, поскольку они в силу своего положения были слабо информированы о причинах своих недугов. Врач как носитель сакрального/экспертного знания по сути становился заботливым «родителем», решения которого не подвергают сомнениям. Пациент обязан исполнять все его предписания.

Идеологические принципы патернализма взаимодействия врача и пациента были реализованы в советской системе здравоохранения. Патриархальный уклад сельского образа жизни стал фактором развития болезнecентристского подхода. И в современных рыночных условиях сельские пациенты перекладывают заботу о своем здоровье на медицинского работника. Подобное поведение становится нормативным, поскольку медперсоналу удобно и выгодно иметь послушного пациента. При этом в ряде случаев информацию о заболевании врачи предпочитают умалчивать. Так, по результатам опроса родительской общности в исследовании, проведенном Е.К. Баклушиной и И.А. Еремцевой [3], каждый третий респондент получил отказ в ознакомлении с записями медицинского работника о состоянии здоровья своего ребенка.

Вместе с тем, получение информации должно стать неукоснительным правилом в процессе взаимодействия пациента и врача, поскольку полученные знания становятся предпосылкой формирования здоровьесберегающей деятельности пациента. В этом случае формируется установка на поддержание здорового образа жизни и создаются условия для реализации пациентоцентристского подхода в системе оказания медицинской помощи.

Результаты нашего исследования, проведенного в 2016-2017 гг., объектом которого выступили жители сельских поселений Курганской (N=300, квотный вид отбора) и Свердловской областей (N=300, квотный вид отбора), а также медицинский персонал, работающий и проживаю-

щий в указанных регионах (N=16), свидетельствуют о том, что доверие к медперсоналу со стороны пациентов выступает одним из фундаментальных факторов успешности взаимодействия.

Вместе с тем, при отсутствии выбора медицинского учреждения и врача в сельском поселении сельский житель вынужден доверять при обращении за медицинской помощью (45%). Снять проблему «вынужденного» доверия может длительное проживание медицинского работника в конкретном населенном пункте и знающего специфику образа жизни селян, особенности их трудовой, бытовой, досуговой деятельности, историю семьи и характер наследственных заболеваний. Пациент становится открытым для взаимодействия со специалистом, который предлагает не только лечение заболевания, но и выявляет скрытые причины его возникновения, связанные с повседневной жизнедеятельностью и генетической предрасположенностью. Доверие к медперсоналу в таком контексте формирует пациентоцентристский подход к медицинскому обслуживанию и ведет к становлению партнерских отношений.

Наше исследование показало, что медицинская помощь базируется на патерналистских ориентациях как со стороны пациента, так и со стороны медицинского персонала. Базисом платформы патернализма является идея отсутствия самостоятельности пациентов, которые не могут дать оценки своим действиям и взаимодействиям, тем самым нанося себе вред. Отсюда, контроль за ними есть благо, прежде всего, для них самих. Соответственно, в русле данной идеологии снимается ответственность с индивида, он перекладывает ее на плечи другого [1, с. 18]. «Обо мне заботится бесплатная медицина» – таков был лозунг советской системы здравоохранения [2, с. 46].

В основе патернализма – принципы подчинения: пациенты готовы следовать указаниям врача (33%), а медперсонал желает осуществлять контроль над больными (54%). Патерналистские ориентации демонстрируют болезнецентристский подход к медицинской помощи, который становится барьером формирования и развития здоровьесберегающих стратегий сельских жителей. Медицинский работник как обладатель сакрального знания о природе человека, его недугах и способах профилактики и лечения должен ориентировать больных на превентивные действия, направленные на сохранение/восстановление способности организма оказывать сопротивление неблагоприятным факторам, негативно влияющим на состояние здоровья.

К числу особенностей системы медицинского обслуживания на селе относится отсутствие врачей узких специальностей (окулистов, невро-

логов, кардиологов и пр.), поэтому сельчане вынуждены обращаться за помощью к ним в близлежащие города. Однако квоты на бесплатный прием, а также на получение высокотехнологичных видов медицинской помощи крайне малы. Этот факт отмечают 51,8% опрошенных. В таких условиях сельскому жителю, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата которого в России в 2014 году была ниже среднего показателя по стране в целом в два раза [11, с. 242], приходится обращаться в платные медицинские центры, сосредоточенные в средних и крупных городах. Селянину нужно «добраться» до медицинского учреждения, преодолев значительное расстояние.

Важно подчеркнуть, что сельский житель не только испытывает дефицит врачей узкого профиля, но и, зачастую, в медицинских учреждениях на селе отсутствуют врачи-терапевты. Их функции берут на себя фельдшеры. На момент опроса в Камышловском районе Свердловской области медицинскую помощь оказывали только специалисты со средним профессиональным (медицинским) образованием. Сокращение фельдшерско-акушерских пунктов по стране привело к оттоку медицинских кадров из села и увеличило нагрузку на оставшихся медицинских работников. По мнению пациентов (59,8%), одной из проблемных зон в медицинском обслуживании стало увеличение времени ожидания приема, т.е. очереди при получении медпомощи.

Согласно нормативным документам [9], время, отводимое на прием одного пациента, ограничено и составляет 12 минут. Сельский врач в среднем принимает от «...18 до 24 больных...» (врач, стаж работы 43 года) ежедневно. За время приема он должен успеть собрать анамнез, провести обследование, назначить лечение. Времени для уточнения особенностей работы и быта, а также специфики образа жизни в целом недостаточно. Соответственно, столь краткий по времени прием и нацелен на лечение заболевания, а не на разработку индивидуальной системы профилактических мероприятий. И даже назначаемое лечение, по мнению 85,8% опрошенных, не является индивидуальным и не учитывает многообразия факторов личного характера. Только каждый четвертый опрошенный медицинский работник согласен с позицией о том, что индивидуальная траектория лечения будет способствовать успешному лечению и выздоровлению. Основной задачей медперсонал видит снижение симптомов заболевания. Пациент превращается в один из «винтиков» системы медицинского обслуживания, закрепляя ее авторитарный характер.

Что касается условий предоставления медицинской помощи на селе, то пациенты отмечают устаревшее медицинское оборудование (67,5%),

затрудняющее постановку диагноза и выбор стратегии и тактики лечения. Врач использует для диагностики «дедовские методы»: пальпацию, прослушивание, простукивание и т.п.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что только каждый шестой пациент-сельчанин ожидает от медперсонала использования технических средств диагностики. *«Новое медицинское оборудование в село не привозят...»* (мужчина, 59 лет). Однако в условиях современного уровня развития техники и технологий городскому жителю трудно представить медицинское обслуживание без высокотехнологичной медицинской аппаратуры [5]. Ее наличие становится одним из важных факторов выбора медицинского учреждения. Решением данной проблемы для сельских жителей становятся выездные врачебные бригады, оснащенные передвижными диагностическими комплексами.

Вместе с тем, снимая таким образом вопрос доступности медицинского обслуживания на селе, идет усиление болезнецентристского подхода к оказанию медицинской помощи и воспроизводятся патерналистские ориентации в системе взаимодействия врача и пациента. Это связано с тем, что специалисты, работающие в мобильных медицинских бригадах, ориентированы на решение локальных конкретных проблем: диагностику и устранение симптомов заболевания, а не на формирование длительных партнерских отношений с пациентами.

Тем не менее работа таких бригад будет способствовать снижению страха у пациентов перед врачебной ошибкой. По результатам опроса его испытывает каждый пятый сельчанин. Страх затрудняет не только воспроизводство партнерского типа взаимодействия, основанного на доверии к медицинскому работнику, но и становится барьером формирования культуры здоровьесбережения сельского жителя. Эта ситуация актуализирует следующую проблему. Медицинский персонал может обладать отличными знаниями, умениями и навыками по оказанию медицинской помощи, но слабая материальная база медучреждения не позволяет ему качественно провести диагностику и назначить соответствующее лечение.

Особого внимания заслуживает и вопрос оперативности медицинской помощи сельским жителям. Более половины медицинских работников и третья часть опрошенных пациентов высказались об этой проблеме как ключевой для современной системы медицинского обслуживания на селе. Речь идет о том, что сокращение медучреждений и удаленность ряда сел от городов, имеющих медицинские центры и станции скорой помощи, снижают доступ селян к получению экстренной медпомощи. Этот

вопрос, зачастую, приходится решать самостоятельно самому пациенту либо его родственникам/друзьям/знакомым.

Спецификой медицинского обслуживания на селе следует признать и низкий уровень информированности пациентов о своем заболевании, а также отсутствие потребности в ее поиске. Опрошенные нами медицинские работники полностью поддерживают такую позицию. Послушный и дисциплинированный пациент удобен медперсоналу, больной следует инструкциям и указаниям, данным врачом и «...не задает лишних вопросов...» (врач, стаж работы 41 год).

Информационная асимметрия, существующая в системе медицинского обслуживания, естественная и неустранимая [15, с. 39]. Врач как носитель экспертного знания всегда будет относиться к пациенту с позиций отца и наставника. Врачи, «будучи “образцовой профессией”, с точки зрения формирования группы, всегда обладали властным ресурсом и относительно высокой автономией» [8, с. 109]. 78,7% опрошенных пациентов считают, что врач ожидает от них исключительно механическое следования предписаниям. Однако и пациенты не стремятся утолить информационный голод, тем самым перекладывая ответственность за свое здоровье на медицинских работников. При этом, селяне сетуют на то, что в селах отсутствуют объекты, функциональное назначение которых – поддержание физического здоровья (75%), а также на дефицит времени для воспроизводства здоровьесберегающих практик (58%). В отличие от пациентов, медицинский персонал оптимистичен, высказывая свое мнение о том, что пациенты могут «заняться» своим здоровьем, если будет желание. Таким образом, сельский житель пассивен в отношении своего здоровья, а ответственность за него становится прерогативой медицинского работника.

Исследование показало, что основными барьерами утверждения партнерства в системе медицинского обслуживания на селе выступают невысокий уровень доверия и уважения к медицинским работникам со стороны пациента, неразвитая инфраструктура села, направленная на сохранение здоровья сельского населения и воспроизводство практик здоровьесбережения в структуре образа жизни, а также отчасти и политика государства, нацеленная на решение вопроса доступности для селянина получения медицинских услуг и формирующая краткосрочный характер взаимодействия медицинского персонала и пациентов.

Вместе с тем, результаты свидетельствуют, что имеются предпосылки для перехода от болезнецентристского подхода в системе медицинского обслуживания к пациентоцентристскому. 84% опрошенных пациентов

отмечают, что на селе имеется медперсонал, готовый к длительным отношениям, включающим не только диагностику и лечение имеющихся заболеваний, но и индивидуальную разработку превентивных мер, направленных на сохранение и укрепление здоровья, формирующих здоровьесберегающую культуру повседневной жизни.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ-РГНФ (грант № 16-33-00008).

Список литературы

1. Антонова Л.Н. Патернализм как идеология взаимодействия врача и пациента в системе сельского здравоохранения // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления: материалы международной конференции. 28 февраля 2014 г. Екатеринбург: УрФУ, 2014. Т. 4. С. 17–20.
2. Антонова Н.Л., Левченко И.Е., Клейменов М.В. Институциональные аспекты функционирования системы медицинского обслуживания / Н.Л. Антонова, И.Е. Левченко, М.В. Клейменов; М-во образования и науки РФ, Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016.
3. Баклушина Е.К., Еремцева И.А. Реализация права несовершеннолетних пациентов на информацию о профессиональной деятельности фельдшеров / Е.К. Баклушина, И.А. Еремцева // Казанский медицинский журнал. 2015. № 6. С. 1035–1038.
4. Вероника Скворцова: в результате оптимизации здравоохранения никто не останется без помощи. ТАСС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/opinions/interviews/3944526> (дата обращения: 12.08.2017).
5. Виленский А., Хрусталева А., Деханова А. Высокотехнологичные медицинские изделия: сегментация рынка и перспектива развития / А. Виленский, А. Хрусталева, А. Деханова // Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской технике. 2012. № 6. С. 8-17.
6. Здравоохранение в России. 2015: стат.сб. / Росстат. М., 2015.
7. Медицинская палата Свердловской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://медпалатасо.рф/novosti-publikacii/programma-zemskij-doktor-privlekla-v-sela-bolee-15-tys-molodyh-specialistov/> (дата обращения: 12.08.2017).
8. Павленко Е.В., Петрова Л.Е. О готовности врачей к использованию новейших информационно-коммуникационных технологий в здравоохранении / Е.В. Павленко, Л.Е. Петрова // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 103-110.
9. Приказ Минздрава России от 02.05.2015 № 290н «Об утверждении типовых отраслевых норм времени на выполнение работ, связанных с посещением одним пациентов врача-педиатра участкового, врача-терапевта участкового, врача общей практики (семейного врача), врача-невролога, врача-оториноларинголога, врача-офтальмолога и врача-акушера-гинеколога» (зарегистрирован в Минюсте России 24.08.2015 № 38847) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://>

minzdrav.gov-murman.ru/documents/poryadki-okazaniya-meditsinskoj-pomoshchi/pr_MZ_RF_290.pdf (дата обращения: 28.08.2017).

10. Солодухина Д. П. Социологическая концепция медицинской помощи пациентам с хроническими терапевтическими заболеваниями: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 14.02.05 / Д. П. Солодухина. Волгоград, 2015.

11. Труд и занятость в России. 2015: стат.сб. / Росстат. М., 2015.

12. Шестопалова Л.Ф., Бородавко О.А. Доверие в системе отношений врача и пациента и психологические факторы его формирования / Л.Ф. Шестопалова, О.А. Бородавко // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2014. № 3. С. 42–47.

13. Шишкин С.В., Бондаренко Н.В., Бурдяк А.Я. Анализ различий в доступности медицинской помощи для населения России / под ред. С. В. Шишкина. М.: Независимый институт социальной политики, 2007.

14. Штомпка П. Доверие – основа общества / П. Штомпка: пер с пол. Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2012. С. 45.

15. Ясинский Ю., Тихонов А. Новая информационно-поведенческая парадигма: конец равновесной теории или ее второе дыхание? / Ю. Ясинский, А. Тихонов // Вопросы экономики. 2007. № 7. С. 35-58.

4.2. К вопросу об эффективности программ повышения рождаемости: обзор теоретических и прикладных исследований

Государство играет значительную роль в формировании репродуктивного поведения семей, создавая систему стимулов и сдерживающих факторов для реализации репродуктивных планов. На сегодняшний день вопрос эффективности демографической политики особенно актуален для России, что связано с неизбежностью старения населения и быстрого роста нагрузки на трудоспособное население; уменьшением количества молодежи и численности женщин, находящихся на пике фертильности. Целью данной статьи является критический обзор теоретических и эмпирических исследований, посвященных выявлению связи между государственной политикой и репродуктивным поведением населения.

Снижение уровня рождаемости в России, как и во многих странах Европы, определяется действием целого ряда социально-экономических факторов: появление возможности карьерного роста для женщин, возможность свободы выбора в вопросах репродуктивного поведения, профессиональной занятости в экономике. Развитие контрацепции позволило женщинам осуществлять более свободный выбор, касающийся количества детей в семье. Одновременно увеличилась экономическая

независимость женщины в результате повышения уровня образования и более расширенного выхода на рынок труда. Желание иметь нескольких детей и занятость на рынке труда для женщины выступают альтернативными стратегиями. В решении данного вопроса большую роль играет то, какие в стране имеются условия для совмещения занятости в семье и на работе, какая предоставляется государством поддержка семьям с детьми.

Теоретические подходы к анализу репродуктивного поведения

Согласно экономической теории репродуктивного поведения, снижение желаемого числа детей обусловлено увеличивающейся ценой времени женщины. Рост косвенных издержек рождения ребенка, равно как и конкуренция этого события с другими этапами жизненного цикла, сдвигают вступление в родительство к более поздним срокам и нередко приводят к снижению числа детей в целом [8].

Одним из препятствий к повышению рождаемости является факт активности матерей на рынке труда, нежелание прерывать карьеру и неопределенность по поводу перспектив в области занятости. Как следствие, меры, направленные на облегчение стоящего перед матерями конфликта «работа – семья», и создающие возможность сочетать воспитание детей с продолжением работы, рассматриваются в качестве факторов, повышающих уровень рождаемости [10]. Основными мерами в данном случае выступают доступность и качество детских садов и услуг по уходу за маленькими детьми, что сокращает расходы родителей и становится стимулом повышения фертильности. Это подтверждает основную гипотезу о том, что решение о рождении детей является рациональным, принятие данного решения происходит в результате взвешивания издержек и выгод, касающихся дохода, карьерных ожиданий, отношения к качеству ухода за ребенком и воспитания ребенка.

Теория рационального выбора берет свое начало из неоклассической экономической теории, в соответствии с которой решения о рождении ребенка, браке, разводе, найме на работу и т.д. принимаются в процессе анализа выгод и издержек. Согласно основоположнику неоклассической экономической теории фертильности Бекеру, решение иметь детей – это сугубо рациональное решение, принимаемое в целях максимизации полезности и зависящее от издержек и выгод, связанных с появлением ребенка, в рамках ограниченного дохода [1]. Развивая данную экономическую модель фертильности, ученые ввели понятие качественного компонента и пришли к выводу, что увеличение располагаемого дохода семьи повышает либо количество детей, либо так называемое «качество детей» (имеется в виду большие затраты на ребенка).

Согласно экономической модели А. Готье и Й. Хатциуса (1997), «спрос на детей» (то есть желание заводить детей) повышается со снижением затрат на ребенка (в результате получения государственных субсидий), или же с увеличением располагаемого дохода (после получения пособий и выплат на ребенка) [7].

Вышеизложенная традиционная экономическая модель является ключевой теорией, объясняющей связь государственной политики по стимулированию рождаемости с репродуктивным поведением населения. Однако следует иметь в виду, что неоклассическая модель базируется на двух предположениях: 1. индивидуум владеет полным объемом информации об издержках и выгодах того или иного демографического поведения, 2. решение о браке, разводе, намерении иметь детей является экономически рациональным. Данный подход, по мнению критиков модели, являет собой сильное упрощение реальности и игнорирует тот факт, что семьи, во-первых, не обладают полной информацией о выгодах и затратах, связанных с рождением ребенка, а во-вторых, существуют другие факторы, влияющие на принятие решения родить ребенка (социальные нормы, личное отношение к деторождению, различное восприятие семейных ценностей). Несмотря на данный аргумент, по результатам эмпирических исследований экономической модели фертильности материальные стимулы по поддержке рождаемости оказывают значительное влияние на демографическое поведение женщин.

Эффективность государственной политики по результатам эмпирических исследований

Как известно, на демографическое поведение оказывают влияние как непосредственно программы демографической политики, так и другие программы, касающиеся рынка труда и занятости, социальной защиты, бюджетная и монетарная политика, семейная политика в стране. Исследованию проблемы эффективности государственной политики и конфликта между материнством и занятостью посвящена масса зарубежных эмпирических работ. Большинство авторов делает выводы о положительном влиянии государственной политики, использующей финансовые стимулы, на рождаемость [7]. Следует однако отметить, что зачастую эффект хоть и положительный, но не столь значительный. Кроме того, ее влияние приводит не столько к увеличению общего количества детей, сколько стимулирует более раннее планирование детей [2].

Используя методы многофакторного анализа, А. Готье и Й. Хатциус создали модель, которая помимо традиционных детерминант рождаемости включала параметры материнского отпуска по уходу за ребенком

(продолжительность и отношение пособия к заработку) и детского пособия [5]. Полученные ими результаты позволяют предположить, что уровень рождаемости напрямую связан с размером детского пособия; с параметрами же отпуска значимой связи не обнаружено.

Другие исследования с использованием данных по Канаде, Германии, Норвегии и Швеции, показали, что отпуска по уходу за ребенком и субсидии на детские сады оказывают не столь значительный, но положительный эффект на рождаемость [11]. Наиболее же эффективной является политика, сочетающая материальные стимулы с созданием благоприятных условий совмещения родительства и занятости [9].

Что касается влияния повышения материальной поддержки на уровень занятости матерей, большое число научно-практических исследований указывает на отрицательный эффект. Щедрая социальная поддержка женщин-матерей снижает вероятность выхода их на работу. Так, К. Оливетти и Б. Петронголо исследовали влияние отпуска по уходу за ребенком и субсидий на дошкольное образование на уровень занятости женщин. Длительный отпуск по уходу может иметь негативные последствия: женщина переходит в категорию экономически неактивного населения и теряет профессиональные навыки, а также подвергается дискриминации на рынке труда [3].

Существующие модели рождаемости, разработанные для развитых стран, могут быть применимы для России и протестированы на российских данных, поскольку многие изменения в сфере рождаемости в нашей стране совпадают с теми, что происходят на Западе. Однако следует учитывать, что в России демографический переход произошел гораздо в более короткие сроки, гендерный разрыв практически не изменился. На Западе же вместе со снижением рождаемости происходило сокращение гендерного разрыва в оплате и занятости. Также в России в период сокращения рождаемости сокращались и реальные доходы населения (1990-е гг.), тогда как на Западе наблюдалось постоянное увеличение национального дохода.

На сегодняшний день основной акцент российской политики по повышению рождаемости сделан на создании стимулов для рождения и воспитания второго ребенка. Данный факт связан со сложившейся в постсоветской России тенденцией доминирования семей с одним ребенком, что и является важной причиной низкой рождаемости. Меры по стимулированию второго и последующих рождений включают повышение оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, введение материнского капитала на второго ребенка, предоставление субсидий на детские сады

(50% – для второго ребенка), повышение размера «родовых сертификатов». Из перечисленных мер наиболее щедрой мерой поддержки семей с несколькими детьми является материнский капитал.

Если в период 1990-2005 гг. Россия была на одном из последних мест по уровню естественного прироста населения (коэффициент естественного прироста ниже российского наблюдался только в Болгарии, Латвии и Украине), введение в действие новой семейно-демографической политики в 2007 г. привело к значительному росту рождаемости, особенно заметному в первые два года после проведения реформы. Количество рождений в год увеличилось с 1,5 млн в 2006 г. до 1,9 млн в 2012 г., а общий коэффициент рождаемости повысился за данный период более чем на 30% (с 1,31 до 1,69). В регионах с более благоприятной демографической ситуацией результаты были выше, так, суммарный коэффициент рождаемости в Республике Татарстан в 2012 г. превысил 1,8, в сельском населении в 2012 году составил 2,09, то есть приблизился к уровню, необходимому для простого воспроизводства населения [12]. При этом в Татарстане, – как в городах, так и в селах, – пик интенсивности рождений приходится не на возраст 20-24 года, как это было ранее, а на возраст 25-29 лет. Календарь рождений сместился к старшим возрастам, что соответствует тенденции, наблюдаемой в экономически развитых странах. В Республике Татарстан широкое распространение получили целевые программы, направленные на решение социальных вопросов населения. На региональном уровне реализуется «Комплексная программа демографического развития Республики Татарстан до 2010 и на перспективу до 2030 года», целью которой является обеспечение расширенного воспроизводства населения Республики Татарстан через реализацию последовательной и эффективной государственной социально-экономической политики, направленной на повышение качества жизни населения и минимизацию социального неравенства [13]. Однако следует отметить, что степень поддержки семей с детьми и уровень финансирования варьируется на уровне регионов, так, например, не во всех регионах РФ введен региональный материнский капитал.

Авторы исследования по оценке эффективности семейной политики в современной России В. Елизаров и В. Левин приходят к выводу, что основными среди факторов, влияющих на репродуктивное поведение женщины, являются доход, гарантия занятости и доступ к услугам по уходу за детьми [4]. Нехватка детских дошкольных учреждений в России и низкое качество предоставляемых услуг препятствуют раннему выходу женщин на рынок труда после рождения ребенка. Помимо этого, женщи-

ны с детьми часто дискриминируются работодателями [14.] Другие российские исследования еще более пессимистично оценивают результаты пронаталистских мер 2007 г., по мнению ряда авторов, политика не привела к увеличению количества рождений, а лишь ускорила претворение в жизнь уже имеющихся репродуктивных планов семей, фертильность когорты осталась примерно на том же уровне. Такие результаты еще раз подтверждают необходимость сопровождения материальной поддержки политикой по укреплению семейных ценностей, сокращения гендерного неравенства на рынке труда, представления родителям возможности работать на условиях гибкого графика и в режиме неполного рабочего времени, а также на условиях удаленного доступа.

По результатам анализа зарубежных и российских эмпирических исследований можно сделать вывод о том, что меры по реформированию существующей демографической политики в России должны быть направлены на более эффективное распределение мер социальной поддержки по ключевым стадиям жизненного цикла семей (в настоящее время преимущественно на время достижения ребенком возраста 1,5 лет), обеспечение возможностей родителям совмещать уход за детьми с экономической активностью, предоставление гибких форм занятости, развитие качественных и недорогих детских дошкольных образовательных организаций.

Государственная политика, которая позволит женщинам сочетать рождение детей и оплачиваемую занятость, так и меры, способствующие укреплению гендерного равенства и побуждающие мужчин участвовать в уходе за ребенком, являются ключевым фактором поддержания благоприятной динамики рождаемости в нашей стране. Успех проводимой демографической политики напрямую связан с такими важными условиями, как создание стабильной экономики и повышением общего благосостояния семей, что способствует формированию у населения оптимистичного взгляда на будущее семьи и позволит в максимально полной мере реализовать потребность в детях.

Список литературы

1. Becker G.S. (1981). *A Treatise on the family*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
2. Blanchet D., Ekert-Jaffe O. (1994). The demographic impact of fertility benefits: Evidence from a micro-model and from macro-data. In J. Ermisch & N. Ogawa (Eds.), *The family, the market and the state in ageing societies* (pp. 79–104). Oxford, England: Clarendon Press.
3. Claudia Olivetti, Barbara Petrongolo (2017). *The Economic Consequences of Family Policies: Lessons from a Century of Legislation in High-Income Countries*,

Journal of Economic Perspectives, American Economic Association, vol. 31(1), pages 205-230.

4. Elizarov, Valeriy; Levin, Victoria. 2015. *Family policies in Russia : could efforts to raise fertility rates slow population aging?*. Russian Federation aging project. Washington, D.C.: World Bank Group. Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/25713146800013801/Family-policies-in-Russia-could-efforts-to-raise-fertility-rates-slow-population-aging>.

5. Ermisch, J. (1988). The econometric analysis of birth rate dynamics in Britain. *The Journal of Human Resources*, 23(4), 563–576.

6. Frejka T., S. Zakharov (2012). *Comprehensive Analyses of Fertility Trends in the Russian Federation during the Past Half Century* //MPIDR Working Paper, WP 2012-027: 27.

7. Gauthier, Anne Helene and Jan Hatzius. 1997. “Family Benefits and Fertility: An Econometric Analysis.” *Population Studies* v51, n3: 295-306.

8. Kalabikhina I. (2013). Fertility in Russia: evidence after 2010 census. Paper presented at XXVII IUSSP International Population Conference Busan, Korea, 26-31 August 2013. Access at <http://www.iussp.org/en/event/17/programme/paper/5215>.

9. Luci-Greulich A., Thévenon O. Does Economic Advancement ‘Cause’ a Re-increase in Fertility? An Empirical Analysis for OECD Countries (1960–2007). *European Journal of Population*, Vol.13, Issue 2, pp 187–221.

10. Rindfuss, R. R., & Brewster, K. L. (1996). Childbearing and fertility. *Population and Development Review*, 22(Suppl), 258–289.

11. Zhang, J., J. Quan, and P. van Meerbergen. 1994. “The Effect of Tax-Transfer Policies on Fertility in Canada, 1921-88.” *Journal of Human Resources* 29 (1): 181–201.

12. Закон Республики Татарстан от 17 июня 2015 г. N 40-ЗРТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года», Принят Государственным Советом РТ 10 июня 2015 года. Режим доступа: <http://mert.tatarstan.ru/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya.htm>.

13. Ильдарханова Ф.А., Ильдарханова Ч.И., Шелуханова Л.В. Демографическая результативность федеральных и региональных программ помощи семьям с детьми (2006-2016 гг.): научно-аналитический доклад. Казань: Изд-во АН РТ, 2016. 231 с.

14. Синявская О.В., Сухова А.С. Институциональные услуги по уходу за детьми: неравенства в доступе. Семья в центре социально-демографической политики?: сб. аналит. ст. / Независимый ин-т соц. политики. М., 2009. С. 73–96.

4.3. Жизненные и семейные ценности семей в современной России: региональный аспект

Введение в исследовательскую проблему

Семья представляет собой основной социальный институт общества. В семье человек проводит большую часть своей жизни, осваивает

социальные роли и соответствующие модели поведения, формирует свои личностные качества и систему ценностей. Однако сегодня мы можем говорить о том, что в современном обществе трансформируется понятие семьи в общественном мнении, особенно молодежи, представления о ней становятся размытыми, обобщенными либо идеализированными. В современных условиях на смену старым образцам семейных отношений и семейных ценностей приходят новые. Российская семья за последние два десятилетия существенно видоизменилась. Смена идеологических приоритетов, стереотипов сознания, девальвация моральных норм в обществе обусловили и изменение ценностей в институте семьи. Снижение числа детей в браке, распространение консенсуальных (браки «на веру», по договоренности, но без регистрации) или гражданских браков, увеличение разводов и детей-сирот – далеко неполный перечень рисков, подводных камней, ведущих к деградации института семьи. Научные исследования обозначили различные стороны и проблемные моменты процесса трансформации семьи, в результате чего были сформированы две концепции государственной семейной политики: кризисная и модернизационная. По мнению А.И. Антонова, произошедшая в стране трансформация семьи является частным выражением глобального кризиса социального института семьи [1].

Лидер второй концепции – А.Г. Вишневский, напротив, считает, что трансформация осуществляется в рамках модернизации, смены традиционного типа семьи, что в целом имеет позитивную направленность [2].

Важнейшей составляющей трансформации семьи является изменение ее жизненных и семейных ценностей. Традиционно считается, что массовое сознание – наиболее инерционная сфера по сравнению с политической и социально-экономической. Сегодня можно говорить о том, что институциональные преобразования во всех других сферах необратимы только тогда, когда они восприняты обществом и закреплены в новой системе ценностей, на которые это общество ориентируется. И в этом отношении изменения в мировоззрении современных российских семей могут служить одним из важнейших индикаторов реальности и эффективности трансформации общества в целом.

Ценности – это обобщенные представления людей о целях и средствах их достижения, о нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества. Это существующие в сознании каждого человека ориентиры, с которыми индивиды и социальные группы соотносят свои действия.

Формирование новой системы ценностей в условиях ослабления политического идеологического прессинга сопровождается критическим осмыслением старых, присущих обществу социалистического типа ценностей, вплоть до полного их отрицания. К сожалению, такой подход часто приводит к отрицанию всего опыта предшествующего поколения, в том числе и семейного воспитания. В связи с этим в современной литературе многие авторы говорят о кризисе ценностей в российском обществе [3, 4, 5, 6 и др.]. Особую остроту сегодня приобретают проблема изучения изменений, происходящих в сознании современных подростков, анализ их жизненных ценностей. Следует заметить, что в отечественной науке практически не имеется исследований, направленных на изучение жизненных и семейных ценностей семьи. Все это свидетельствует об актуальности темы исследования.

Методология исследования

Социологическое исследование проведено в ноябре – декабре 2015 года в дошкольных образовательных и общеобразовательных организациях Свердловской области.

Цель исследования – изучить семейные и жизненные ценности семей Свердловской области.

Методами сбора первичной информации выступали: анкетный опрос, фокус-группы, традиционный анализ документов. Способ организации выборки для анкетного опроса (выборочная совокупность – 2921 родителей обучающихся) – многоступенчатая с квотным отбором на последнем этапе. Анкетный опрос проведен в малых, средних, крупных городах Свердловской области, областном центре и сельской местности. Возраст родителей составил от 25 до 45 лет и выше.

В исследовании использовался анализ статистической информации, характеризующей социально-демографические аспекты современных семей за период с 2010 по 2015 гг.

Помимо результатов, полученных авторами, в исследовании также использованы данные других исследователей; вторичный анализ открытых аналитических источников, СМИ.

Под жизненной ценностью мы понимаем совокупность социальных установок человека относительно наиболее важных, значимых для него предметов и явлений действительности, образующих смысл жизни. При определенных условиях они могут стать одним из побудителей его практических действий, направленных на воплощение этих ценностей в жизнь [7]. Смысл жизни – это ценность прожитой жизни для самого человека, его окружения и общества в целом [8].

Жизненные ценности личности имеют ряд специфических характеристик. Во-первых, они выражаются, прежде всего, в деятельности человека, которая определяется внутренней иерархией ценностей, интересов и потребностей, обусловленных экономическим, социокультурным и политическим факторами. Во-вторых, они являются принципами принятия решений в повседневной жизни. Это мотивационная основа поведения человека в обществе. В-третьих, уникальным является способ существования жизненных ценностей. Жизненный (т.е. не игровой и не воображаемый) выбор индивида между ориентациями на ближайшие цели (с их непосредственно очевидной пользой) и ориентацией на отдаленную жизненную перспективу (с ее психологически притягательной ценностью). В процессе жизненного выбора ценности не только возникают, но и становятся реальностью, существующей объективно в качестве практически значимого образца. В-четвертых, жизненные ценности выполняют ряд функций: онтологическую, коммуникативную (руководствуясь на основе своих жизненных ценностей, индивиды вступают во взаимоотношения), ориентировочный потенциал (выступают ориентирами человека в обществе). С этих позиций мы и будем рассматривать жизненные ценности семей Свердловской области.

Результаты исследования. Жизненные ценности семьи

Наше исследование показало, что ведущими ценностями для респондентов является семья (90,9%), дети (85,9%), здоровье (80,3%). Четвертую – пятую позиции занимают ценности любви и материального благополучия. Каждый пятый опрошенный указал на то, что для их семьи важны такие жизненные ценности, как успешная профессиональная деятельность, интересная работа, хорошее образование. Каждый восьмой респондент ориентирован на карьеру, успех в жизни, друзей и развитие. Как видим, приведенный выше рейтинг дает нам представление о том, что опрошенные нами респонденты, в первую очередь, ориентированы на достаточно универсальные ценности: здоровье, семейное и материальное благополучие, любовь. Это подтверждает общую тенденцию как для россиян, так и для зарубежных граждан [9, 10, 11]. Вместе с тем, наше исследование показало, что на задний план отходят такие ценности, как творчество, саморазвитие и развитие, желание помогать людям. А ведь эти ценности так необходимы для современной семьи. С одной стороны, без развития, познания нового, самореализации практически невозможно сделать карьеру, быть профессионально успешным, быть успешным в жизни – то, о чем говорят сегодня респонденты. С другой стороны, без сформированных этих ценностей у родителей вряд ли можно их сфор-

мировать у детей. В целом же анализ результатов исследования дает основание заключить, что ведущее место у современных российских семей Свердловской области занимают общечеловеческие, гуманистические ценности, которые доминируют в общественном сознании современного постиндустриального общества. Данные анкетного опроса подтверждают результаты фокус-групп: *«Семьи разные и разные ценности, не секрет что в нашем мире есть совершенно противоположные семьи не всегда благополучные. От себя я стараюсь привить ребёнку ценность к своему здоровью, потому что, это очень важно в наше время, особенно с нашей экономической обстановкой. Сейчас здоровье, это дорого, конечно же. Это ценить близких, ценить друзей. Особенно с дружбой тяжело сейчас, она маленькая, конечно, не понимает, что и как, дружбу пытается подменить другими разными понятиями. Пытаешься ей объяснить, что нужно воспринимать людей такими, какие они есть, но, тем не менее, тяжело это происходит. А так, конечно взаимопомощь, взаимовыручка, любовь к близким, это всегда было, есть и будет»* (Ольга, г. Нижний Тагил), *«Вы знаете, самый важный момент, сначала любовь, любовь, которую мы даём, любовь, которая сплачивает, а потом уже идёт поддержка, уважение и всё остальное. То есть насколько мы богаты любовью, настолько наши дети будут богаты любовью, настолько они смогут её подарить другим и будут счастливы от этого»* (Эльмира, г. Екатеринбург).

Исследование показало, что длительность пребывания в браке родителей детей дошкольного и школьного возраста не влияет на систему их жизненных ценностей. При этом анализ данных исследования показал влияние образования родителей детей дошкольников и школьников на систему их жизненных ценностей (табл. 1).

Исследование показало, что первые четыре ранга в системе жизненных ценностей опрошенных, независимо от уровня их образования, занимают ценности семьи, детей, здоровья, любви, что подтверждает тенденцию, сложившуюся в общественном мнении россиян. Существенное расхождение в ценностях между респондентами, имеющими разный уровень образования, наблюдается по таким ценностям, как успешная профессиональная деятельность, хорошее образование, успех в жизни, помощь людям, вера в Бога, друзья и свободное время. Так, ценность «успешная профессиональная деятельность» более значима для людей, имеющих среднее профессиональное и незаконченное высшее образование (6-е место в системе ценностей респондентов), менее значима для людей, имеющих основное среднее образование (17-е место). Среди

Таблица 1

Влияние образования родителей на их жизненные ценности

Жизненные ценности	Основное общее образование (9 (8) классов)	Среднее общее образование (11 (10) классов)	Начальное профессиональное образование (училище, профессиональный лицей)	Среднее профессиональное образование (техникум, колледж)	Незаконченное высшее образование (не менее 3 курсов вуза)	Высшее образование
Семья	1	1	1	1	1	1
Дети	2	2	2	2	2	2
Здоровье	3	3	3	3	3	3
Любовь	5	5	5	5	5	5
Материальная обеспеченность, благосостояние	4	4	4	4	4	6
Успешная профессиональная деятельность	17	12	9	6	6	8
Интересная работа	7	8	7	8	9	9
Хорошее образование	6	6	6	7	7	7
Познание себя, развитие своих способностей	16	14	13	12	12	12
Успешная карьера	9	7	11	11	8	14
Друзья	8	11	10	10	11	15
Успех в жизни	10	9	8	9	10	17
Помощь людям	15	10	12	13	13	18
Творчество	18	15	15	14	14	16
Вера в Бога	14	13	14	15	16	19
Свобода, независимость	13	17	16	16	15	16
Свободное время	11	18	18	17	17	16
Удовольствия, развлечения	12	19	17	19	18	18
Общественное признание, почет	19	16	19	18	19	19

последней группы опрошенных минимальное значение имеет ценность познания, развития (16-е место), творчество (18-е место), хотя высока ценность образования (6-е место в системе жизненных ценностей). Такая ситуация может быть объяснена рядом обстоятельств: как правило, эти

люди занимаются простым, рутинным трудом, где развития, творчества не требуется. Что касается ценности образования, то образование – это то, чего, с одной стороны, им не хватает, а с другой стороны, является желаемым. К тому же у них высока ценность друзей, интересной работы. Для группы респондентов, имеющих высшее образование, наименьшую ценность получили следующие ценности: удовольствия, развлечения (18-е место), общественное признание (19-е место), вера в Бога (19-е место), жизненный успех (17-е место). Так, ценность жизненного успеха для этой группы респондентов имеет самое низкое значение по сравнению с другими группами респондентов, что является тревожным симптомом. Эти данные коррелируют с данными о занятости респондентов. Большинство (до 80,0%) из них работают по найму в бюджетных организациях в сфере образования, искусства и пр. Как известно, профессия педагога, врача и др., к сожалению, не является престижной в общественном мнении россиян. С этим, очевидно, связана и ценность общественного признания, которая в системе их жизненных ценностей также занимает последнее место (впрочем, как и в системе жизненных ценностей других групп родителей). Все это не может не отражаться на жизненных ценностях респондентов. А ведь эти респонденты являются не только родителями, воспитывающими своих собственных детей, но часть из них является педагогами, воспитывающими подрастающее поколение.

Наше исследование зафиксировало влияние модели семьи на систему жизненных ценностей ее членов. Если рассматривать систему жизненных ценностей членов разных моделей семейного устройства (патриархальную, детоцентристскую и супружескую), то по большинству позиций система их жизненных ценностей совпадает. Несколько отличается ряд позиций в системе жизненных ценностей респондентов, имеющих детоцентристскую модель устройства семьи. Мы видим, что здесь большее значение по сравнению с другими семейными моделями имеют ценности любви (3-я позиция), друзей (9-я позиция), оказание помощи людям (10-я позиция). При этом гораздо меньшее значение имеют ценности жизненного успеха (12-е место) и успешной карьеры (13-я позиция). Такая ситуация вполне объяснима, так как эта модель семьи нацелена на детей, их воспитание, социализацию. К тому же отношения в таких семьях, как правило, построены на любви к детям, супругов друг к другу. Поэтому высока ценность любви, друзей, помощи людям. Когда семья и дети занимают первую позицию, то, как правило, ценность успешной карьеры отступает на задний план при высоких позициях ценностей успешной профессиональной деятельности (6-я позиция) и интересной работы (7-я позиция).

Исследование показало, что на систему жизненных ценностей опрошенных нами родителей дошкольников и школьников оказывают влияние возрастные различия респондентов. Так, ценность детей самая низкая (4-я позиция) в возрастной группе родителей старше 45 лет. Такую ситуацию можно объяснить тем, что большинство детей в таких семьях уже выросли, часть из них имеет собственные семьи. Здесь возрастает ценность внуков и ориентация супругов друг на друга. В этой возрастной группе наблюдается самая низкая ценность успешной карьеры. Очевидно, такую ситуацию можно объяснить тем, что большинство респондентов прошло свою социализацию в Советском Союзе, когда не существовало ценности успешной карьеры, жизненного успеха, что не могло не сказаться на жизненных ценностях этого поколения. Ценность успеха, успешной карьеры вошла в отечественную культуру в 90-х годах XX века. Поэтому неслучайно, что самая высокая ценность успешной карьеры (6-я позиция) свойственна возрастной группе молодых родителей до 25 лет. Для них же более высокое место занимает ценность общественного признания (15-я позиция) по сравнению с родителями более старших возрастных групп.

Территориальные различия (место проживания семьи) также оказывают влияние на формирование жизненных ценностей родителей. Наше исследование показало, что ценность семьи выше у респондентов, проживающих в сельской местности (93,5%) и малых городах (93,3%) по сравнению с жителями г. Екатеринбурга (85,0%) и крупных городов Свердловской области (87,0%). Хотя повсеместно эта ценность занимает первую позицию в системе жизненных ценностей родителей. Аналогично дело обстоит и с ценностью детей в семье. Ценность успешной карьеры (15,9%), развития способностей (14,9 %) выше у семей, проживающих в г. Екатеринбурге по сравнению с семьями, проживающими в сельской местности (8,0%) и в малых городах (9,6%). Это связано, вероятно, с теми возможностями, которые предоставляет крупный город для развития личности, в том числе, и профессионального роста. Ценность здоровья (86,7%) выше у семей, проживающих в сельской местности по сравнению с семьями, проживающими в других типах поселения. Других отличий в системе ценностей семей, проживающих в разных типах поселения, исследование не зафиксировало.

Результаты исследования. Цели формирования семьи

Безусловно, ценности супругов влияют на ценности, которые существуют в семье, на цели формирования семьи. Исследование выявило, какие цели ставят будущие супруги при формировании семьи (рис. 1).

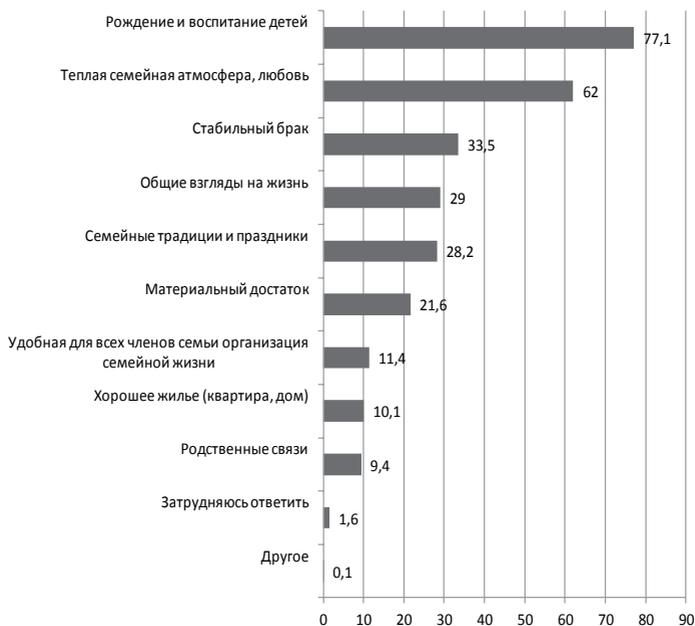

Рис. 1. Мнение респондентов о целях создания семьи (в % к числу опрошенных)

Анализ рис. 1 показывает, что основная цель создания семьи – это рождение и воспитание детей (репродуктивная и воспитательная функции семьи). На это указали 77,1 % опрошенных. На втором месте у респондентов цель – создание теплой, семейной атмосферы, любовь (62,0% респондентов). Третью позицию в целях создания семьи занимает стабильный брак. На него указал каждый третий опрошенный. Важной целью создания семьи для 29,0% респондентов послужили общие взгляды на жизнь и желание создания семейных традиций и праздников. Каждый пятый респондент создал семью с целью улучшения своего материального благосостояния. Каждый десятый опрошенный нами родитель создал семью в целях улучшения жилищной проблемы, по причине формирования родственных связей либо потому, что это удобная для всех членов семьи организация жизнедеятельности. Как видим, цели создания семьи во многом совпадают с ее основными функциями (репродуктивной, воспитательной (77,1%); социально-психологической, эмоциональной поддержки (62,0%); культурной (29,0%); хозяйственно-бытовой (10,0%),

что вполне закономерно для семьи как малой социальной группы. Часть семей была создана, исходя из прагматических целей ее членов (улучшение материального благосостояния, жилищных условий), что является весьма негативным фактом.

Исследование зафиксировало влияние территориальных различий на цели создания семьи респондентами. Чем меньше населенный пункт, тем большее число респондентов выбирает ценность «рождение и воспитание детей»; чем меньше территория проживания по своим размерам, тем больше на ней проживает тех респондентов, кто считает «материальный достаток» целью создания семьи. Для жителей сельских территорий «хорошее жилье (квартира, дом)» (15,0%) чаще выступает целью создания семьи, чем для жителей других территорий Свердловской области, например, г. Екатеринбурга, где этот показатель равняется 9,9% респондентов. Такая ситуация, вероятно, связана с более низким качеством жизни сельских жителей по сравнению с горожанами в современной России. Отсутствие работы, низкое материальное благосостояние большинства селян и пр. приводят к прагматическим целям создания семьи. Исследование показало, что для жителей сельских территорий «общие взгляды на жизнь» реже выступают целью создания семьи, чем для жителей других территорий Свердловской области. На эту цель указал лишь только каждый пятый сельский житель.

Что касается уровня образования родителей, то исследование зафиксировало, что чем выше уровень образования респондентов, тем выше значимость создания семьи следующих целей: рождения и воспитания ребенка (людей с основным общим образованием – до 83,3% (от 63,1% людей с высшим образованием), создание теплой семейной атмосферы (от 42,9% людей с основным общим образованием – до 68,2% людей с высшим образованием); стабильность брака (от 27,4% людей с основным общим образованием до 48,8 % людей с высшим образованием); общие взгляды на жизнь (от 25,0% людей с основным общим образованием до 30,0% людей с высшим образованием); создание семейных традиций (от 11,9 % людей с основным общим образованием до 31,6 % людей с высшим образованием). Действительно, эти цели направлены на создание успешной семьи в плане реализации ею основных функций (репродуктивной, воспитания и социализации детей, психологической, эмоциональной поддержки членов семьи, культурной). Этих супругов при создании семьи в меньшей степени заботило улучшение своего материального благосостояния. Очевидно, эти респонденты при создании

семьи в большей степени руководствовались удовлетворением духовных потребностей. Часть респондентов руководствовались, отчасти, удовлетворением своих материальных потребностей при создании семьи. Причем число таких супругов возрастает в зависимости от уровня полученного ими образования. Исследование показало, что чем ниже уровень образования респондентов, тем выше у них значимость следующих целей создания семьи: улучшение своих жилищных условий (возрастает от 6,7% респондентов с высшим образованием до 22,6% респондентов с основным общим образованием), улучшение материального благосостояния (возрастает от 16,1% респондентов с высшим образованием до 32,1% респондентов с основным общим образованием).

Исследование выявило ряд отличий по некоторым позициям в целях создания семьи в зависимости от продолжительности брака респондентов. Так, значимость такой цели, как формирование семейных традиций, возрастает у семей со стажем брака от 5 лет до 14 лет (от 23,0% до 34,7% соответственно по каждой группе респондентов). Аналогично возрастает на 7,0% значимость цели стабильности брака в этих группах. Цель материального достатка оказалась наиболее значимой при создании семьи для респондентов, длительность брака которых составляет от 5 до 10 лет (24,0%) и наименее значимой для респондентов, состоящих в браке свыше 20 лет (17,8%). Вступление в брак с целью улучшения жилищных условий оказалось наиболее значимым для респондентов, живущих в браке более 20 лет (14,5%) и наименее значимой для респондентов, состоящих в браке от 11 до 20 лет (7,6). Других различий в целях создания семьи респондентами по показателю длительности брака исследование не обнаружило.

Исследование выявило ряд отличий по некоторым позициям в целях создания семьи в зависимости от возраста респондентов. Значимость цели материального достатка с возрастом респондентов уменьшается (для респондентов в возрасте 45 лет и старше эта цель у 19,2% опрошенных, в возрасте до 25 лет – у 27,4% респондентов), также с возрастом уменьшается значимость цели стабильного брака (28,5% и 34,0%, соответственно). С возрастом увеличивается значимость цели формирование семейных традиций с 14,2% (до 25 лет) до 30,0% во всех старших возрастных группах, а также цели «общие взгляды супругов» с 26,0% (до 25 лет) до 32,0% в старших возрастных группах.

Результаты исследования. Семейные ценности респондентов

В исследовании нас интересовал вопрос о семейных ценностях респондентов (см. табл. 2).

Таблица 2

Мнение респондентов о семейных ценностях
(в % к числу опрошенных)

Ценности семейных отношений	% от числа опрошенных
Взаимное уважение и доверие	81,6
Любовь и забота друг о друге	50,9
Дружеские отношения детей и родителей	38,1
Семейное единство и сплоченность	33,3
Семейное общение	19,7
Возможность получить поддержку при решении важных вопросов	16,0
Материальное благополучие	12,5
Равенство и партнерство всех членов семьи	12,1
Гармоничные сексуальные отношения	7,9
Возможность реализации вне семьи	2,1
Автономность и свобода самовыражения	1,5
Затрудняюсь ответить	1,5
Другое	0,03
Итого	227,4

* Сумма превышает 100%, т.к. респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа на вопрос

Анализ данных табл. 2 показывает, что ведущей семейной ценностью у респондентов является взаимное уважение и доверие. На нее указало 81,6% респондентов. Каждый второй респондент отметил важность семейной ценности любви и заботы членов семьи друг о друге. На третьей позиции оказалась ценность поддержания дружеских отношений детей и родителей (38,1%). Каждый третий опрошенный отметил важность семейной ценности единства и сплоченности семьи. Для каждого пятого респондента важна ценность семейного общения и возможность получить поддержку в семье. В целом, семейные ценности во многом отражают жизненные ценности респондентов. Действительно, выделенные респондентами ценности являются основой семьи как малой социальной группы, тем, без чего невозможно создать крепкую семью. Остальные ценности для респондентов оказались менее важными. Данные фокус-групп подтверждают результаты анкетного опроса: *«Ну, я не знаю, я воспитана именно в 90-е года, получается, для меня ценность, у меня полная семья*

и у мужа полная семья, поэтому как бы и брак у нас крепкий, я считаю, что воспитание было такое» (Екатерина, г. Екатеринбург); «Именно для нашей семьи, самое главное – это поддержка близких. Вот знаете, это когда у тебя есть плечо, на которое можно опереться, если есть сложные ситуации в жизни, и вот тут главное, чтобы твоя семья тебя поняла, не критиковала, не кричала, не говорила: “Как мы устали от твоей работы или ещё, какой-то ситуации”, а именно в этот момент тебя поддерживали. Для меня это самое главное» (Светлана, г. Екатеринбург); «Я тоже считаю, от любви никуда не уйдёшь. Когда люди живут в месте, оно само по себе, какое-то уважение, если это по любви, конечно брак. К детям, самое главное не только уважение. Современные дети, сейчас даже не замечают вот этого, особенно мальчики им нужно это доносить, какие-то традиции, проведение праздников» (Юлия, г. Екатеринбург).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в то время, как некоторые жизненные ценности меняют свое содержание (например, жизненный успех, карьера, самореализация) в связи со смещением ценностей россиян из поля коллективистского менталитета в сторону индивидуалистских ценностей западного образца, традиционные ценности (семья, любовь, уважение к старшим и т.п.), прививаемые семейные ценности в типичной российской семье, сохраняют свою значимость. Анализ влияния возрастных различий на семейные ценности респондентов выявил некоторое различие по ряду позиций. Так, ценность семейного единства и сплоченности семьи выше у старших возрастных групп (у респондентов в возрасте до 25 лет – 28,3% против 37,0% у респондентов старше 45 лет). У старших возрастных групп выше также ценность семейного общения (16,0% в возрасте до 25 лет против 24,0% в возрасте свыше 26-35 лет), ценность возможность получения поддержки в решении важных вопросов также выше по своей значимости. Такая ситуация вполне объяснима, так как данные, касающиеся возраста респондентов коррелируют с данными о длительности брака респондентов. Гораздо меньшее значение у старшего поколения имеет ценность гармонии сексуальных отношений. На важность этой семейной ценности указал каждый двадцать пятый респондент, находящийся в возрастной группе 45 лет и выше, в то время как важность данной семейной ценности отметил каждый девятый респондент в возрасте до 25 лет. Причина здесь кроется в возрастных, физиологических, психологических особенностях респондентов. К тому же социализация респондентов старших возрастных групп проходила в Советском Союзе, когда ценности гармонии сексуальных отношений в браке не придавалось

особого значения. Молодежь социализируется сегодня в иных социокультурных, экономических, политических условиях.

Что касается семейных ценностей респондентов, имеющих разные модели семьи, то анализ данных исследования показывает незначительное расхождение в семейных ценностях представителей разных типов семей. Так, в детоцентристской модели семьи большую значимость по сравнению с другими моделями семьи имеют следующие семейные ценности: любовь и забота близких (54,9%), дружеские отношения между родителями и детьми (45,6%), возможность получения поддержки при решении важных вопросов (18,0%), семейное общение (18,0%), что отличает эти семьи выгодным образом от других типов семей. Значимость таких ценностей, как семейное общение (30,0%), равенство и партнерство всех членов (14,6%), семейное единство и сплоченность (40,0%) выше у супружеской модели семьи.

Результаты исследования. Жизненные ценности респондентов, формируемые ими у своих детей

Жизненные ценности родителей, семейные ценности влияют на формирование жизненных ценностей детей. В исследовании нами проанализирован вопрос о том, какие ценности родители пытаются сформировать у современных детей.

Рис. 2. Мнение респондентов о ценностях, которые необходимо формировать родителям у детей (в % к числу опрошенных)

Как видим, анализ рис. 2 показывает, что, в первую очередь, у детей необходимо формировать культуру поведения в обществе. На это указало около 60,0% опрошенных родителей. Вторую позицию занимает ценность уважительного отношения к членам семьи (48,5%). Третью позицию занимает ценность семейных отношений (43,8%). 38,2% опрошенных указали на то, что у ребенка необходимо формировать жизненные ценности, которые существуют в их семье. Каждый четвертый респондент полагает, что у ребенка необходимо формировать культуру общения и культуру речи. Положительным моментом является тот факт, что около 60,0% опрошенных родителей указало на то, что у ребенка необходимо формировать семейные ценности (ценность детей, семейный образ жизни, ценность отцовства, материнства, ценность жены, матери). Установка на семейные ценности является положительным трендом в современной отечественной культуре. После распада СССР семейные ценности были утрачены в общественном мнении россиян. К тому же, возрождение ценности семьи является одной из первостепенных задач в современной России. Данные фокус-групп подтверждают результаты количественного исследования: *«Уважение, любовь в семье, когда создаёт свою. Чтобы была целеустремлённость, создать свою семью полную» (Эльмира, г. Екатеринбург); «Я тоже считаю, от любви никуда не уйдёшь. Когда люди живут вместе, оно само по себе, какое-то уважение, если это по любви, конечно брак. К детям, самое главное не только уважение. Современные дети, сейчас даже не замечают вот этого, особенно мальчики им нужно это доносить, какие-то традиции, проведение праздников» (Юлия, г. Екатеринбург); «Я думаю взаимопонимание, даже если трое или даже если ребёнок один, взаимопонимание, какое-то складывается. Вот они рождаются и я сам по себе вроде бы. Проходит время и ребёнок понимает, а есть мама, есть папа, какие-то роли формируются. Каждый понимает свою роль в семье. Кто-то оказывает помощь, кто поругает, кто пожалеет и дети тоже так же. Взаимопонимание, взаимовыручка» (Татьяна, г. Екатеринбург).* Каждый четвертый опрошенный родитель отметил, что у ребенка необходимо формировать умение приспосабливаться к любой ситуации, что является тревожным симптомом. В последнее время в нашем обществе утеряна ценность «активности», «активной жизненной позиции». Очевидно, родители, которые формировались в этих условиях, пытаются и в своих детях сформировать «приспособленчество», «пассивность» в различных жизненных ситуациях. В этом мы видим одно из противоречий формирования родителями ценностей

детей: между необходимостью со стороны общества формирования социально активной личности подрастающего поколения, формирования их гражданских качеств и желанием части родителей сформировать у ребенка приспособленчество, адаптивность к различным сферам жизнедеятельности общества.

Исследование показало, что уровень образования родителей оказывает влияние на их мнение о том, какие ценности они должны сформировать у своего ребенка. Такая позиция, как необходимость формирования жизненных ценностей, имеющихся в семье, выше среди родителей, имеющих высшее образование. На эту позицию указало 43,0% опрошенных с высшим образованием, в то время, как ее выбрали 27,4% респондентов, имеющих среднее полное и неполное образование. Также ценность семейных отношений, которую необходимо сформировать у ребенка, занимает более высокую позицию во мнении респондентов с высшим образованием по сравнению с мнением респондентов, имеющих среднее образование (48,1% против 27,1%). Более высокую позицию занимает и ценность культуры поведения, которую необходимо привить ребенку (60,0% против 47,5%). «Умение приспособливаться» гораздо выше ценится родителями, имеющими среднее образование (34,8%), по сравнению с родителями, имеющими более высокий уровень образования (22,5%). По другим позициям существенных отличий не обнаружено. Такая ситуация вполне объяснима. Люди с более высоким уровнем образования, как правило, обладают и более высоким уровнем культуры, социальным статусом, они же и более активны в жизни. Поэтому закономерно, что эти ценности, личностные качества они хотели бы видеть и в своих детях. Что касается моделей семьи, то здесь мы получили еще меньше различий между ними по вопросу о том, что должны формировать родители у детей. Существенное отличие наблюдается по двум позициям, которое отличает мнение родителей детоцентристской модели семьи от мнения родителей, представителей других моделей (патриархальной и супружеской). Это ориентированность ребенка (детей) на семейный образ жизни (37,3%); ценность семейных отношений (48,5%), что, с одной стороны, коррелирует с данными о семейных ценностях этой группы респондентов, а с другой, именно ориентированность на семью, детей и характеризует эту модель семьи. Эти семьи в меньшей степени полагают, что детей надо обучать приспособливаться к жизни. На это указало 22,0% представителей детоцентристской модели семьи в противоположность представителям патриархальной модели, где этот показатель оказался самым высоким – 29,0%.

Длительность пребывания респондентов в браке также влияет на их мнение о том, что необходимо, в первую очередь, формировать у ребенка в семье. Хотя эти различия не столь существенны. Наблюдаются отличия по ряду позиций. Так, на необходимость формирования ориентации ребенка на семейный образ жизни указал каждый третий респондент, на необходимость формирования ценности семейных отношений – каждый второй, состоящий в браке более 20 лет. Меньшую значимость эти ценности получили у респондентов, состоящих в браке менее 5 лет (22,0% и 40,0%). Также в первой группе респондентов самую низкую оценку получила такая ценность, как привитие ценностей, характерных для их семьи. Это может быть объяснено опытом семейной жизни респондентов. Ценность формирование культуры общения и культуры речи у ребенка наиболее значимы для респондентов, состоящих в браке – менее 5 лет и от 5 до 11 лет (27,0%). Для этих же групп респондентов оказалось более значимым научить ребенка приспосабливаться в жизни (28,0%). Остальных существенных различий во мнениях респондентов о том, что необходимо, в первую очередь, формировать у ребенка у этих групп респондентов исследование не выявило.

Исследование зафиксировало, что существенное влияние на мнение родителей о том, что, в первую очередь, необходимо сформировать у ребенка, оказывает возраст, в котором они находятся (см. табл. 3).

Анализ табл. 3 показывает, что мнение родителей, входящих в разные возрастные группы, по поводу первоочередности формирования ценностей у ребенка расходится по многим позициям. Такие позиции, как ценность семейных отношений (46,0% против 23,0%), формирование определенного образа жизни (11,3% против 6,6%), формирование умений выполнять домашние дела ребенком (обязанности мужа и жены) (19,2% против 12,3%), жизненные ценности семьи (41,8% против 32,3%) оказались более значимыми для людей, находящихся в возрасте старше 45 лет, нежели респондентов, находящихся в возрасте младше 25 лет. Эти данные коррелируют с данными о длительности пребывания респондентов в браке. Респонденты, возраст которых находится в интервале до 25 лет, имеют и незначительный опыт семейной жизни (до 5 лет). Ценность «умение приспосабливаться к жизни» получила наивысшую значимость у родителей детей, находящихся в возрасте от 26 до 35 лет (28,6%). Очевидно, это можно объяснить теми условиями, в которых формировались эти респонденты. Их формирование прошло в конце 90-х годов XX века и начале XXI века. Часто это поколение называют «поколением Next», которому в большей степени свойственна пассивность, «пофи-

Таблица 3

Влияние возраста родителей на мнение о том, что, в первую очередь, необходимо сформировать у ребенка (в % к числу опрошенных)

Ценности	До 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	Старше 45 лет
Ориентированность ребенка (детей) на семейный образ жизни	21,7	24,0	29,6	40,8
Культуру поведения, образцы поведения в обществе	57,5	62,2	57,4	50,7
Культуру общения, культура речи	32,1	26,3	20,3	16,4
Жизненные ценности, значимые для Вашей семьи	32,1	36,0	40,3	41,8
Представление о том, каким мужем/женой должен стать ребенок в будущем	13,2	7,3	8,9	10,8
Представление о том, каким отцом/матерью должен стать ребенок в будущем	13,2	9,5	11,5	8,5
Уважительное отношение ко всем членам семьи	48,1	49,1	47,8	47,9
Умение приспосабливаться к любой ситуации	21,7	28,6	21,5	15,0
Умение выполнять домашние дела, свойственные роли мужа или жены	12,3	11,2	14,1	19,2
Ценность семейных отношений	34,0	39,5	46,8	46,0
Определенный образ жизни	6,6	6,4	6,7	11,3
Соблюдение традиций и норм	8,5	7,5	9,0	9,9
Другое	0,0	,2	,6	0,0

* Сумма превышает 100%, т.к. у респондентов была возможность выбрать несколько вариантов ответа.

гизм», во многом «приспособленчество». Такими их сформировала сама окружающая реальность, те социальные условия, в которых проходила их социализация. Сформированные стереотипы, ценности они пытаются перенести на своих детей. Сегодня изменилась ситуация в обществе, изменились и требования к формированию молодого поколения. Поэтому эти семьи требуют особого внимания со стороны школы, общественных организаций, общества в целом.

В исследовании нас интересовал вопрос о том, должна ли школа, СМИ способствовать формированию жизненных ценностей детей?

Большинство родителей (участники фокус-групп) выразили единодушные по вопросу о том, что семья, в первую очередь, должна заниматься формированием жизненных ценностей ребенка: *«Я в принципе согласна с девушкой, что школа, это в помощь. На самом деле, все идёт сначала из семьи, но и потом информацию, которая поступает, нужно дозированно детям давать и объяснять. Потому что, в основном восприятие у них на самом деле своё, чтобы понять, что происходит, всегда должен родитель помочь. При этом должно быть доверие. Обратная связь должна быть. Семья первична»* (Инна, г. Екатеринбург); *«Я считаю, что школа и дошкольные организации, они идут как помощь, не как основной элемент воспитания ценностей, они идут в помощь. Всё равно всё должно идти из семьи»* (Екатерина, г. Екатеринбург). И с этим сложно не согласиться. Как мы отмечали в первой главе, именно в семье ребенок проходит первичную социализацию, а следовательно, и формирует свои жизненные ценности.

Респонденты также выделили дошкольное и школьное образование как важный фактор формирования жизненных ценностей ребенка. Однако образование они поставили на вторую позицию после семьи, что вполне закономерно: *«Формирование ценностей должно идти еще с дошкольной организации, уже там. Вообще с рождения формируются все ценности. Ребёнок растёт в семье, дальше его первая ступень: детский сад обязательно, то есть уже там прививается это. Дальше школа, ну и, конечно же, – телевидение наше и СМИ»* (Светлана, г. Екатеринбург), *«Да. Школа должна помочь семье в этом процессе»* (Эльмира, г. Екатеринбург). Действительно, школы и дошкольные учреждения наряду с образовательной функцией всегда выполняли и функцию социализации, воспитания подрастающего поколения. Однако после распада СССР функция социализация была передана семье. Сегодня эта функция вновь «возвращается» в школу, что является положительной тенденцией.

Все опрошенные нами родители указали на СМИ как важный фактор формирования ценностей детей. Вместе с тем, респонденты дали негативную оценку СМИ, особенно российскому телевидению, в этом процессе: *«Сейчас в СМИ идёт потоком очень много негатива. Причём раньше, если мы вспомним, то, какие-то ограничения были по времени. Сейчас можно утром включить передачу в выходной день и там будут показывать такие вещи, которые вообще-то ребёнку пяти, шести, семи лет смотреть не то, что нельзя, запрещено»* (Светлана, г. Екатеринбург); *«...Даже если взять детские мультики, тоже я думаю, извращения, простите, за такое слово, на самом деле. Потом откуда*

у них вот эти слова, выражения, как они общаются друг с другом. Даже передают действия, это всё идёт оттуда. Я считаю, что поток информации имеет большое влияние на подрастающее поколение. Если мы взрослые уже можем дифференцировать и понимать, что это плохо, а это хорошо, то ребёнку очень сложно понимать. И если ещё, допустим, в семье одни ценности, и мы как родители воспитываем, что это плохо, а вот это хорошо, и ты, пожалуйста, так не делай. Он сидит перед телевизором и видит совершенно обратную картинку (Эльмира, г. Екатеринбург); «По поводу СМИ, я тоже согласна, что идёт очень большой поток и он не всегда положительный, и не всегда есть, что оттуда почерпнуть хорошего» (Екатерина, г. Екатеринбург); «Если мы сейчас анализируем то, что сейчас у нас через новости спускается, это одни жареные факты, то есть если хорошая новость, она даже СМИ не интересна. Они приезжают даже на какое-то событие, если там криминал, пожар из ряда вон выходящие. Если это хорошее культурное мероприятие они не поедут. Это не является интересом для наших современных СМИ. Что касается того, что на улице у нас происходит, выйди во двор и посмотри. То есть культурных событий тоже особо-то не очень, не увидишь (Светлана, г. Нижний Тагил); «Телевизор можно было бы некоторые каналы убрать, но ты же их не закроешь, в детстве я закрывала, пошло кабельное “2х2”, просто заблокировала. Те же каналы НТВ и так далее, дети идут на каникулы, сидят дома, что они смотрят. Мы увлекались электроникой, нашим детям это не интересно, можно показать какой-то детский современный фильм, они же всё равно же есть (Наталья, г. Нижний Тагил)». Безусловно, СМИ обладают огромным образовательным потенциалом. Однако в условиях рынка, когда существование СМИ зависит не только от тиража, но и от финансовых возможностей спонсоров, они в большей степени заинтересованы не в предоставлении объективной и беспристрастной информации, а в погоне за сенсациями, скандалами, которые способны привлечь новых читателей, а еще больше – в выполнении социального и политического заказа спонсоров, что отрицательно сказывается на формировании жизненных ценностей подрастающего поколения. К тому же, как отмечают наши респонденты, наблюдается увеличение деструктивного воздействия СМИ на процесс формирования жизненных ценностей детей и подростков, так как образцы, транслируемые с экранов телевизоров, приводят к дальнейшей деформации духовно-нравственных ценностей, размыванию морально-этических норм. Особую тревогу вызывает неконтролируемый рост информации,

провоцирующий насилие, сексуальную распущенность, цинизм, неуважение к законности, пренебрежение к Отечеству, потребительское отношение к обществу и государству. Ясно, что подобная информация негативно влияет на формирование и развитие ценностей подрастающего поколения. Вместе с тем, было бы несправедливо говорить о том, что СМИ только негативно влияют на формирование ценностей ребенка. Поскольку содержание массовой информации охватывает все стороны связей человека с обществом и его подсистемами, все области социальных отношений, в которые включена личность. К сожалению, в современных российских СМИ имеется мало образовательных программ (особенно, на центральных каналах), к сожалению, отсутствует «детское и юношеское» кино и пр.), что необходимо для формирования жизненных ценностей ребенка. Таким образом, можно согласиться с мнением опрошенных нами родителей о том, что средства массовой информации, которые могли бы положительно влиять на формирование ценностей ребенка, своей роли не выполняют.

Когда мы говорим о воспитании, то всегда имеем в виду два момента: процесс и результат. Результатом процесса воспитания в семье выступают те качества, которые родители смогли сформировать у ребенка. В исследовании нами был выяснен вопрос о том, как родители оценивают «возможные» результаты воспитания своего ребенка (табл. 4).

Анализ данных табл. 4 показал, что 65% респондентов получили бы в ответ на вопрос о том, что они сформировали у своего ребенка – «Любовь и заботу близких». Такой вариант ответа соответствует тем семейным ценностям, которые, в первую очередь, выделили респонденты (48,0%) (см. табл. 3). 42,5% опрошенных полагают, что они бы сформировали у детей умение добиваться поставленных целей (целеустремленность) и почитание старших. Каждый пятый респондент указал на то, что он «сформировал» у своего ребенка самостоятельность в принятии решений, стремление к развитию и саморазвитию, стремление к повышению уровня образования и культуры. По мнению 38,2% опрошенных, у их детей «сформированы» навыки общения. Каждый третий опрошенный родитель «привил» нормы морали и здоровый образ жизни. Каждый пятый респондент «сформировал» у своего ребенка активную жизненную позицию, прилежание, чувство патриотизма и пр. Если мы сравним данные, то увидим ряд расхождений во мнении респондентов о том, какие ценности необходимо сформировать у ребенка, и какие гипотетически сформированы ими у своих детей. 24,0% респондентов отмечали, что им необходимо сформировать у ребенка

Таблица 4

Мнение респондентов о «возможных» результатах
воспитательной деятельности
(в % к числу опрошенных)

Предполагаемые результаты семейного воспитания	% от числа опрошенных
Любовь и заботу о близких	65,3
Умение добиваться поставленных целей	42,5
Научили чтить возраст, почитать старшее поколение	40,5
Научили общаться с другими людьми	38,2
Нормы морали	35,6
Научили вести здоровый образ жизни	32,3
Самостоятельность в принятии решений	26,5
Стремление развивать свои способности	25,6
Стремление повышать образование и культурный уровень	23,5
Активная жизненная позиция	20,0
Прилежание, дисциплину	17,8
Умение вести самостоятельный, «взрослый» образ жизни	17,8
Патриотизм	14,8
Стремление достичь материального благополучия	10,9
Научили общаться с представителями противоположного пола	5,9
Умение устроиться в жизни	5,1
Научили ставить свои интересы выше других	1,2
Другое	1,0

* Сумма превышает 100%, т.к. респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа на вопрос.

умение приспосабливаться в жизни (должное), а в результате процесса воспитания они хотели бы видеть у ребенка сформированную активную жизненную позицию (сущее) (20,0%). Формирование таких ценностей, как образование, развитие способностей ребенка, здоровый образ жизни, к сожалению, никто из опрошенных респондентов не отмечал. К тому же эти ценности в системе жизненных ценностей родителей не занимают ведущих позиций, о чем мы писали ранее. Однако каждый пятый респондент полагает, что именно эти ценности будут сформированы им у его ребенка. Здесь мы вновь видим противоречие между должным и сущим. Возникает вопрос о том, кто будет эти ценности формировать? Каким образом они будут сформированы? Такая ситуация может быть

объяснена рядом причин. Во-первых, осознанием большинства родителей, что в современной жизни эти ценности необходимы личности для того, чтобы быть успешной в жизни: *«Моя задача, чтобы ребёнок понимал, прежде всего, и учился сам принимать какие-то решения, на чём-то он же должен их основывать, что необходимо принимать во внимание, когда ты решаешь, какой шаг тебе сделать. Сейчас это так необходимо»* (Светлана, г. Нижний Тагил); *«Уверенность в себе, в жизни и быть настоящим человеком. В любой момент помочь, независимо от того нужен этот человек или не нужен в каких-то ситуациях, хороший он или плохой. Бывают ситуации в жизни, когда люди просто идут и падают, а к ним никто не подходит, чего-то боятся, а чего боятся, может человеку плохо, не важно: пьяный, не пьяный, надо подойти и помочь, человечность должна быть в каждом* (Инна, г. Екатеринбург); *«Ребёнок должен быть адаптирован к этой сменяемости, какую-то устойчивость иметь психологическую, потому что даже материальное благосостояние тебя не защищает. В жизни столько всяких ситуаций нужно уметь держать удар, уметь отвечать. Это какая-то стойкость, целеустремлённость, позитив обязательно. Мобильность, активная позиция в жизни, нет, что у тебя не получилось, ты сел и расстроился, нет, вставай, иди дальше, делай это и это, пробуй везде себя. Я хочу своих детей видеть такими.* (Светлана, г. Екатеринбург); *«Уверенность в себе, чтобы достигали поставленных целей, падали и поднимались, чтобы не сдавались. Чтобы уважение оставалось»* (Эльмира, г. Екатеринбург). Во-вторых, отмеченные респондентами ценности активно входят в современную отечественную культуру и общественное мнение россиян (здоровый образ жизни, патриотизм, самостоятельность, уверенность в себе и пр.): *«Да, и потом получается, что дети не могут не в коллективе общаться, ничего. Я бы хотела реально, несмотря на вот эти все веяния, типа условностей “Будь собой”, хотя “Будь собой”, это хорошо в нормальном понимании. Чтобы какие-то человеческие моменты были на первом месте, а не то, что карьера к примеру. Я смотрю у нас девочки молодые пошли по головам, им плевать на условности, соблюдение каких-то чисто моральных правил. Морали никакой, только цели. Им плевать, что они обижают людей. Я просто в шоке. Хотя мы наблюдаем очень много молодых, талантливых людей, в силу работы я сталкиваюсь. Я вот тоже сейчас думаю, наверно, сейчас такое время, приветствуется, куда не сунься, какой-то эгоцентризм вырабатывается, что ты личность. Детям преподносят это с позитивной стороны, а на самом*

деле зерно этого эгоизма. И вот они подрастают и в них растут: “Ты личность”» (Татьяна, г. Екатеринбург).

Проведенный анализ позволил сделать ряд выводов. Во-первых, ведущее место у современных российских семей Свердловской области занимают общечеловеческие, гуманистические ценности, которые доминируют в общественном сознании современного постиндустриального общества. Не может не беспокоить тот факт, что ценность «общественное признание» заняла последнее место в системе жизненных ценностей респондентов.

Во-вторых, ведущими семейными ценностями у респондентов являются: взаимное уважение и доверие членов семьи друг к другу; любовь и забота членов семьи друг о друге; поддержания дружеских отношений детей и родителей; единства и сплоченности семьи.

В-третьих, ведущими целями создания семьи у респондентов являются: рождение и воспитание детей; создание теплой, семейной атмосферы; любовь; стремление к стабильному браку; общие взгляды на жизнь и желание создания семейных традиций и праздников. Каждый пятый респондент создал семью с целью улучшения своего материального благосостояния.

В-четвертых, ведущие ценности, которые необходимо формировать у детей: культуру поведения в обществе; уважительное отношение к членам семьи; жизненные ценности, которые существуют в их семье; культуру общения и культуру речи.

Список литературы

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братя Карич»), 1996. 304 с.
2. Вишневский А.Г., Денисенко М.Б., Елизаров В.В.. Приоритеты демографической и миграционной политики России / под ред. А.Г. Вишневского. Доклады РЕЦЭП № 14, М., РЕЦЭП, 2007. 225 с.
3. Банникова Л.Н., Боронина Л.Н., Вишневский Ю.Р. Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества // Социологические исследования. 2013. № 2.
4. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Современная молодежь: тенденции социализации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 6 (94). С. 5-36.
5. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 204 с.
6. Молодежь новой России: ценностные приоритеты. 7.1. Морально-нравственные ценности молодежи // Институт социологии РАН. Публикации [Элек-

тронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_7_1.html (дата обращения: 25.09.2017).

7. Черкасова А.А. Жизненные ценности студенческой молодежи в России и США: социологический анализ. Автореферат на соискание учёной степени кандидата социологических наук. Екатеринбург, 2012. С. 49.

8. Грунт Е.В. Проблема смысла жизни в истории западноевропейской философии (от античности до конца XIX века), Челябинск, 1996. С. 151.

9. Галюк А.Д. Жизненный успех в общественном мнении молодежи: авторефер. дис. ... к.с.н. Екатеринбург, 2004.

10. Грунт Е.В., Терещук Е.А. Современное состояние корпоративной культуры в органах государственной службы. Челябинск, 2008.

11. Социологи ВЦИОМ выяснили главные жизненные ценности россиян. Режим доступа: <https://www.kp.ru/online/news/2769593/> (дата обращения: 20.09.2017).

4.4. Ресурсы медицинского учреждения в развитии условий доступности медицинской помощи детям с тяжелыми нарушениями здоровья

Социально-экономические изменения, происходящие в России, все глубже проникают в социальную сферу, непосредственно затрагивая интересы различных общественных групп. Но далеко не всегда изменения направлены на создание условий для полной реализации потребностей граждан. Они особенно чувствительны в отношении социально слабых групп, среди них – дети, имеющие тяжелые заболевания с рождения, в связи с которыми они приобретают инвалидность. В современных условиях наблюдается возрастание этой группы детей в общей популяции детского населения. Согласно статистическим данным, число детей-инвалидов в России составляет 60 случаев на 10 000 населения. Среди них 47,5% – дошкольного возраста, 52,5% – дети школьного возраста. За последние пять лет число детей-инвалидов выросло почти на 10%, как свидетельствуют данные службы Уполномоченного по правам ребенка при Президенте РФ. В Свердловской области в последние два года доля детей-инвалидов составляет 2,1% в общей популяции детей. На фоне негативных тенденций демографической ситуации формируется современная социальная политика в отношении детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов, нацеленная на повышение уровня и качества жизни этой социальной группы, на их полноценную социальную интеграцию. В рамках обозначенной политики поставлена

задача формирования социальных условий, позволяющих максимально адаптироваться к ним каждому ребенку, в том числе детям, нуждающимся в медико-социальной реабилитации в связи с тяжелыми нарушениями здоровья. Среди социальных условий первостепенное значение в соответствии с Государственной программой «Развитие здравоохранения» (от 15 апреля 2014 г. № 294) приобретают условия, обеспечивающие качество и доступность медицинской помощи этим детям.

Длительное время система здравоохранения по отношению к детям-инвалидам выполняла функцию социальной защиты, но усиливающаяся коммерциализация медицинских услуг не способствует выполнению ее социальной миссии. Более того, даже при сохраняющемся у государственной системы здравоохранения намерении реализовать законодательно закрепленную миссию, нередко возникают ситуации, оборачивающиеся для детей-инвалидов барьерами в получении медицинской помощи.

При переходе к страховой медицине, системе одноканального финансирования медицинских учреждений и многоуровневой организации медицинской помощи происходят изменения условий предоставления медицинской помощи, ее объема и характера, это повышает возможности для детей с тяжелыми заболеваниями для восстановления и поддержания здоровья, профилактики заболеваний. Но они имеют неоднозначный характер с точки зрения удовлетворения потребностей в поддержании здоровья этих детей, противоречивость проявляется во всех ключевых направлениях реформирования здравоохранения, рассмотрим некоторые из них.

В силу дефицита бюджетных средств на удовлетворение социальных нужд населения уже в начале общественных преобразований, связанных с переходом на новые экономические отношения, государством были приняты минимальные социальные стандарты, которые распространялись и на медицинское обслуживание. С одной стороны, это создавало возможность хотя бы в минимальном размере обеспечить доступность медицинской помощи большинству граждан, в частности детям-инвалидам. Но, с другой стороны, это неизбежно приводит к тому, что за часть медицинских услуг родители детей вынуждены платить самостоятельно, не все семьи, чьи дети нуждаются в медицинской помощи, могут такими услугами воспользоваться. Для них отсутствие финансовых возможностей ограничивает медицинскую помощь в том объеме, которая может привести к достижению позитивных изменений в состоянии здоровья ребенка.

Изменения организационного характера связаны с введением многоуровневой системы медицинских учреждений. Они были направлены

на то, чтобы оптимально перераспределить ресурсы между учреждениями разного уровня, сконцентрировав часть из них в специализированных учреждениях для обеспечения доступности высокотехнологичной помощи детям, страдающим тяжелыми заболеваниями. Для того чтобы семья, воспитывающая ребенка, имеющего соответствующие показания для лечения, смогла поместить его на лечение в такое учреждение, ей необходимо получить направление от специалистов медицинского учреждения первичного приема на территории своего проживания. Но изменения условий финансирования медицинских учреждений по принципу «деньги следуют за пациентом», чем больше пролечено пациентов, тем больше будет оплачено проведенных медицинских манипуляций медицинскому учреждению из средств территориальных фондов обязательного медицинского страхования (ТФОМС), создают ситуации, когда учреждение не заинтересовано «передавать» своих пациентов в учреждение более высокого уровня. При установленном минимальном штате специалистов оно стремится сохранить своих пациентов, поэтому для некоторых из них такой порядок организации медицинской помощи становится серьезным барьером в ее доступности.

Распространение медицинских платных услуг потребовало усиления контроля соблюдения государственных гарантий органами управления в отношении медицинских учреждений, которые могут предоставлять детям-инвалидам медицинскую помощь на платных условиях, когда их родители, например, не имеют возможности или не хотят дожидаться приема своего ребенка специалистом в течение какого-то времени в специализированном медицинском учреждении. Вне очереди и ожиданий они могут получить эту услугу, оплатив ее. Запрет на предоставление детям-инвалидам медицинской помощи на платной основе – это также своеобразная преграда, ограничивающая ее доступность. Несмотря на законодательно обеспеченный бесплатный и приоритетный характер медицинской помощи детям-инвалидам, ее доступность приобретает новые ограничения, вызванные происходящими изменениями в организации, порядке и объемах предоставления медицинских услуг в отечественной системе здравоохранения.

Следовательно, в условиях ограниченных ресурсов трансформация государственной системы российского здравоохранения связана не столько с удовлетворением потребностей в сохранении и поддержании здоровья детей-инвалидов, сколько с оптимизацией государственных расходов на медицинскую помощь. В этих условиях институт здравоохранения вынужден выполнять функцию дифференциации пациентов, поэтому часть

из них даже при наличии установок на сохранение здоровья сталкивается с барьерами, ограничивающими доступ к необходимой им медицинской помощи. В то же время усиливающееся противоречие между социальными ожиданиями в отношении деятельности учреждений, предоставляющих медицинскую помощь детям-инвалидам, и формирующимися извне условиями их деятельности заставляет обратиться к исследованию внутренних возможностей учреждения, обеспечивающих доступность помощи этим детям, не требующих увеличения материальных, в частности финансовых затрат. Социологический подход к изучению обозначенной исследовательской проблемы ориентирует на анализ возможностей, связанных с условиями профессиональной деятельности специалистов, формирующихся под воздействием утвердившейся организационной культуры учреждения. На уровне межличностного взаимодействия врача с родителями ребенка-инвалида такие ресурсы связаны со способами профессиональной коммуникации.

Методология проведенного нами исследования (*Исследование проведено на базе многопрофильного клинического медицинского центра «Бонум» (Екатеринбург), являющегося больницей восстановительного лечения для детей с врожденными и приобретенными патологиями и относящегося к высокотехнологичным специализированным медицинским учреждениям. Выбор учреждения был не случайным, его развитие с начала 1990-х гг. до настоящего времени воплотило в себе основные тенденции, характерные для отечественного детского здравоохранения в период общественных трансформаций. На первом этапе исследования (2014–2015 гг.) изучался тип организационной культуры учреждения на основе анкетного опроса сотрудников. На втором этапе – типы коммуникации врачей и родителей их пациентов (2016–2017 гг.) с помощью глубинных интервью (19), в которых участвовали врачи детской больницы (9), родители детей (7), а также сами пациенты – в настоящее время взрослые люди, которые в детстве были пациентами медицинского учреждения (3).*) базируется на понимании доступности медицинской помощи как процесса, характеризующегося не только возможностью получить медицинскую помощь, но и достижением определенных позитивных изменений в состоянии здоровья. В современных исследованиях проблема доступности медицинской помощи представлена в двух аспектах: как физическая доступность – возможность получить услугу, попасть к врачу и как характеристика взаимоотношений врача и пациента, обеспечивающая качество услуги, которая рассматривается как показатель доступности медицинской помощи. Многие исследователи при анализе

проблемы доступности медицинской помощи акцентируют внимание на объективно сложившемся неравенстве и социальной дифференциации [1, 4]. В данном аспекте исследование проблемы предполагает анализ макро-факторов, воспроизводящих актуальное состояние доступности медицинской помощи различным социальным группам. Он нацеливает и на исследование механизмов, обеспечивающих развитие условий доступности социально слабым группам, в частности детям с тяжелыми нарушениями здоровья. Социальная политика, реализующая гарантированные государством права детям-инвалидам на получение медицинской помощи, относится к таким регулятивным механизмам. Признанная среди исследователей модель анализа доступности медицинской помощи Р. М. Андерсена [7] содержит ряд экономических, политических, социальных факторов макро-, мезо- и микроуровней, взаимодействие которых определяет возможности медицинской помощи разным социальным группам. В современных условиях развитие этой модели, происходит за счет включения переменных, характеризующих ресурсы медицинского учреждения в обеспечении качества и доступности медицинской помощи. К значимым ресурсам относятся характеристики условий профессиональной деятельности, врачей, способы их коммуникации с пациентами.

Смещение акцента в исследовании доступности на уровень анализа взаимодействия «медицинское учреждение (врач) – пациент» позволяет рассмотреть конкретный механизм ее обеспечения. Определенный способ взаимодействий врачей и пациентов характеризуется необходимым личностным участием, которое влияет на такие показатели качества, как непрерывность оказания медицинской помощи, ее полноту, комплексный подход, своевременность, удовлетворенность полученными услугами, достижение результатов лечения и другие. Качество обеспечивает изменения в состоянии здоровья, что и характеризует его как важнейшее проявление доступности медицинской помощи.

Качество помощи возникает в тех случаях, когда врач видит не только болезнь, но и самого человека, когда он воспринимает пациента как личность в контексте условий, повлиявших на появление болезни, и которые могли бы обеспечить ее лечение. Анализ качества связан с выявлением ценностного содержания процесса оказания медицинской помощи и его исследованием как системной характеристики. Обозначенный подход на уровне медицинского учреждения ориентирован на исследование условий профессиональной деятельности, формирующихся под воздействием утвердившейся организационной культуры в учреждении. Последовательная его реализация предполагает изучение оценки деятельности

учреждения в соответствии с ожиданиями и потребностями населения, поскольку система качества медицинских услуг включает и характеристики населения, его взаимодействие с медицинскими учреждениями, готовность принимать помощь. Это и способы поддержания своего здоровья, заинтересованность, готовность осуществлять лечение и т.д.

В зависимости от типа организационной культуры, принятого в медицинском учреждении, ее цели могут по-разному выражать интересы и потребности детей-инвалидов в поддержании и сохранении здоровья. В исследовании были выявлены значимые социальные группы, различающиеся характеристиками типа организационной культуры, носителями которого они выступают, и обозначенные нами как лидеры-новаторы (57,0%), социально лояльные (15,0%), критичные (5,0%), протестные (3,0%), нейтральные (7,0%) [5]. Преобладание бюрократического типа организационной культуры, носителем которого является группа лидеров, свидетельствует о высокой регламентации деятельности медицинского учреждения. Данный тип культуры в большей степени ориентирован на внутреннюю среду, а не на внешнюю [6]. Изначальная цель деятельности медицинского учреждения – реализация потребностей детей-инвалидов в восстановлении здоровья, достигается за счет формальных механизмов коммуникации и регламентации процесса деятельности. Сформированные условия деятельности в рамках такой культуры приводят к своеобразной «потере» этой цели в процессе преобразования в формальные механизмы при ее реализации. Результаты работы руководителя и специалистов определяются выполнением именно формальных регламентирующих требований, а не конечной целью, ради которой организована деятельность учреждения. Формализация отношений связана и с особенностями сложившихся коммуникаций – данный культурный тип ориентирован на взаимодействие с государственными органами управления. Это нашло подтверждение в последующем исследовании типов профессиональной коммуникации медицинского учреждения. Врачи неоднократно подчеркивали в своих интервью, что выполнение «плана» по приему количества пациентов выступает фактором, от которого зависит, как будет выстроена коммуникация с родителями их пациентов.

Бюрократический тип культуры является стабильным и будет преобладающим еще в течение длительного времени. Многие, кто поддерживает данный тип ориентаций, уверены в значимости и полезности своей деятельности. Эта группа ориентирована на дальнейшее совершенствование деятельности медицинского учреждения, поскольку оно связано с возможностями профессионального развития и большей эффек-

тивностью деятельности. Профессионализм относится к числу значимых характеристик данного типа организационной культуры.

Анализ взаимосвязи «типов культурных ориентаций» с условиями деятельности позволил получить представление о том, как в процессе групповой динамики будет происходить изменение цели и стратегии развития организации, насколько она будет ориентирована непосредственно на реализацию своей основной миссии. Ресурсом развития учреждения в плане большей ориентации на непосредственные интересы детей, нуждающихся в медицинской помощи, выступают такие условия организации профессиональной деятельности, которые позволяют реализовать разнообразные мотивы представителей выявленных социальных групп данного учреждения. Среди них, например, изобретательское творчество (приобретение патента на изобретение нового способа лечения), методическая и научная деятельность, вовлечение в социально-значимые виды деятельности, повышающие социальную ответственность медицинского учреждения, вызывающие доверие населения к деятельности учреждения. Они не носят непосредственно материального характера. Характеристики выявленных групп, факторов их деятельности и мотивации персонала представляют *потенциал и ресурсы* медицинского учреждения, которые необходимо принимать во внимание руководителям при разработке стратегии его развития в процессе движения от бюрократической культуры (культуры роли), пришедшей на смену клановой культуры (культуры власти), к культуре задачи (рыночной культуре). Намечающаяся тенденция развития организационной культуры в направлении более эффективной, рыночной, ориентированной на непосредственную цель своей деятельности, связана с позицией таких групп, как социально лояльные и протестные группы, пока малочисленные, но все больше заявляющие о себе.

Процесс медицинской помощи представляет собой межличностное взаимодействие, поэтому личностные установки врача имеют значение, так как оказывают влияние на личность пациента, на формирование образцов поведения в отношении своего здоровья. Изучение типов межличностной коммуникации «врач – пациент» раскрывает возможности каждого из них для того, чтобы медицинская помощь ребенку-инвалиду была качественной и доступной. Возможности связаны с формированием при взаимодействии с врачами определенных образцов поведения родителей, направленного на восстановление и поддержание здоровья ребенка-инвалида.

При исследовании типов коммуникации мы взяли за основу типологию Р. Витч, которая включает инженерную, патерналистскую,

коллегиальную и контрактную модель взаимодействия врача и пациента [2], но по результатам исследования выделили в качестве отдельного авторитарный тип, а коллегиальную модель обозначили как партнерскую. Коммуникация, которую устанавливает врач с родителями ребенка, принято обозначать как профессиональную, поскольку он обладает специальными знаниями, образованием, профессиональным опытом. В то время как коммуникации, устанавливаемые родителями, не являются профессиональными. Исследуемые нами типы коммуникации характеризуются тем, что они протекают в *условиях* детского медицинского учреждения, бюрократическому типу культуры которого соответствуют и ценности определенных типов коммуникации врачей при взаимодействии с родителями, в частности авторитарного. Наиболее распространенными типами коммуникации среди врачей оказались авторитарный и патерналистский тип.

Авторитарный тип вызван достаточно высокой самооценкой врачей собственного профессионализма. Характеризуя способы взаимодействия докторов с родителями своих пациентов в специализированном медицинском центре для детей, рождающихся с тяжелыми нарушениями здоровья, наши информанты говорили: «...мы даем указания: “Только так, и никак иначе. И если что, то обращаться опять”» (Информант 5). «Приходится с ними более “жестко” общаться. ...просто говорю: “Сделать так и всё”. ...я знаю, как сделать лучше» (Информант 6).

Патерналистский тип коммуникации характеризуется тем, что профессионалы выступают по отношению к родителям в роли строгих наставников, которые лучше знают, что является благом для их ребенка. «Мы даже не жалеем, всегда по-жесткому, в тонусе, чтобы родители сконцентрировались и начали помогать» (Информант 1); «Выслушиваю, но не жалею, а объясняю, как надо действовать дальше» (Информант 4). Вступая в коммуникацию, врачи ожидают, что родители им полностью доверяют при принятии решений в отношении здоровья их ребенка и должны включиться в процесс реабилитации ребенка в роли исполнителей рекомендаций по поводу лечения. При этом врачи отчетливо представляют психологическое состояние родителей, у которых родился ребенок с патологией развития, но авторитарный тип коммуникации, по их мнению, является более эффективным для достижения целей восстановления здоровья ребенка. Сравнивая поведение родителей заболевших детей, но не имеющих патологии развития, с поведением родителей детей, у которых заболевание приводит к инвалидности, они отмечали: «Родители здоровых детей менее сконцентрированы на проблеме, родите-

ли детей с патологиями погружены в них. Это нормально, они понимают, что с этим им придется жить до 18 лет» (Информант 3). «Им не хватает сочувствия...» (Информант 1). Одновременно они демонстрируют заботу о семье, понимание ее проблем и желание помочь родителям выбрать приемлемый для них способ лечения, например, снизить затраты семейного бюджета на лечение ребенка или более рационально их расходовать: «Если вижу, что статус у семьи низкий, пытаюсь назначить другое лекарство, хоть и менее эффективное. Иногда родители сами неправильно расходуют свои средства – то, что можно было бы вылечить на месте, они платно едут к нам, и наоборот» (Информант 4). «Есть лекарства дорогие и недорогие. А если нужно приобрести дорогие, то лучше пусть врач объяснит, почему они такие, почему они нужны и почему родители должны их приобрести. Лучше врача никто не объяснит» (Информант 5). Распространенность этого типа коммуникации объясняется тем, что в детской больнице восстановительного лечения родители с детьми находятся на стационарном лечении длительное время. Они неоднократно обращаются в медицинское учреждение, поскольку реабилитация ребенка начинается с его рождения и в основном заканчивается в возрасте, когда ребенок начинает обучение в школе, но может продолжаться до его совершеннолетия. В процесс лечения и реабилитации ребенка на разных этапах включаются другие специалисты, каждый из них имеет информацию не только о своем непосредственном пациенте, но и о его родителях, особенностях семьи и семейных отношений. Необходимость раннего вмешательства при врожденной патологии требует от врачей развития социальных компетенций, умения мотивировать родителей и семью в целом на участие в реабилитации ребенка, поддерживать их. Врачи вынуждены находить соответствующие способы взаимодействия с родителями, которые не являются их пациентами, а представляют интересы ребенка.

Нами были выявлены характеристики, свидетельствующие о тенденции среди профессионалов к партнерскому типу коммуникации. Доверие как условие данного типа коммуникации основано на признании равных прав и ответственности каждого ее участника, соблюдении определенных этических требований. Характеризуя процесс общения с родителями детей-инвалидов, врачи говорили, что они стараются объяснить родителям как можно более подробно характер патологии у ребенка, какие возможны последствия из-за патологии для его здоровья и пути решения проблем со здоровьем ребенка. Но этот тип коммуникации содержит определенное неравенство между профессионалами и родителями, не обладающими специальными знаниями, что ограничивает партнерство. В связи с этим

врачи стремятся избегать сложных медицинских терминов, объяснять все вопросы доступным для родителей языком: «Она (мама ребенка – авт.) ведь появилась у меня на приеме и, может быть, она придет ко мне через 3 месяца, через год. А все вот эти три месяца она будет где-то предоставлена сама себе, если живет где-то далеко в области и не увидит узких специалистов, тогда мне надо до нее саму проблему донести, чтобы она включилась в нее и поняла, что делать в данной, конкретной ситуации...» (Информант 1). Часть врачей дополняют вербальную коммуникацию, используя материалы в виде брошюр, фотоальбомов. Они предлагают родителям общение между стационарными периодами лечения ребенка через форум на официальном сайте медицинского учреждения или другие возможности, которые предоставляет Интернет.

Наличие у родителей понимания и адекватного взгляда на проблему, повлиявшую на здоровье ребенка, создает благоприятные условия для восстановления его здоровья, поскольку родители становятся участниками его реабилитации. Активное поведение родителей, по признанию врачей, выступает фактором, обеспечивающим доступность медицинской помощи ребенку, поскольку способствует своевременной и полной помощи ребенку. Большинство наших информантов высказали мнение, что родители не всегда, но чаще помогают врачу в процессе лечения и реабилитации ребенка. Это объясняется тем, что ценность здоровья ребенка и необходимость его восстановления относится к приоритетным ценностям большинства родителей. «Да разные есть... интересующиеся “постольку, поскольку”, интересующиеся как положено, а третьи – здоровье ребенка – идея-фикс. Ну и асоциальный тип. Изначально о здоровье все равно все беспокоятся» (Информант 2). Лишь один из врачей высказал мнение, что родители чаще мешают в процессе лечения: «Мало родителей, которые выполняют рекомендации от А до Я, а здоровый образ жизни зависит только от них. ... Нет соответствия между поведением родителей пациента и рекомендациями врача, эффективность реабилитации снижается» (Информант 4). Никто из врачей не высказал мнений, свидетельствующих об инженерном типе коммуникации.

Среди факторов, влияющих на выбор врачами типа коммуникации, главное значение для них имеют *организационные условия*, в которых происходит коммуникация, – требования организации к выполнению профессиональной деятельности, количество записанных на консультацию пациентов, временной ресурс, которым они располагают при установлении коммуникации: «... У нас есть определенный план – объем помощи, который надо выполнить, и если мы его уже перевыполни-

ли, то и с родителями стараюсь разговаривать по-другому, возможно, даже могу отказать» (Информант 4). При построении коммуникации врачи принимают во внимание готовность родителей следовать их рекомендациям, наличие у родителей определенного опыта общения с медицинскими профессионалами, способность родителей адекватно воспринимать и понимать значение рекомендаций врача, наличие установок у родителей на восстановление здоровья ребенка, тяжесть патологии, диагностированной у ребенка. Личные установки врачей, профессиональные ценностные ориентации, профессиональный опыт взаимодействия с пациентами также оказывают влияние на выбор типа коммуникации врачами. Нам удалось зафиксировать, что врачи, начиная работать в медицинском учреждении, стремились к партнерскому типу коммуникации с родителями своих пациентов, но под влиянием организационных условий своей профессиональной деятельности, развития своего опыта взаимодействия с родителями, у которых рождаются дети с тяжелыми нарушениями здоровья, для них преобладающим типом коммуникации становится авторитарный тип: «Допустим, было время, когда я рассказывал про все методы лечения, что и как можно сделать, а сейчас просто говорю: “Сделать так и всё”. Время экономит, очередь не удлиняется...» (Информант 6). Авторитарный и патерналистский тип коммуникации оказались наиболее распространенными среди врачей при взаимодействии с родителями своих пациентов.

В ходе интервью с родителями детей, являющихся пациентами медицинского учреждения, и взрослыми людьми, бывшими в детстве пациентами этого учреждения, мы выявили авторитарный, патерналистский, партнерский и инженерный типы коммуникации. Наиболее предпочитаемыми родителями типами коммуникации также оказались авторитарный и патерналистский типы.

Предпочтения авторитарного типа коммуникации с врачами родители аргументировали следующим образом: «Лечение и доктор... между ними знак “равно”. Но... мы же не медики, поэтому как врач сказал четко, так и нужно все делать. Я ближе к авторитарному. Не должно быть за пациентом права выбора, хотите вы лечиться или не хотите... пациент... он не знает, как надо» (Мама девочки-подростка, 43 г.). «Скорее всего, это не зависит от врача. Конечно, мне больше по душе более дружелюбный тип, потому что как-то с ними легче взаимодействовать. Но вот мой ортодонт, она достаточно авторитарна, но она... говорит все спокойно, что нужно так, так, делать. Я не вижу в этом ничего плохого.

Все правильно. Если они хорошие врачи, они не могут говорить что-то не то» (Девушка-пациентка, 15 лет).

Патерналистский тип коммуникации характеризуется отеческим, заботливым отношением врачей к родителям и детям и воспринимается как наиболее предпочтительный, особенно родителями маленьких детей: «Скорее всего, такой тип врачей, когда они к нам идут на встречу, понимают наше положение Везде было бы такое отношение в больницах, как здесь. Здесь как дома относятся» (Мама годовалого ребенка, 34 г.).

Партнерский тип коммуникации с врачами сформулировала женщина, имеющая взрослого сына, который в детстве имел врожденную патологию и был пациентом медицинского учреждения: «Мне надо, чтобы более равновесно, чтобы и нам, и им. . . . Лучше, когда врачи советуются!» (Мама, 67 лет).

Два взрослых молодых человека, бывшие в детстве пациентами медицинского учреждения – мужчина и женщина, – достаточно четко обозначили инженерный тип коммуникации. Такой тип коммуникации характеризуется ожиданиями пациентами или их родителями высокого профессионализма врачей и не предполагает личностного компонента в отношениях между ними. Взаимодействие врача и пациента, по их мнению, должно исчерпываться только устранением каких-либо функциональных расстройств, влияющих на здоровье, и не больше: «Думаю, что здесь важен не тип (коммуникации – авт.) врача, а его компетентность, вот и всё» (Женщина, 38 лет); «Ну, у каждого врача своя методика. . . , а зачем ему делать (говорит тихо) . . . добрый или злой там. . . . Это просто методика, я считаю. Я думаю, что у всех у них своя технология была. . . . больше ничего» (Мужчина, 40 лет).

В процессе общения с врачами для родителей значение имеет их квалификация, но особенно опыт практической работы с детьми, имеющими патологию. Все родители в своих высказываниях подчеркнули, что врач в процессе коммуникации должен вызывать доверие. «Важно лечение и важно доверие. Если врачу доверяешь, то, в принципе, какого бы типа не был . . . (коммуникация – авт.), то ты ему доверяешь, потому что мне есть с чем сравнить. . . . Здесь вот, как я уже сказала, я доверяю врачам, я знаю, что здесь специалисты узкого профиля, и они это знают, здесь уже спокойно специалистам доверяешь и знаешь, что они этим занимались. Они на это учились, они уже много детей повидали. Много, что прошло через их глаза и руки».

Анализ проведенных интервью показал, что тип профессиональной коммуникации выстраивает врач, а родители детей-пациентов,

скорее, принимают предлагаемые типы коммуникации. Они ожидают определенного типа коммуникации по поводу здоровья своего ребенка при взаимодействии с теми или иными профессионалами медицинского учреждения. Основу их предпочтений типа коммуникации составляет доверие к врачу. Их поведение формируется в соответствии с теми ролями, которые предполагает тот или иной тип коммуникации, и может по-разному обеспечивать полноту медицинской помощи ребенку и достижение ее результата [8]. Родители и врачи предпочитают одни и те же типы коммуникации, поскольку коммуникация осуществляется в *условиях* детской реабилитационной больницы, которые формируются под воздействием сложившейся организационной культуры.

Ценности авторитарного и патерналистского типа коммуникации по поводу здоровья соответствуют бюрократическому типу организационной культуры медицинского учреждения. Авторитарный тип профессиональной коммуникации основан на признании авторитета профессии врача, его знаний, опыта, подчинении родителей его требованиям по поводу лечения ребенка. Патернализм предполагает заботливое, отеческое отношение врача к своим пациентам и их семьям. По мнению ряда исследователей, в практике российского здравоохранения, особенно в педиатрии, «данная модель отношений остается наиболее предпочтительной как среди врачей, так и пациентов» [3]. Авторитарный и патерналистский тип коммуникации при определенных отличиях объединяют высокая самооценка врачами своих профессиональных компетенций и уверенность в том, что профессионалы должны полагаться только на себя, а родители следовать их рекомендациям. Родители, попадая в условия, утвердившиеся в медицинском учреждении, вынуждены принять сложившиеся образцы коммуникации. Выявленные нами доминирующие типы профессиональной коммуникации диктуют родителям роль исполнителей тех рекомендаций, которые назначает врач. Авторитарный и патерналистский типы коммуникации позволяют мобилизовать родителей, испытывающих кризисное психологическое состояние в связи с рождением ребенка, имеющего патологию, в результате которой ребенок становится инвалидом. В этот период их состояние характеризуется растерянностью, непониманием, что они могут и должны делать в ситуации рождения больного ребенка. Строгая по отношению к ним позиция врачей или позиция отеческого участия позволяет справиться им с кризисным состоянием. Но позиция прилежного исполнителя врачебных предписаний, как реакция на предлагаемую профессиональную коммуникацию, может граничить с пассивностью или отстраненностью, поскольку от-

ветственным за результат восстановительного лечения остается врач. В этом отношении значительным потенциалом обладает партнерский тип коммуникации. Такие отношения содержат возможность распределения ответственности между профессионалами и родителями за достижение результатов восстановительного лечения и, что не менее важно, дальнейшего поддержания родителями здоровья ребенка-инвалида. Ни один из докторов не указал, что руководствуется при выборе коммуникации признанием равных прав обеих сторон взаимодействия в принятии решений относительно диагностики и лечения имеющегося у ребенка заболевания. Но они высказывали мнения, указывающие на признание ими и партнерского типа коммуникации. Данный тип коммуникации не только мотивирует родителей для того, чтобы стать участником реабилитации ребенка, но и способен развивать их активность. Эта модель располагает большими возможностями в обеспечении доступности медицинской помощи детям. Контрактная модель коммуникации, близкая к партнерскому типу, акцентирует внимание на заключении договора между ее участниками, но не получила распространения в отечественной практике в силу относительно короткого периода развития условий в российском здравоохранении для ее реализации. Несмотря на то, что родители подписывают согласие на медицинские мероприятия в отношении своего ребенка при обращении в медицинское учреждение, оно воспринимается как формальное требование, а не является внутренним мотивом, предполагающим определенный тип поведения при взаимодействии с врачами ребенка. Возможности этого типа коммуникации в российских медицинских учреждениях нуждаются в дальнейшем изучении. Инженерный тип коммуникации, исключая личностную составляющую во взаимодействии с родителями, не способствует их мотивации для включения в процесс реабилитации ребенка. Данный тип отношений характеризуется технологическим подходом и предусматривает только «исправление» нарушенных функций в организме ребенка. Возможности этого подхода в достижении доступности медицинской помощи детям-инвалидам как формирование определенного образца поведения родителей в отношении здоровья своего ребенка ограничены по сравнению с другими. Но этот тип коммуникации имеет право на существование, поскольку всегда есть родители, которые не могут и не стремятся к участию в реабилитации своего ребенка по разным причинам. Они ориентируются именно на такие отношения с профессионалами. В нашем исследовании такую модель предпочли взрослые люди, которые родились с врожденной патологией и были в детстве пациентами медицинского учреждения. Их мнения ос-

нованы на ретроспективном взгляде на отношения врачей и родителей, поэтому, возможно, иные характеристики коммуникации просто не сохранились в памяти.

Изучение динамики типов коммуникации в соответствии с типами организационной культуры имеет непосредственное значение для развития инструментов управления медицинским учреждением, нацеленных на развитие условий доступной медицинской помощи детям с тяжелыми нарушениями здоровья. Организационная культура выступает контекстом, способствующим или ограничивающим профессиональные возможности врачей. Важнейшим ресурсом развития медицинского учреждения для достижения необходимого качества и доступности медицинских услуг является система эффективной мотивации персонала, культура профессионализма, и поддержание комфортных внутриорганизационных коммуникаций.

Список литературы

1. См.: Артюкова И.В. Медицина как социальный институт // Российское общество: история и современность. 2014. № 8. С. 92-95; Дмитриева Е.В. От социологии медицины к социологии здоровья // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 51-57.
2. Витч Р. Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 67-72.
3. Коммуникация врача и пациента: прошлое, настоящее, будущее (исторический и медико-социологический анализ) / К.В. Кузьмин, Е.В. Семенова, Л.Е. Петрова, А.Г. Закроева. Екатеринбург: Изд-во УГМА, 2016. С. 125.
4. См.: Панова Л.В., Русинова Н.Л. Доступ к услугам здравоохранения: методологические подходы и методы измерения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4. С. 147-163; Панова Л.В., Русинова Н.Л. Неравенства в доступе к первичной медицинской помощи // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 127-136.
5. Старшинова А.В., Панкова С.Н., Блохина С.И., Гоголева Е.А., Ткаченко Т.Я. Нематериальная мотивация развития медицинского центра: исследование организационной культуры // Вестник Уральской медицинской академической науки. 2015. № 3(54). С. 12-19.
6. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство / пер. с англ. под ред. В.А. Спивака. СПб: Питер, 2002.
7. Andersen R., Davidson P. Improving access to care in America: individual and contextual indicators // Changing the U.S. Health Care System: Key Issues in Health Services Policy and Management / R. Anderson, T. Rice, G. Kominski. San Francisco, 2007. P. 3-31.
8. Starshinova A.V., Gogoleva E.A. Family resources in overcoming barriers to access special health care for a disabled child // 3rd International multidisciplinary

4.5. Краудсорсинговые технологии как инновационный метод социальной работы с детьми

Эффективность социальной работы с населением во многом определяется методами и технологиями, которые применяются в практической деятельности специалиста. Технологии социальной работы вариативны, функциональны и взаимообусловлены. Несмотря на общность и взаимосвязь технологий социальной работы, их содержание и сущность определяются особенностями той категории получателей социальных услуг, с которой имеет дело профессиональный социальный работник. Одной из наиболее уязвимых групп, требующих пристального внимания и заботы со стороны представителей социальных служб, общественных организаций и других социальных институтов, являются дети. Вопросы социальной защиты и поддержки детей имеют важное социальное и государственное значение, так как удельный вес данной категории в демографической структуре населения, согласно официальным данным, на 1 января 2015 года составлял 16,7% или 24 392 тысячи человек в возрасте от 0 до 14 лет. А в возрасте от 0 до 19 лет 21,4% или 31221 тыс. человек [6, с. 80]. Показатели физического здоровья детей ухудшаются с каждым годом. Около 35% детей в России рождаются с различными осложнениями или заболевают в первый год жизни [7].

Социальные и психологические проблемы, с которыми сталкиваются дети, обусловлены их возрастными особенностями, негативными тенденциями в функционировании семьи, стилем семейного воспитания, взаимодействием ребёнка с социальными институтами (например, образовательными, досуговыми учреждениями), социально-экономическими и политическими факторами развития социума. В последние годы к ним добавились проблемы расширения информационного и виртуального пространства, заменяющего для некоторых детей и подростков реальную жизнь, избытия информации, часто противоположной по содержанию, дискредитации привычных нравственных ориентиров. Кроме того, возможности жизнедеятельности детей ограничены объективно, в силу их зависимости от взрослых.

Новые потребности населения и возможности их реализации, связанные с внедрением в жизнь информационных и телекоммуникационных технологий, диктуют необходимость применения инновационных методов в профессиональной деятельности социального работника. Трансформация межличностного и профессионального взаимодействия в связи с появлением сети Интернет, позволившей связать множество людей в единый социальный организм, сделала закономерным внедрение в практику инновационного инструмента для решения задач, стоящих перед обществом или отдельными его структурами.

Технологией, позволяющей использовать ресурсы большого количества людей для достижения определённых целей, стал краудсорсинг.

Под краудсорсингом следует понимать мобилизацию ресурсов людей посредством информационных технологий для решения практических задач в политической, экономической, социальной и культурной сфере. В переводе с английского «краудсорсинг» означает «ресурсы толпы (*crowd* – «толпа») и *sourcing* – «использование ресурсов».) Это направление создано в расчете на предполагаемое желание потребителей бесплатно или за небольшую цену поделиться своими идеями исключительно из интереса увидеть эти идеи воплощёнными [1, с. 32].

Стремление людей осуществлять все больший контроль над производством товаров и оказанием услуг нашло реализацию в краудсорсинге. Как отмечает Д. Хау, краудсорсинг основывается на предположении о том, что все мы являемся творцами – артистами, учёными, архитекторами и художниками, причём в любой комбинации [8, с. 37]. Благодаря краудсорсингу раскрывается потенциал индивида, который получает возможность освоить новую профессию, найти новые средства творческого самовыражения. На сегодняшний день практически каждый желающий может принять участие не только в деятельности служб и организаций, оперативно отреагировать на нужды тех, кто нуждается в помощи, благодаря быстрому распространению информации, но даже внести свой вклад в разработку концепции социальной политики региона.

Использование краудсорсинга по сравнению с другими стандартными инструментами решения интеллектуальных задач для бизнеса и общественности имеет следующие преимущества [2]: дистанционная коллективная работа над идеями (с помощью Интернета в работу может быть вовлечен коллектив талантливых людей со всего мира); возможность тестирования новых идей, продуктов, услуг на конечных потребителях, которыми являются его участники; высокая эффективность за счет скорости, относительно низкой стоимости и нестандартных решений;

отбор и доработка предложений участниками краудсорсинга; на основе рейтингования возможно выявление лучших экспертов среди участников силами самих участников.

Технология краудсорсинга рассчитана на то, что определённая группа заинтересованных лиц или просто тех, кто хочет реализовать свои креативные замыслы в той или иной сфере, привлекается к решению проблем, задач, созданию инноваций посредством социальных сетей или иных коммуникационных ресурсов.

Ю.Ю. Андреева выделяет следующие достоинства краудсорсинга в социальных сетях:

- Позволяет снизить издержки, вытесняя дорогостоящие аутсорсинговые услуги.
- Дает возможность привлечь большое количество заинтересованных людей к решению определенной задачи.
- Позволяет использовать в работе знания и умения профессионалов-любителей, независимо от их географического месторасположения.
- Предполагает использование дистанционной трудовой деятельности [1, с. 35].

Так как при реализации краудсорсинговых проектов речь идёт об использовании ресурсов пользователей сетей, то необходимо понимать, какого рода ресурсы могут быть применимы. Р.А. Долженко выделяет четыре основных ресурса, используемых в краудсорсинге: знания, творчество, голосование, финансирование [2]. При этом наиболее важный ресурс, по его мнению, это творческий потенциал совокупности участников.

По мнению Д. Хау, краудсорсинг «сулит раскрыть потенциальные возможности индивидуума, дает возможность каждому освоить не одну профессию, новые средства творческого выражения. В нем действительно содержится возможность (если не сказать – угроза) того, что само понятие профессии со временем превратится в некий артефакт индустриальной эпохи» [8, с. 41].

Один из основных аспектов применения данной технологии состоит в добровольности участия и сотрудничества при решении практических задач, разработке и воплощении определенных проектов. «Краудсорсинг использует технологию для развития беспрецедентных уровней сотрудничества и плодотворных обменов между людьми с самыми различными биографиями из самых различных точек земного шара» [8, с. 21].

В системе социальной работы применение технологий краудсорсинга актуально на сегодняшний день и имеет перспективы развития в будущем. Все, что связано с общественной деятельностью, помощью

социальным группам и индивидам, построением взаимоотношений и благотворительностью может быть решено с помощью краудсорсинга. Как уже было сказано выше, дети – наиболее уязвимая часть социума, имеющая свои специфические социальные и психологические проблемы, поэтому они должны стать объектом особой заботы государственных служб, общественных организаций, специалистов.

Можно выделить следующие категории детей, нуждающихся в квалифицированной помощи со стороны социального работника:

1. Дети с ограниченными возможностями или дети-инвалиды.
2. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей по причине лишения их родительских прав, признания нетрудоспособными, безвестно отсутствующими и т.д.
3. Беспризорные дети.
4. Дети из неблагополучных, асоциальных, аморальных семей.
5. Дети разведённых родителей.
6. Дети-правонарушители и имеющие различного рода зависимости.
7. Деадаптированные и педагогически запущенные дети. О.Б. Колева выделяет две стадии социальной деадаптации в зависимости от степени и глубины деформации: а) стадия школьной деадаптации, характеризующаяся парциальными социальными нарушениями, проявляющимися в условиях учебно-воспитательного процесса (пропуски уроков, конфликты с учителями и сверстниками, сквернословие, курение в период нахождения в школе и т.д.); б) стадия социальной запущенности, характеризующаяся глубоким отчуждением от семьи и школы и различными асоциальными отклонениями (бродяжничество, наркомания, пьянство, алкоголизм, аморальное поведение и т. д.) [4].
8. Дети, подвергшиеся различным видам насилия (физическое, психологическое, сексуальное, эмоциональное, экономическое).
9. Дети из малообеспеченных семей.
10. Одаренные и талантливые дети. Повышенные интеллектуальные способности определяют специфику потребностей этой категории детей.

Краудсорсинг как инновационная технология деятельности часто используется для создания какого-либо продукта, контента. Специалист, осуществляющий социальную работу с детьми, может использовать данную технологию для создания баз данных или каталогов детей, нуждающихся в помощи. Социальный паспорт или социальная карта микрорайона, городского округа, созданная усилиями неравнодушных пользователей, может стать базовым ресурсом для социальных служб и некоммерческих организаций, оказывающих помощь населению и ра-

ботающих с детьми и семьями. Учителя, педагоги дополнительного образования, участковые врачи, сотрудники районных отделов внутренних дел могут принять участие в создании базы или каталога как пользователи социальных сетей и участники специальных групп.

Интеллектуальные ресурсы участников различных групп в сетях можно направить на поиск идей для проведения досуговых мероприятий с детьми, оказания новых видов и форм помощи детям. Создание эмблем, фирменных знаков для детских организаций, слоганов, лозунгов, девизов для оказания социальных услуг детям, придуманных пользователями, – ещё один вид интеллектуального продукта.

Производство социальной рекламы, направленной, например, на предотвращение жестокого обращения с детьми, может стать важнейшей областью применения краудсорсинга в сфере социальной работы. Участники подобных проектов получают возможность в полной мере использовать свой креативный потенциал. Стимулирующим механизмом может стать внесение соревновательного момента в процесс создания рекламных проектов.

Для принятия решения по какому-либо вопросу, касающемуся социальной работы с детьми, или выбора наиболее эффективного способа решения возникающих проблем можно использовать приём голосования пользователей сети. В рамках краудсорсингового процесса происходит отбор и сравнение полученных результатов.

Сбор идей, их обсуждение, структурирование и отбор особенно актуальны для решения проблем детей или их групп. Можно попросить помощи у виртуального сообщества относительно предоставления информации об организациях, оказывающих конкретную помощь, необходимую в данный момент, условиях оказания услуг высокого качества. Каждая задача может быть разбита на составляющие, что делает ее более привлекательной в плане простоты поиска решения.

Технология краудсорсинга особенно актуальна для поиска детей, убегающих из семей, приютов или воспитательных учреждений. В оценке масштаба данного социального явления нет ясности, отсутствует официальная статистика о количестве беспризорных детей, но эксперты оценивают численный разброс данной категории в пределах от 1 млн. до 2,5 млн. человек [5].

В исследовании Т.Н. Камиловой определены основные задачи по повышению эффективности социальной адаптации беспризорных и безнадзорных детей и подростков:

1) организация межведомственной интеграции и дифференциация деятельности специальных и специализированных учреждений, осуществ-

вляющих функции социально-правовой охраны, защиты и реабилитации детей и семей группы риска;

2) создание и развитие оптимальной инфраструктуры сети специализированных учреждений разного типа, а также учреждений, занимающихся организацией досуга, трудоустройства, профессиональной подготовкой социально дезадаптированных детей и подростков;

3) создание информационно-аналитической базы, характеризующей состояние детско-подростковых девиаций и ресурсного обеспечения профилактической работы;

4) обеспечение гласности, открытости информации, привлечение к этой работе общественных организаций [3].

В решении последних задач применение технологии краудсорсинга может сыграть немаловажную роль.

Благотворительность и сбор средств посредством распространения в сетях информации о социальном неблагополучии семьи или несовершеннолетнего являются часто используемым способом решения конкретной социальной проблемы. Семьи, собирающие средства для лечения детей, операций, пострадавшие от пожара или иных стихийных бедствий, вынужденные изменить место жительства или оставшиеся без крова, могут получить таким способом необходимые ресурсы.

Большую помощь организациям и людям, занимающимся социальной работой с детьми, может оказать сбор мнений относительно какой-либо деятельности, события или инновации в данной сфере деятельности. Получение обратной связи является залогом эффективной и успешной работы специалиста.

Социальный работник, занимающийся вопросами социальной защиты, поддержки и обеспечения жизнедеятельности детей, может попросить помощи у сетевого сообщества по вопросам, касающимся различных направлений своей деятельности. Организация досуга детей из неблагополучных семей, проведение культурно-массовых мероприятий, сбор материальных, вещевых и иных ресурсов, поиск детей, убежавших из семьи или приюта, развитие и сопровождение одаренных детей, социальная и психологическая поддержка детей с ограниченными возможностями – проблемы, при решении которых «коллективный разум» может оказать неоценимую поддержку.

Применение технологий краудсорсинга в социальной работе является перспективным направлением развития и усовершенствования деятельности в социальной сфере. Возможности, которые предоставляет данный инструмент решения актуальных практических задач, могут

послужить основой для оптимизации и дальнейшего развития системы социальной работы с детьми, повысить её эффективность и снизить социальные риски для данной социальной группы.

Список литературы

1. Андреева Ю.Ю. Введение в «краудсорсинг» – один из инновационных инструментов развития высшего образования // Российские регионы: взгляд в будущее. Вып. 1, 2014. С. 32-37.
2. Долженко Р.А. Некоторые аспекты оценки эффективности использования краудсорсинга в организации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-otsenki-effektivnosti-ispolzovaniya-kraudsoringa-v-organizatsii> (дата обращения: 13.04.2017).
3. Камилова Т.Н. Проблемы социальной адаптации безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних в современной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sotsialnoy-adaptatsii-beznadzornyh-i-besprizornyh-nesovershennoletnih-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 25.09.2017).
4. Конева О.Б. Неблагополучная семья и девиантное поведение: социально-психологические аспекты. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/neblagopoluchnaya-semya-i-deviantnoe-povedenie-sotsialno-psihologicheskie-aspekty> (дата обращения: 24.09.2017).
5. Пути решения проблемы сиротства в России: материалы всероссийской конференции // Вопросы психологии. 2011, № 1. С. 182-184.
6. Россия в цифрах. 2016: крат. стат. сб. / Росстат. М. 2016. 543 с. С. 80.
7. Состояние здоровья детей в России: неутешительная статистика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2039510.html>. (дата обращения: 24.09.2017).
8. Хау Д. Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М.: Альпина Паблишер, 2014. 288 с.
9. Что такое краудсорсинг? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://crowdsourcing.ru/article/what_is_the_crowdsourcing (дата обращения: 13.04.2017).

Глава 5. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ЕДИНСТВО ВО МНОГООБРАЗИИ

5.1. Изменения в социальной структуре общества в контексте глобализационных процессов и их влияние на характер политических трансформаций в Республике Молдова

Республика Молдова, будучи вовлеченной в процесс глобального общественного развития, в котором одной из наиболее характерных тенденций является глобальное движение к демократии, в настоящее время позиционирует себя в числе стран «молодой демократии» третьей волны, где уже более четверти века продолжается «переходный период». Результаты, достигнутые на сегодняшний день страной на пути демократического реформирования, позволяют международным аналитикам зачислить Республику Молдова лишь в категорию «урезанных» или «фасадных демократий». Согласно рейтингу демократических государств, опирающемуся на индекс *Freedom House*, Республика Молдова занимает на нынешнем этапе развития последнюю позицию на шкале демократии в числе стран с гибридным режимом, граничащую с группой стран с полуавторитарным устройством власти [1]. Причем то, что с демократическим реформированием в Молдове «не все в порядке» осознают сегодня не только аналитики, но и простые граждане, уже на протяжении многих лет массово (до 85% от числа опрошенных) заявляющие, что «Республика Молдова развивается не в том направлении» [2].

Корень «неудач», преследующих Республику Молдова на современном этапе и выраженных в практически тотальном кризисе, поразившем общественную жизнь страны, многие отечественные аналитики, по уже сложившейся традиции, ищут преимущественно в субъективном факторе. Иными словами, существующие «издержки» демократического реформирования, выраженные в низкой эффективности функционирования политических институтов, с одной стороны, как правило, получают объяснение в некомпетентности политической элиты, с другой – в отсутствии должной политической культуры электората [3].

В современном мире политический фактор приобретает решающее значение для развития общественной жизни как в национальном, так и в глобальном масштабах, будучи призванным стабилизировать мировое развитие и обеспечить выживание человечеству [4, с. 620]. Политика в настоящее время превратилась в ядро и центр управления всей совокупностью

общественной жизни, который задает цели и предопределяет основные направления человеческой деятельности [5, с. 48]. Поэтому неудивительно, что основные претензии и обвинения в тех или иных издержках, сопровождающих общественное развитие, аналитики, равно, как и широкие общественные массы, направляют в адрес политиков, представленных властвующими структурами. В свою очередь, политические элиты, сетуя на политическую незрелость электората, стремятся перенести значительную часть ответственности за характер политического развития на широкие общественные массы, высокую роль которых в работе демократических механизмов в свое время обозначил еще Г. Алмонд, назвав политическое участие масс «основным резервуаром, из которого демократическое устройство черпает свою способность к функционированию» [6, с. 279].

Тем не менее, усиление роли политического фактора в современном мире никоим образом не отменяет ставшее уже аксиомой положение о том, что политика является концентрированным выражением экономики. Эту аксиому, в частности, подтверждает сам глобализационный характер развития современной эпохи. Тенденция к глобализации, доминирующая в современном мире и выстраивающая своего рода систему координат развития актуальных общественных процессов, в основании опирается на экономические предпосылки, представляя собой, по сути, экономический процесс, который обуславливает глобализационные тенденции и в иных областях общественного существования, в том числе, политической [7, с. 183-185].

Экономика любой эпохи человеческого развития, как особая сфера общественной жизнедеятельности, связана со специфическими формами трудовой занятости населения, что, в свою очередь, предопределяет социальную и, соответственно, политическую структуру общества. Поэтому корень многих процессов из сферы политики следует с необходимостью искать в доминирующей форме занятости населения страны, которая, детерминируя социальную структуру общества, в конечном итоге, обуславливает положение людей как субъектов политики в политико-властном процессе.

Теория модернизации, рассматривая предпосылки для демократизации, которая в целом связана с различными движениями и разными «процессами оспаривания», отводит главную роль в этом процессе экономическим условиям и социальным классам. Согласно этой теории, исторически формирование демократических режимов в странах Запада опиралось на взаимодействие социальных классов: буржуазии и массы трудящихся, рабочих. В рамках исторической социологии исследователи

особо подчеркивали роль «масс» в первой и второй волнах демократизации. Центральным стал вопрос «*Кто является демократизирующим социальным классом?*». В частности Б. Мур (*Moore, 1966*), указывая на важность определенных социально-экономических условий, подчеркивал важную роль, которую сыграли социальные классы (в особенности, городская буржуазия) в объяснении ранней демократизации в Англии (1642-1649), Франции (1789-1848) и США (1861-1865). Гипотезы Мура были уточнены Д. Рюшенмайером и др. (*Rueschemeyer et. al., 1992*), обнаружившими, что при наличии определенного уровня экономического развития рабочий класс является ключевым актором в продвижении демократизации в двух последних волнах демократизации в Южной Европе, в Южной Америке и Карибском Бассейне. В другом, более новом межнациональном сравнительном исследовании, Рут Кольер (*Collier, 1999*) выдвинула идею о том, что роль рабочего класса, хотя и не настолько важная в транзитах XIX и начала XX веков в Восточной Европе, стала важнейшей в волне демократизации в Южной Европе и в Южной Америке [8, с. 305-306].

Вступление человеческой цивилизации в эпоху глобализации и постиндустриального развития многое изменило. Характерными признаками постиндустриальной эпохи стали: упадок массового производства, где трудились большие трудовые коллективы; роботизация производственного процесса как следствие стремительного научно-технического прогресса, высвободившая огромную массу рабочих из производственного процесса; деиндустриализация и перенос производства в экономически бедные страны с более дешевой рабочей силой; углубление международного разделения труда, превращающего экономически неразвитые страны в поставщиков низкоквалифицированной и малооплачиваемой рабочей силы; существенное изменение структуры занятости населения развитых стран, выраженное в значительном сокращении доли рабочего класса и росте количества занятых в сфере обслуживания и т.п.

Изменения в структуре занятости населения, спровоцированные логикой развития постиндустриальной эпохи, привели к упадку тех профессий, в которых возникали крупные трудовые организации, придававшие силу политическим требованиям масс. Это, в свою очередь, способствовало атомизации и фрагментации социальной структуры общества, обусловившей процессы разрушения его классовой структуры. Изменения в классовой структуре постиндустриального общества породили множество профессиональных групп, которые в отличие от промышленных рабочих, крестьян, государственных служащих

и мелких предпринимателей так и не создали собственных автономных организаций для выражения своих экономических и политических интересов. На смену старым социальным классам, представленным буржуазией и рабочими, служившим социально-политической базой формирования демократических режимов во время первой и второй волн демократизации, пришли социальные группы и слои общества с размытым классовым сознанием. В силу изменившегося в условиях постиндустриального развития социально-экономического положения атомизированные, раздробленные массы людей более не способны к генерированию мощной социальной энергии, необходимой для организованной защиты собственных политических интересов и созданию собственных политических партий.

Таким образом, развитие современной эпохи, наиболее очевидно проявляющее себя в экономической глобализации, привело к осязаемому ослаблению экономического значения масс, и в том числе, рабочего класса, претерпевшего значительное численное сокращение, что изменило политическое место крупных социальных групп, снизив политическое значение простых трудящихся и ослабив их политическое влияние. Рабочий класс, ранее занимавший центральное положение в политической жизни, по мере сокращения своей численности, дезорганизации и политической маргинализации стал все более лишаться своих завоеваний середины XX века. На фоне ослабления экономической и политической роли простых трудящихся в условиях экономической глобализации заметно выросла власть многонациональных корпораций, сконцентрировавших в своих руках огромные богатства, что позволяет им оказывать политическое влияние, не прибегая к участию в демократических процессах. Глобальные компании, сближаясь с политическим классом, формируют единую элиту, что превращает их в ключевой институт мировой политики, мало учитывающей нужды простых людей.

Экономическое и политическое ослабление инструментов демоса, а также рост политического влияния международных корпораций накладывает специфический отпечаток на характер функционирования режима демократии, провоцируя «энтропию максимальной демократии» [9, с. 46]. Демократия, согласно оценке английского социолога К. Крауча, вступила в конце XX века на «нисходящую ветвь параболы» и сегодня все более приближается к модели «постдемократии», характерными чертами которой являются возвращение энергии и жизненной силы политики туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии, – к многочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся

вокруг властных центров и стремящимся получить от них привилегии. Иными словами, миновав эпоху своего расцвета, связанного с ростом экономического и политического значения демоса, демократическая политика сегодня «вернулась к некоему подобию того, чем она всегда была: чему-то, что служило интересам различных привилегированных слоев [9, с. 11].

В складывающемся политико-экономическом контексте государство постепенно утрачивает свое социальное значение, все более дистанцируясь от задач обеспечения жизни простых людей и тем самым порождая в указанной среде глубокую апатию и пассивность по отношению к политике. При всем существующем негативизме и агрессии по отношению к правящему режиму власти, обусловленном ростом неравенства, массы простых граждан в своем большинстве занимают позицию наблюдателей, склоняясь к идее о том, что политика, по существу, является делом небольших групп элиты. Устраняясь от активного участия в политике, «наблюдатели» по большей части проявляют «негативный активизм» недовольства и обвинений, тогда, когда главной целью демократической политики является призыв политиков к ответу. Рожденные в рамках «негативного активизма», социально-политические конфликты время от времени могут набирать огромную силу, способную существенно дестабилизировать общественно-политическую обстановку. Однако указанные конфликты, зарождаясь вне фабрик и рабочего движения, не могут порождать автономную массовую политику, опирающуюся на массовое движение [8, с. 313].

В то же время сильное и заинтересованное меньшинство в лице политической элиты проявляет гораздо большую активность в попытках с выгодой для себя эксплуатировать политическую систему, нежели массы простых людей. Как показывает К. Крауч, глобальное политическое скатывание к постдемократии представляет собой переход от демократии к более гибкой форме политического реагирования. Постдемократические общества будут и дальше сохранять все черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, свободные публичные дебаты, права человека, определенную прозрачность в деятельности государства [9, с. 9]. Однако в условиях политической маргинализации трудящихся масс демократические механизмы функционирования политической системы превращаются в руках политико-властных структур в эффективные инструменты манипулирования политическим процессом. Поэтому политико-властный процесс в рамках функционирования современных демократических режимов все более трансформируется в процедурный

процесс, управляемый и направляемый элитами при помощи различного рода современных политических манипулятивных технологий.

Если учитывать роль социальных движений как локомотивов демократического реформирования, то возникает закономерный вопрос о том, какой социальный класс является ключевым актором в продвижении и поддержании демократического режима в контексте глобализации и постиндустриального развития общества? В настоящее время, сопровождающееся сужением индустриальной базы, подрывающей гегемонистское положение рабочего класса в обществе, роль ключевого актора, с точки зрения многих аналитиков, переходит к среднему классу. Поэтому устойчивая демократия требует структурных предпосылок, в числе которых значимое место принадлежит развитию поддерживающего демократию среднего класса [8, с. 305].

Однако «пресловутый средний класс», выдвигаемый историей на роль ключевого актора демократизации, сам является одним из наглядных симптомов постдемократии. Будучи представленным всевозможными разнородными группами (лица умственного труда, административный персонал, работники торговли, духовенство, служащие финансовых учреждений, государственные чиновники, сотрудники органов соцобеспечения и т.п.), средний класс преследует самые различные политические интересы. Широкий разброс объединений среднего класса по всему политическому спектру не позволяет им выступать единым фронтом против политической системы, выдвигая четкие требования, как это делал когда-то рабочий класс [9, с. 79]. Более того, нередко в политическом плане они оказываются ближе к капиталу, нежели та масса общества, которая представлена неимущими. Поэтому роль среднего класса в процессе демократизации остается весьма и весьма проблематичной.

Таким образом, деформация социальной структуры общества вследствие глобализационного и постиндустриального развития современного общества обусловила глубокие качественные изменения в функционировании системы демократии, ознаменовавшие ее отход от максимальной модели в сторону демократического «минимализма». Ослабление экономической и политической роли широких народных масс способствовало превращению демократического управления в процедурный процесс, мало учитывающий интересы простого народа. Демократия вступила в полосу «постдемократии», превратившись из средства достижения баланса интересов различных общественных групп в инструмент политической манипуляции в интересах состоятельной части общества.

Безусловно, указанная глобальная тенденция общественно-политического развития приобретает свою специфическую реализацию в различных странах, проявляясь с различной степенью интенсивности. В частности, в развитых странах Запада, где демократические институты глубоко укоренены в жизни общества, подобная тенденция пока проявляет себя не столь катастрофично для основной массы населения. Что же касается стран демократического транзита, каковой сегодня является и Республика Молдова, то здесь тенденция скатывания к постдемократии, минуя этап демократического развития, проявляет себя не только особенно рельефно, но и крайне разрушительно, если иметь в виду политико-культурный фон общества.

В частности, для Республики Молдова, вступившей в конце прошлого столетия, как и прочие постсоветские страны, в полосу демократического реформирования и перехода на рельсы рыночной экономики, радикальные перемены привели к тотальному общественному кризису, который стал специфической формой становления нового политического дискурса в стране, мало согласующегося с демократическими нормами. Если международные эксперты располагают Республику Молдова в числе стран с «обанкротившейся демократией» [10], то ряд отечественных аналитиков идет в своих оценках еще дальше, утверждая, что страна на сегодняшний день является «захваченным государством» [11].

Для Республики Молдова переход на рельсы рыночной экономики ознаменовался процессом стремительного разрушения прежнего промышленного и сельскохозяйственного потенциала, утратой традиционных хозяйственных связей, экономическим перепрофилированием страны с превращением ее в рынок сбыта товаров зарубежного производства, ростом безработицы, изменением своего положения в международном разделении труда как экспортера дешевой низкоквалифицированной рабочей силы и т.п. Радикальные перемены в экономической жизни страны способствовали глубокой деформации социальной структуры молдавского общества.

Сегодня подавляющая часть молдавского общества представлена разношерстными, разрозненными социально неимущими и малоимущими слоями, озабоченными, в первую очередь, проблемами выживания, составляющими их главные думы и цели. Разрозненность и задавленность основной массы населения повседневными проблемами, связанными с выживанием, лишает ее той социальной энергии, которая необходима для формирования различных форм политического участия, столь важных

для здоровья демократии. Поэтому неудивительно, что в складывающихся социальных условиях процесс демократизации в Республике Молдова деградирует, все более устремляясь в русло укрепления авторитаризма, принимающего форму олигархического режима.

Подобный режим, нуждаясь в международном признании, будет и далее вынужден сохранять демократический фасад, стараясь спрятать за ним «авторитарную гегемонию деспотов и правящих партий» [12, с. 443]. Поэтому, пока демократизация продолжает оставаться той культурной целью, к которой стремится человечество [12, с. 444], остается надежда на то, что демократия в Республике Молдова сможет устоять в условиях нарастания «откатной волны», способной смести даже те скромные демократические завоевания, которые обрело наше общество, прошедшее сквозь историю тоталитаризма.

Список литературы

1. <http://www.jurnal.md/img/content/alegeri/raport-freedom.png> (25.12.2015).
2. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova. Chişinău: Civis, 2010-2016.
3. Электоральные процессы в Республике Молдова: реальность, тенденции, перспективы. Кишинэу: Princeps, 2015. 312 с.
4. Политология: учебник / под ред. В.А. Ачкасова, В.А. Гуторова. Москва: Юрайт-Издат, 2006. 692 с.
5. Beniuc V., Juc, V. Factorul confessional în relațiile internaționale. Chişinău: CEP USM, 2008. 115 с.
6. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политология: хрестоматия / сост. Б.А. Исаев, А.С. Тургаев, А.Е.Хренов. Санкт-Петербург: Питер, 2006. С. 274-286.
7. Панарин А.С. Глобализация // Глобалистика. Энциклопедия. Москва, 2003. С. 183-185.
8. Демократизация / сост. и науч. ред. К. В. Харпфер, П. Бергхаген, Р. Инглхарт, К. Вельцер; пер. с англ. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 708 с.
9. Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н. Эдельмана. Москва: Издательский дом Государственного Университета – Высшей школы экономики, 2010. 192 с.
10. <http://jurnal.md/ro/politic/2015/9/28/socor-democratia-a-esuat-in-republica-moldova-avem-de-a-face-cu-un-proces-de-prabusire-a-statului/> (09.03.2016).
11. Тулбуре А. «Молдова – захваченное государство» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://omg.md/index.php?newsid=10684> (дата обращения: 22.10.2016).
12. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Политология: хрестоматия. Санкт-Петербург: Питер, 2006. С. 437-450.

5.2. Возможности и уязвимости российско-белорусской интеграции: военно-политический аспект

Военно-политическая интеграция Российской Федерации и Республики Беларусь со 2-й половины 1990-х гг. выступает одной из главных составляющих союзного строительства. После создания ОДКБ она также встраивается в систему коллективной безопасности стран-участниц. Фактически, и по линии Союзного государства, и по линии ОДКБ речь идет о совместных усилиях по формированию форпоста обороны на западных рубежах, предназначенного для противодействия разнообразным вызовам и угрозам, в том числе экспансии НАТО и деятельности транснациональных преступных сообществ. Значение вектора, несмотря на трансформацию интеграционной политики России и Белоруссии, не сократилось на современном этапе. Напротив, последствия обострения отношений РФ с евроатлантическими акторами, включая «замораживание» отношений с НАТО и дальнейшее разбалансирование российско-американских отношений, глобальной и региональной ситуации, наращивание санкций, а также активизации международного терроризма, эскалации миграционного кризиса в Европе побуждают говорить о его объективно усиливающейся актуальности. Нарботанный опыт российско-белорусского интеграционного взаимодействия, наличие многих элементов необходимой инфраструктуры, специфика географического положения Белоруссии как приграничной и транзитной территории, относительная прозрачность внутренних границ Союзного государства, напряженность со странами Балтии и Украиной во многом определяют константы внимания России к этому направлению.

Важным обстоятельством, потенциально стимулирующим углубление военно-политического взаимодействия России и Белоруссии, можно признать общность стратегического видения угроз и вызовов безопасности, с акцентом на усилении национального, этнического и религиозного экстремизма, сепаратизма, ведущих к появлению террористических и экстремистских организаций, создающих и применяющих собственные вооруженные формирования. Так, в Военной доктрине Республики Беларусь 2016 г. отмечается, что отдельные государства (коалиции государств), террористические и экстремистские организации разрабатывают концепции и механизмы смены с использованием военной силы действующей государственной власти в других государствах или нарушения их территориальной целостности. Среди основных военных опасностей упоминаются расширение (создание) в Европейском

регионе военно-политических союзов, в которые не входит Республика Беларусь, либо присвоение ими глобальных функций; усиление ударно-наступательных возможностей государств (коалиций государств), а также наращивание на территориях государств, сопредельных с Республикой Беларусь, их военной инфраструктуры [2]. Сходная интерпретация угроз присутствует в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г. [11].

Интересам России отвечает определение Республикой Беларусь приоритетных направлений в коалиционной военной политике – укрепление системы коллективной безопасности и дальнейшее развитие отношений с Российской Федерацией в рамках Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. (принятие совместных мер по предотвращению военных угроз Союзному государству и отражению агрессии на общем оборонном пространстве, обеспечение функционирования региональной группировки войск (сил) Республики Беларусь и Российской Федерации); с государствами – членами ОДКБ и с государствами – участниками Содружества Независимых Государств. В случае региональной (крупномасштабной) войны Республика Беларусь предусматривает отражение нападения в составе региональной группировки войск (сил) Республики Беларусь и Российской Федерации, коалиционных группировок войск (сил) государств – членов ОДКБ [2]. Военно-техническое сотрудничество с Россией способствует модернизации Вооруженных сил Беларуси, что требуется для повышения обороноспособности Республики и Союзного государства в целом.

В данном ракурсе можно говорить о наиболее очевидных предпосылках взаимной заинтересованности. Белорусское руководство серьезно тревожит негативная перспектива очередной «демократической революции» на постсоветском пространстве – «картофельной», «джинсовой» или иной. Не в интересах России неизбежная в этом случае дестабилизация пространства Союзного государства. Кроме того, аналогичная угроза вполне отчетливо проявляется и для России, и для других стран СНГ, особенно если учитывать продолжающуюся логику поведения новой администрации США в духе «неолиберального интервенционизма». Для обоих государств, как союзников в формате двусторонних отношений и ОДКБ, весьма ощутимы и собственно военно-политические риски и вызовы.

Тем не менее, нельзя понимать мотивацию и Российской Федерации, и Республики Беларусь, как и лиц, принимающих в них внешнеполитические и интеграционные решения, как одномерную, с абсолютной,

безоговорочной лояльностью друг к другу. Поддержка России, как дипломатическая, так и экономическая, долгое время, со времен референдума 1996 г., была важным инструментом предупреждения внешнеполитической изоляции Белоруссии. Однако ослабление санкционного давления на Беларусь в рамках нового раунда геополитического соперничества на постсоветском пространстве в свете украинского кризиса и некоторых других событий обусловило коррекцию позиции белорусских властей. Поддержка России уже не воспринимается ими таким безальтернативным ресурсом для сохранения собственного влияния. Усложнение ситуации в области безопасности, в том числе в результате усиления активности НАТО у границ РФ, трудности диалога России с НАТО и США нередко понимаются белорусским руководством как дополнительные возможности для увеличения свободы маневра в рамках своеобразной политики «качелей» и «альтернативного выбора» партнеров в целях получения некоторых тактических преимуществ и улучшения статусно-ролевых характеристик как на европейской арене, так и в процессе российско-белорусской интеграции. С другой стороны, та асимметрия, которая изначально по объективным основаниям присутствует в Союзе / Союзном государстве, определенным образом ограничивает количество вероятных сценариев поведения прежде всего для Белоруссии. Два «крайних» варианта – «растворение» в российской линии либо дезавуирование союза с Россией – чересчур категоричны и «малоходовы», излишне рискованы. Первый содержит опасность для воплощения в российско-белорусском союзном строительстве сущности интеграции, предполагающей слияние суверенных политических единиц на основе осознанной добровольности и необходимости и, скорее, ближе к некоей имперской модели. Он весьма болезненно затрагивает тему суверенитета и предоставляет новые козыри белорусской оппозиции. Также этот вариант мало приемлем и для России, поскольку его реализация может повлечь ее имиджевые потери. Второй вариант чреват катастрофическими экономическими и иными потерями для белорусской стороны, поскольку будут перекрыты каналы притока в Беларусь и российских кредитов, и энергоресурсов, и пр. Наглядные негативные последствия украинского выбора после «Второго Майдана» могут эффективно сдерживать перспективу «полного разрыва» с Россией. К тому же вряд ли можно признать выгодной для белорусского руководства замену «союза Зайца и Медведя» на протекторат ЕС либо американо-германский кондоминиум.

В значительной степени выделенные уязвимости иллюстрирует ситуация с «подвешенностью» вопроса о постоянном присутствии

российской военной авиации на территории Республики Беларусь. Российская сторона официально рассматривает данную меру в контексте углубления интеграции, укрепления безопасности Союзного государства. Еще в 2013 – 2015 гг., в ходе обострения украинского кризиса и начала нового витка экспансии НАТО в Прибалтике, более широко – в регионе Центральной и Восточной Европы, на фоне подготовки США к созданию здесь эшелонов ПРО, Россия продемонстрировала явную заинтересованность в скорейшем разрешении вопроса. Соответствующие заявления и поручения делались от лица представителей высшего политического руководства и военного командования РФ [1]. Однако позиция белорусской стороны была обозначена иначе перед очередными президентскими выборами в октябре 2015 г., а в 2016–2017 гг. она подверглась уточнениям и детализации. В частности, 3 февраля 2017 г. в рамках встречи с представителями общественности, белорусских и зарубежных СМИ Президент Республики Беларусь указал на нецелесообразность создания авиабазы в Бобруйске с военной точки зрения («Что такое в современной войне против НАТО, допустим, самолет? 10 минут боя, он взлетел – и его нет»). Одновременно А.Г. Лукашенко подчеркнул важность взаимодействия с Россией, особенно совместных учений («Оборона нашего общего Отечества – святое дело») и опроверг утверждения о возможной оккупации Россией Беларуси [3].

Высказываемые иногда опасения относительно возрастания рисков удара по территории Республики после размещения здесь авиабазы РФ в случае конфликта с НАТО достаточно сомнительны. В Белоруссии находятся два крупных российских военных объекта: РЛС «Волга» в Ганцевичах и 43-й узел связи ВМФ в Вилейке, и, так или иначе, они уже являются для НАТО потенциальной военной целью. Однако многие военные аналитики и другие эксперты считают, что появление российской авиабазы будет означать, что военное присутствие РФ в Белоруссии переходит на новый уровень, т.к. здесь могут быть размещены различные типы военных самолётов, включая способные нести ядерное оружие. Также появление российской авиабазы может быть в представлении белорусских властей угрозой для «оттепели» в отношениях с Западом. А.Н. Перенджиев, эксперт Ассоциации военных политологов (РФ), полагает, что, разместив на своей территории российские самолеты, Минск вступит в военное противодействие со странами НАТО, хотя сам желает дистанцироваться от противостояния с альянсом. Эксперт видит возможность нахождения более мягкого варианта решения вопроса, например, с учетом опыта Киргизии или «гостевой» базы в Иране [10].

Предложенные варианты можно признать уязвимыми по нескольким пунктам. Во-первых, Кыргызская Республика не имеет такого стратегического значения, как Республика Беларусь, в ракурсе сдерживания НАТО; во-вторых, снижение «планки» требований к Белоруссии предоставит ей дополнительные возможности маневрирования по отношению к России. К тому же, изначально российско-белорусское взаимодействие в сфере безопасности и обороны в формате Союзного государства задумывалось как более продвинутое, нежели ДКБ/ОДКБ. «Сравнение» условий будет означать отказ от реализации данного интеграционного проекта в полном объеме. Что касается второго варианта, «гостевой» базы, то он может быть более затратным в геополитическом плане для России, поскольку исходит из принципа *ad hoc*, и временный статус базы только подчеркнет уязвимость «запросной» позиции РФ в отношении Беларуси по проблеме безопасности, как это не парадоксально. Белорусская сторона может пойти на применение приемов «выдвижения требований по нарастающей», «увязки» и пр. С интеграционным форматом этот вариант вообще слабо коррелируется, он может рассматриваться государствами, имеющими менее высокий уровень взаимодействия, чем Российская Федерация и Республика Беларусь. Третий вариант, предложенный белорусской стороной (передача Республике Беларусь российских самолетов с последующим белорусским пилотированием и охраной воздушных границ Союзного государства), отвечает в гораздо большей степени интересам Белоруссии, получающей выгоды и с точки зрения улучшения своей обороноспособности, и продолжения дальнейшего торга, притом не давая повод Западу, согласно логике белорусских властей, вернуться к жесткой санкционной политике.

Подытоживая, можно говорить о нескольких составляющих белорусской позиции в сфере военно-политической интеграции. Руководство Республики Беларусь не отвергает как таковую необходимость тесного сотрудничества в сфере обороны и безопасности как в рамках Союзного государства, так и ОДКБ. Характерным для белорусского лидера является акцентирование тезиса о союзе с Российской Федерацией и о совместной ответственности на западном направлении в противостоянии с НАТО. Однако его предложения и поведение артикулируют тему суверенитета, являясь, среди прочего, реакцией на требования оппозиции. Отметим, что перед президентскими выборами 2015 г. белорусской общественной кампанией «Говори правду» был организован даже сбор подписей за нейтральный статус страны в рамках программы «Народный референдум». По мнению организации, размещение на территории Беларуси зарубежных

военных объектов противоречит интересам ее национальной безопасности и стремлению к нейтральному статусу. Один из главных вопросов «Народного референдума» – о поддержке курса на экономическую интеграцию, ассоциацию и создание безвизового пространства с Европейским Союзом. Кампания пропагандирует концепцию «ответственного соседства» и принцип многовекторного развития Беларуси [8]. Активист кампании Т.Н. Короткевич выдвигалась кандидатом на пост Президента Республики Беларусь и заняла 2-е место по итогам голосования граждан 11 октября 2015 г. (4,44 % голосов) [9]. Таким образом, А.Г. Лукашенко, несмотря на громадный разрыв между ним и соперниками по избирательной гонке, был дополнительно заинтересован в «выбивании» козырей у представителей оппозиции, часто муссирующих угрозу так называемого «аншлюса» Белоруссии и «крымского сценария». Показательна их реакция на подготовку к наиболее масштабным российско-белорусским стратегическим учениям «Запад-2017», именуемым ими «гибридной оккупацией» Беларуси, причем она, по сути, совпадает с реакцией ряда стран НАТО и Украины [7, 12].

Кроме фактора оппозиции и внешней реакции необходимо учитывать другие уязвимости, в основном союзного уровня. К таковым можно отнести торможение принятия новой Военной доктрины Союзного государства, адаптированной к современным реалиям, одобрения Концепции основ законодательства Союзного государства в области обороны, сокращение расходов на военно-техническое сотрудничество в рамках Союзного государства. Так, в бюджете-2006 на реализацию союзных мероприятий в этой сфере выделялось 414584,7 тыс. рос. руб. [4], в бюджете-2017 – всего 26500 тыс. рос. руб. [5]. В то же время, надо иметь в виду, что завершилась реализация многих союзных программ, поэтому расходы по этой линии снизились.

Еще одна уязвимость порождается особенностями формулировки ст. 18 Конституции Республики Беларусь о стремлении к нейтральному статусу [6]. При необходимости белорусская сторона может более настойчиво ссылаться на нее, обосновывая отказ от размещения на своей территории иностранных военных баз, других объектов, минимизируя или полностью исключая свое участие в системе безопасности ОДКБ и Союзного государства. Пока таких предпосылок нет, но активизация оппозиции может подтолкнуть руководство Республики к подобным решениям.

Итак, в военно-политической сфере российско-белорусских отношений присутствуют как мощные проинтеграционные факторы, так

и дезинтегрирующие обстоятельства. Угрозы и вызовы безопасности для обеих стран имеют многоуровневый характер и порождаются совокупностью источников. Налицо сходство интересов и общность подходов с точки зрения стабилизации геополитической обстановки и внутренней ситуации. Сложилась важные механизмы реагирования на проявляющиеся опасности в формате дву- и многосторонних отношений. Вместе с тем, приоритеты РФ и РБ детерминируются не только национальными интересами, но также стремлениями и побуждениями внутренних и внешних политических сил. Глобальная ответственность России накладывает на нее большие обязательства, нежели на Белоруссию, однако оба государства равны с формально-юридической точки зрения, и все спорные вопросы будут в любом случае решаться путем переговоров и консультаций. Во избежание «торпедирования» данной темы Россия, скорее всего, откажется от усиления давления на Беларусь, если только не заявят о себе последствия непредсказуемых шоков или чрезвычайно не возрастет деструктивное воздействие имеющихся. Перспективные направления с учетом особенностей военно-политической ситуации в регионе и в мире – наращивание единой региональной группировки войск и сил, совершенствование единой региональной системы ПВО Беларуси и России, отработка совместных мероприятий – оперативно-тактических учений, стратегических учений и пр.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Интеграционная политика России как фактор формирования и реализации стратегии общенационального развития» № 16-03-00603.

Список литературы

1. Алесин А. Размещение российской авиабазы в Беларуси: о том, чего не было // Военно-политическое обозрение. 2017. 7 апр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belvpo.com/ru/81477.html> (дата обращения: 08.09.2017).
2. Военная доктрина Республики Беларусь: утверждена Законом Республики Беларусь от 20.07.2016 № 412-З / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.by/upload/docs/op/h11600412_1469480400.pdf (дата обращения: 08.09.2017).
3. Встреча с представителями общественности, белорусских и зарубежных СМИ «Большой разговор с Президентом». Минск, 3 февраля 2017 г. // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-predstaviteljami-obschestvennosti-belorussk-ix-i-zarubezhnyx-smi-15509/ (дата обращения: 08.09.2017).

4. Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства «О бюджете Союзного государства на 2006 год» от 24 января 2006 г. № 1: принят Парламентским Собранием Союза Беларуси и России 20 января 2006 года (Постановление Парламентского Собрания № XXIX-7). Приложение № 2 / Постоянный Комитет Союзного государства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.postkomsg.com/upload/iblock/6ce/39041.rtf> (дата обращения: 08.09.2017).

5. Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства «О бюджете Союзного государства на 2017 год» от 17 апреля 2017 г. № 1: принят Парламентским Собранием Союза Беларуси и России 26 декабря 2016 года (Постановление Парламентского Собрания № LI-7). Приложение № 2 / Парламентское Собрание Союзного государства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belrus.ru/i/doc/budjet-2017.pdf> (дата обращения: 08.09.2017).

6. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 08.09.2017).

7. Королевич С. «Запад-2017» – начало гибридной оккупации Беларуси [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://inosmi.ru/military/20170901/240172254.html> (дата обращения: 10 сентября 2017 г.).

8. Народны Рэферэндум. Путь мирных перемен / Общественная кампания «Говори правду» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zapraudu.info/referendum/#achievements> (дата обращения: 08.09.2017).

9. Сведения о результатах голосования 11 октября 2015 года. Республика Беларусь / Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Elections-PRB2015-itog.pdf> (дата обращения: 08.09.2017).

10. Степанов А. Белоруссия торгуется о размещении российской авиабазы на своей территории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://versia.ru/belorusiya-torguetsya-o-gazmeshhenii-rossijskoj-aviabazy-na-svoej-territorii> (дата обращения: 08.09.2017).

11. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=1000000001,0&nd=0.7672087147029645#0> (дата обращения: 08.09.2017).

12. Учения «Запад-2017»: российские войска в Белоруссии и страхи Запада [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://inosmi.ru/military/20170829/240132163.html> (дата обращения: 10.09.2017).

5.3. Активность граждан и общественных объединений как показатель состояния и развития гражданского общества (на примере Челябинской области)

В последнее время в России огромное внимание уделяется феномену гражданского общества, причём как в теоретическом аспекте, так и в практическом плане. Обсуждение различных составляющих развития российского гражданского общества происходит на разных уровнях в общественных, политических и, конечно же, научных кругах.

Отметим, что за последние годы произошли масштабные изменения в общественно-политической жизни России. Появились новые институты, которые по формальным признакам могут быть отнесены к элементам гражданского общества. Так, например, серьёзный вес приобрели общественные палаты разных уровней – Общественная Палата РФ, региональные и муниципальные, общественные советы при органах государственной власти, набирают популярность всевозможные союзы, движения, клубы, активно функционирует множество некоммерческих организаций. Кроме того, на уровне политического руководства страны принимаются важные решения, призванные способствовать развитию гражданского общества [2, с. 7-14].

В качестве базового определения гражданского общества в нашей статье будет использоваться одно из классических определений, данное Ф. Шмиттером: это «система самоорганизованных посреднических групп, которые (1) относительно независимы как от публичных властей, так и частных субъектов производства и воспроизводства, т.е. фирм и семей, (2) способны осмысливать и совершать коллективные действия в защиту или ради продвижения своих интересов и чувств, (3) не стремятся занять место ни агентов власти, ни частных производителей, т.е. принять ответственность за управление государством в целом, (4) готовы действовать в рамках установленных правил “цивильного”, “гражданского”, т.е. взаимоуважительного порядка» [1, с. 110]. В самом определении гражданского общества ключевым элементом является аспект общественной активности отдельных граждан и их объединений. Взяв во внимание этот факт, можно говорить о том, что состояние гражданского общества есть ни что иное как производное двух составляющих, первая из которых – это степень готовности населения к непосредственному участию в общественной жизни с целью удовлетворения как своих частных потребностей и интересов, так и потребностей и интересов общества в целом, а вторая – наличие ус-

ловий для такой активности, выражающаяся в признании со стороны государства самой возможности общественных отношений, лежащих вне рамок непосредственного государственного регулирования и наличия нормативно-правовой базы, предполагающей и регулирующей такого рода отношения. В качестве эмпирической базы использованы материалы социологического исследования, проведенного специалистами лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС [3].

В ходе проведенного исследования респондентам был задан вопрос, касающийся оценки наличия условий для проявления гражданской активности в современном обществе (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«С каким из предложенных мнений относительно наличия условий для проявления гражданской активности Вы согласны в наибольшей степени?»

Вариант ответа	2016 год	2015 год	2012 год
В нашей стране есть все условия, чтобы реализовать себя как свободного полноправного гражданина	5,0	11,3	7,2
В нашей стране есть все условия для гражданской активности, но граждане не стремятся проявлять ее	25,7	25,0	14,0
Условия для гражданской активности есть	30,7	36,3	21,2
Граждане готовы проявить гражданскую активность, но в нашей стране нет для этого условий	22,2	19,8	27,8
Большинство граждан является простыми винтиками государственной машины	39,8	33,3	42,1
Условий для гражданской активности нет	62,0	53,1	69,9
Затрудняюсь ответить	7,3	10,6	8,9

Только каждый третий опрошенный (30,7%) указал на то, что в нашей стране есть все условия для проявления гражданской активности. И даже несмотря на признание наличия условий, подавляющее большинство представителей данной группы респондентов высказались о том, что граждане не стремятся ее проявлять. Отметим также, что придерживаться

точки зрения о наличии условий для проявления гражданской активности в большей степени характерно для представителей молодежи (от 18 до 30 лет), студентов, а также респондентов, оценивших свое материальное положение на среднем уровне.

Об отсутствии условий для общественной активности населения в большей степени свойственно высказываться опрошенным в возрасте от 31 до 50 лет, а также представителям малообеспеченных слоев населения. Долевое представительство данной группы респондентов было зафиксировано на уровне 60,2% от общего числа опрошенных.

В целом, за период с момента проведения предыдущего замера (2015 г.), в оценках населения прослеживается тенденция ухудшения условий для проявления гражданской активности. Об этом свидетельствует сокращение группы респондентов, высказавшихся об их наличии (на 5,6 процентных пункта), на фоне роста долевого представительства граждан, указавших на отсутствие условий для проявления гражданской активности (на 8,9 процентных пункта). Особую настороженность вызывает тот факт, что данный прирост обеспечен в основном за счет опрошенных, указавших вариант ответа «большинство граждан являются простыми винтиками государственной машины».

Как следует из определения понятия гражданского общества, значительную роль в его функционировании играют общественные организации. В виду данного обстоятельства, в рамках проведенного исследования была изучена ситуация, связанная с деятельностью общественных организаций на территории региона и включенность в эту деятельность населения Челябинской области.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Знаете ли Вы какие-либо общественные организации, объединения, местные инициативные группы, действующие в Вашем городе (районе)?»

Вариант ответа	2016 год	2015 год	2012 год
Да	42,6	35,8	43,0
Нет	45,3	52,0	39,7
Затрудняюсь ответить	12,1	12,2	17,3

Доля респондентов, высказавшихся о наличии у них информации об общественных организациях, действующих на территории муниципального образования, была зафиксирована на уровне 42,6%. Наиболее высокий уровень информированности прослеживается в группе опрошенных с высшим образованием (табл. 2).

Численное представительство опрошенных, не владеющих информацией об общественных организациях, ведущих деятельность на территории муниципалитета, было зафиксировано на уровне 45,3%. Данная позиция в большей степени характерна для респондентов со средним, средним специальным и неоконченным высшим образованием, а также представителей социально-профессиональной группы рабочих.

Несмотря на достаточно высокий показатель информированности населения об общественных организациях, осуществляющих свою деятельность на территории муниципального образования, участие в их работе принимает значительно меньшее количество граждан (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Принимаете ли Вы участие в работе общественных организаций на территории Вашего города (района) или организуемых ими мероприятиях?»

Да	15,1
Нет	84,9

Только 15,1% опрошенных имеют опыт участия в деятельности общественных организаций или проводимых ими мероприятиях. Наибольшая активность в данном вопросе присуща представителям молодежи (от 18 до 30 лет), опрошенным с высшим образованием, по социально-профессиональному статусу – специалистам с высшим образованием, предпринимателям и студентам, а также респондентам с самооценкой материальной обеспеченности на уровне выше среднего (табл. 4).

Наибольшей популярностью среди населения пользуются объединения и клубы досугового характера (42,1%). Далее расположились благотворительные организации (25,0%). Замыкают тройку лидеров местные отделения политических партий и молодежные парламенты

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос:
 «В работе каких общественных организаций и движений
 Вы принимаете участие?» (распределение ответов по группе
 респондентов, принимающих участие в работе общественных
 организаций и проводимых ими мероприятиях)

Объединения и клубы досугового характера (спортивные секции и клубы, туристические, охотничьи объединения, историческая реконструкция, собаководы, филателисты и проч.)	42,1
Благотворительные организации (сбор денег/вещей бездомным, детским домам, пострадавшим, нуждающимся, бездомным животным, волонтерская помощь)	25,0
Местные отделения политических партий, молодежные парламенты	19,7
инициативные группы, объединения родителей (детей дошкольного возраста, детей, посещающих детские сады, учеников школ, детей-инвалидов)	15,8
Экологические организации	11,8
Товарищества собственников жилья, ТОСы, дачные кооперативы	9,2
Социальные движения («За безопасность на дорогах» и т.п.)	9,2
Профессиональные организации и ассоциации, профсоюзы	9,2
Группы, органы школьного/студенческого самоуправления, включая студенческие советы, советы общежитий и т.п.	7,9
Организации, ведущие деятельность по обустройству городской среды, дворов, озеленению, борьбе с точечной застройкой и проч.	5,3
Организации/движения патриотической направленности	3,9
Организации по сохранению культурного наследия, памятников архитектуры	2,6
Объединения по защите интересов различных социальных групп (женские, ветеранские, инвалиды, мигранты, автомобилисты)	2,6
Правозащитные организации	1,3
Организации религиозной направленности	1,3
Этнические объединения и общины, диаспоры, землячества, культурно-просветительские движения и т.п.	1,3
Другие общественные организации	3,9
Затрудняюсь ответить	3,9

(19,7%). Также к числу достаточно популярных, с точки зрения участия в их работе, можно отнести инициативные группы родителей (15,8%).

Ключевым мотивом участия населения в работе общественных организаций является моральное удовлетворение от данного процесса, в чем можно убедиться из данных табл. 5.

Также в тройку наиболее популярных мотивов участия в работе общественных организаций вошли желание сделать что-то полезное, помочь людям (39,5%) и получение новых знакомств, связей и контактов (32,9%). Что же касается мотивов неучастия граждан в работе общественных объединений и организаций, то здесь положение дел обстоит следующим образом (табл. 6).

Главным мотивом, на который ссылается население, высказываясь о неучастии в работе общественных организаций и проводимых ими мероприятиях, является отсутствие сил и свободного времени (37,7%). Данный аспект является сложно регулируемым и трудно устранимым с точки зрения мероприятий, направленных на повышение уровня гражданской активности населения. Чего нельзя сказать о причинах, за-

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос:
 «Почему Вы принимаете участие в реализации общественных инициатив и работе общественных организаций?»
 (распределение ответов по группе респондентов, принимающих участие в работе общественных организаций и проводимых ими мероприятиях)

Мне нравится эта деятельность, я получаю моральное удовлетворение	50,0
Хочу сделать что-то полезное, помочь людям	39,5
Я получаю новые знакомства и связи, контакты	32,9
Я получаю новый опыт, умения и знания	30,3
Защищаю свои права	19,7
Эта работа позволяет повысить мой социальный статус	17,1
Я реализую свои собственные идеи, замыслы	17,1
Мне нечего делать, у меня много свободного времени	7,9
Эта деятельность является для меня источником дохода	2,6
Затрудняюсь ответить	1,3

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос:
 «Почему Вы не принимаете участие в общественных инициативах и работе общественных организаций?»
 (распределение ответов по группе респондентов, не принимающих участие в работе общественных организаций и проводимых ими мероприятиях)

Не хватает сил и свободного времени	37,7
Недостаточно осведомлен о деятельности общественных организаций	28,0
Не верю, что такая деятельность может принести весомые результаты	22,4
Мне это неинтересно	20,6
Не имею силы (веса, влияния), необходимых для решения практических задач	11,5
Не имею организационных навыков, опыта решения практических задач	9,7
Не верю в бескорыстность общественных организаций	9,7
Считаю, что большинство людей не способны объединиться, договориться, прийти к общему мнению	4,7
Затрудняюсь ответить	5,6

нимающих вторую и третью по популярности строчки в данном рейтинге, а именно – недостаточном уровне информированности населения о деятельности общественных организаций (28,0%) и отсутствие веры в то, что их деятельность способна приносить реальные результаты (22,4%). И, как уже отмечалось ранее, аспекты информирования населения о механизмах проявления гражданской активности, в число которых, несомненно, входит и участие в работе общественных организаций, а также трансляция результатов их деятельности и наиболее значимых показателей работы способны оказать значительное влияние на рост гражданской активности населения.

Тема информированности граждан о способах, формах, условиях проявления гражданской активности и деятельности институтов гражданского общества находит свое отражение и в показателе оценки эффективности деятельности общественных организаций (табл. 7).

О высокой степени эффективности деятельности общественных организаций высказался примерно каждый пятый опрошенный (22,4%),

Таблица 7

Оценка населением эффективности деятельности общественных организаций по критерию информированности об их наличии на территории муниципального образования

Какова, на Ваш взгляд, эффективность деятельности большинства общественных организаций на территории вашего города (района)?	По всему массиву опрошенных	Знаете ли Вы какие-либо общественные организации, объединения, местные инициативные группы, действующие в вашем городе (районе)?		
		Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Очень эффективна	2,0	4,1	0,6	0,0
Скорее эффективна	20,4	34,3	9,4	12,5
Итого эффективна	22,4	38,4	10,0	12,5
Скорее не эффективна	29,2	29,0	30,6	25,0
Совсем не эффективна	15,4	12,4	16,1	22,9
Итого не эффективна	44,6	41,4	46,6	47,9
Затрудняюсь ответить	33,0	20,1	43,3	39,6

примечательно, что данная позиция в большей степени свойственна опрошенным, которым известны общественные организации, действующие на территории муниципалитета.

Долевое представительство группы респондентов, высказавшихся о низкой эффективности результатов деятельности данных организаций, было зафиксировано на уровне 44,6%.

Подводя итог, отметим, что приведенные результаты опроса, с одной стороны, свидетельствуют о низких оценках состояния гражданской активности населения Челябинской области, о том, что жители региона пока располагают небольшим объемом информации о деятельности первоосновы гражданского общества – общественных объединений. Одновременно это свидетельство невысокого уровня оценки эффективности их деятельности. А ведь высокий уровень гражданской активности, правовая грамотность, общий уровень гражданской образованности населения – это, как отмечалось нами ранее, атрибутивные условия становления и функционирования развитого гражданского общества.

Список источников

1. Бардин, А.Л. Гражданское общество в России: опыт сравнительного анализа / А.Л. Бардин, А.Н. Кокарева, Е.В. Михайлова. // Власть. 2016. № 1. С. 109-117.
2. Зырянов С.Г., Лукин А.Н. Гражданское общество как система: проблема обретения эмерджентного свойства. Социум и власть. № 4. Челябинск, 2016. С. 7-14.
3. Состояние гражданского общества в Челябинской области. Данные социологического опроса, проведенного специалистами лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, по заказу Областного государственного казенного учреждения «Аппарат общественной палаты Челябинской области», в период с 17 по 23 ноября 2016 года. Опрошено 600 респондентов – граждан Российской Федерации в возрасте старше 18 лет. Статистическая погрешность данных при доверительном интервале – 0,95 (95%), ±4% [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php> (дата обращения: 03.02.2017).

5.4. Политическая коррупция: сущность и особенности

Коррупция представляет собой сложный социальный феномен. Наиболее распространенным определением коррупции является следующее: коррупция – это злоупотребление должностным положением в корыстных целях. Чаще всего коррупция исследуется как экономическая проблема, хотя данное явление имеет место во всех сферах жизни общества, в частности, в культуре и политике [8, с. 4]. Очевидно, что коррупционные отношения зачастую носят сложный, нелинейный характер и могут проявляться под воздействием самых разных явлений и процессов, задающих стимулы к тому или иному поведению акторов. Поэтому существуют различные формы проявления и типы коррупционного взаимодействия. В настоящей статье мы постараемся прояснить сущность и особенности такого явления, как политическая коррупция.

Главная проблема, которая возникает, когда мы обращаемся к термину «политическая коррупция», – это многообразие исследовательских подходов, методик и, как следствие, невнятность категориального аппарата. В связи с этим остановимся на некоторых важных вопросах.

Первое, когда мы говорим о политической коррупции, то имеем в виду, что одна из сторон коррупционного взаимодействия находится на государственной службе или выполняет некоторые полномочия в результате делегирования ему власти от избирателей. Можно согласится

с Д.А. Зарандией, которая под политической коррупцией понимает общественный вид коррупции, субъекты которого (официальные и неофициальные, формальные и неформальные) стараются различными механизмами, технологиями политического свойства решать корыстные интересы, проблемы политико-неправомерного характера и тем самым способствовать разрушению политической системы общества, форм государства, мировоззрения личности [5].

Второе, известно, что существует два типа коррупционного взаимодействия: верхушечный – он охватывает политиков, высшее звено чиновничества, данный тип связан с принятием важнейших политических решений), а также низовой, который затрагивает средний и низший уровень государственных служащих и связан с принятием второстепенных, рутинных решений [1]. Очевидно, что политическая коррупция относится к верхушечной коррупции, т.к. в нее вовлечены высшие слои правящей элиты и государственного аппарата.

Третье, для понимания феномена политической коррупции крайне важной является агентская концепция, которая была разработана в теориях экономических институтов (Т. Эггертссон, 2001; О.И. Уильямсон, 1996) [9, 10, 11]. Данная теория сегодня широко применяется к исследованию коррупционных взаимодействий. В качестве примера мы можем выделить труды Н. Гренендийка, Ч. Перроу, а также отечественных политологов И.М. Бусыгиной и М.Г. Филиппова [2, 12, 13].

Агентская модель описывает ситуацию, в которой участвуют два субъекта – принципал и агент. Принципал – это тот, кто обладает ресурсами власти, которые позволяют ему нанимать агента (второго субъекта) для реализации своих целей. Агент должен реализовывать интересы принципала, последний же, в свою очередь, может поощрять агента за работу или применять санкции за невыполнение агентом его целей. Более того, принципал имеет возможности контролировать агента, например, через другого агента. Главной проблемой данных отношений является то, что агент может использовать полномочия и ресурсы принципала в своих целях и интересах, подобное поведение агента является коррупцией [9].

Каковы причины возникновения коррупции? По мнению представителей данного подхода, коррупция возникает, прежде всего, из-за информационной асимметрии между принципалом и агентом, т.к. принципал не является специалистом, не способен решать те или иные вопросы и именно поэтому он нанимает агента. В случае бюрократической коррупции агентами выступают чиновники, а принципалами – избранные или назначенные должностные лица. В случае политической коррупции

агентами являются политики, а принципалами – избиратели [2]. Следует учитывать тот факт, что в политике агент часто выполняет двойную функцию: с одной стороны, он служит принципалу (например, гражданам), а с другой – принуждает принципала следовать необходимым правилам (например, принятым законам и нормам) [2].

Четвертое, явление политической коррупции зачастую является негативным эффектом неформальной институционализации [3, с. 6-24].

В данном контексте стоит вспомнить некоторые теоретико-методологические положения, которые предоставляет неоинституциональный подход, разработанный Д. Нортон, Р. Коузом, Дж. Бьюкененом и другими авторами. В рамках неоинституционализма под «институтом» понимаются «правила игры» или «созданные человеком ограничительные рамки, которые устанавливают устойчивые структуры взаимодействий между людьми, а также уменьшают неопределенность в межличностных взаимодействиях» [7, с. 17]. Существуют формальные и неформальные институты. Формальные институты включают в себя правовые нормы, имеют универсальный характер, а их соблюдение гарантируется государством [6, с. 54]. Неформальные институты – это обычаи, которые призваны решать вопросы координации поведения представителей как власти, так и общества. Следует отметить, что изменение формальных институтов может происходить достаточно быстро, через введение новых правил игры, в свою очередь, неформальные институты весьма устойчивы, изменяются постепенно и медленно.

Когда мы говорим о траектории развития, эволюции данных институтов, то доминирование формальных институтов, на языке неоинституционального подхода – «верховенство права», означает готовность основных групп общества следовать универсальным нормам и правилам. Наоборот, отсутствие верховенства права означает преобладание неформальных институтов, основанных на партикуляристских нормах и правилах (таких, как клиентелизм и коррупция) [6, с. 21].

Таким образом, неформальная институционализация – это вытеснение формальных институтов неформальными правилами, это непрерывный процесс систематической «порчи» институтов в ходе институционального строительства и последующей эволюции [3, с. 10]. Подобная деградация политических институтов, а также отсутствие у правящей элиты стратегии развития страны неизбежно приводят к ослаблению государства, институционализации коррупции и криминализации общества. В этом случае формальные институты просто становятся фасадом неформальных институтов. Там, где правительство не подотчетно парламенту, важнейшие

решения принимаются не выборными представителями граждан, а узкими властными группами; там, где политические партии не способны обеспечить политическую взаимосвязь элиты и масс, их функции выполняют основанные на массовом клиентелизме «партии власти» и т.д. [4, с. 16-29].

На основании вышесказанного мы можем сделать следующие выводы:

Во-первых, политическая коррупция – это верхушечный тип коррупции, который предполагает, что лица, занимающие высшие государственные должности (как назначенные, так и избранные) используют доверенные им ресурсы власти не в интересах общества, а в личных, корыстных целях для своего политического обогащения.

Во-вторых, уровень, те или иные формы политической коррупции и, как следствие, качество политического управления всегда определяются институциональным дизайном, соотношением формальных и неформальных институтов.

В связи с этим стоит вспомнить, формулу Р. Клитгаарда: $K = M + СД - П$, согласно которой уровень коррупции равняется монополии на принятие политического решения плюс свобода действий политиков (в частности возможность принятия ими единоличных, нерыночных решений) минус их подотчетность [2, с. 50-71].

В итоге высокая политическая коррупция имеет место, когда государство, политическая партия или конкретный политик:

- 1) имеют монополию на распоряжение ресурсами власти;
- 2) могут свободно принимать политическое решение о том, кто получит тот или иной ресурс;
- 3) находятся в условиях низкой подотчетности.

Причем именно слабая подотчетность является ключевым условием (важнейшим элементом данной схемы), определяющим пределы коррупционных схем и практик [2, с. 50-71]. Именно поэтому главным механизмом контроля политиков, подотчетности их избирателям всегда выступают институты гражданского общества, отсутствие которых, а также зависимость законодательной и судебной ветвей власти от исполнительных структур неизбежно приводят к политической коррупции.

Список литературы

1. Антикоррупционная политика / под ред. Г.А.Сатарова. М.: Фонд ИНДЕМ, РА «СПАС», 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.indem.ru/corrupt/Uc2004/UcAKP2004.htm>.
2. Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. Ограничить коррупцию: найти новых людей или изменить мотивации? // Полис. 2013. № 1. С. 50-71.

3. Гельман В.Я. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // *Полития*. 2010. № 2 (57). С. 6-24.
4. Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации // *Полис*. 2000. № 1. С. 16-29.
5. Зарандия Д.А. Политическая коррупция как форма теневой власти. Ростов-на-Дону. 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/politicheskaya-korrupsiya-kak-forma-tenevoy-vlasti>.
6. Либман А.М. Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация (Влияние неформальных институтов) // *ОНС*. 2006. № 6. С. 54.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17.
8. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. М.: Логос, 2003. С. 4.
9. Сатаров Г. А. Коррупция нетрадиционный взгляд: коррупционные отношения: агентская модель и смежные подходы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214866960/Satarov.pdf>.
10. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма. СПб., 1996.
11. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001.
12. Groenendijk N.A. 1997. Principal-Agent Model of Corruption Crime. *Law & Social Change*, № 27.
13. Perrow Ch. 1986. *Complex Organizations: A Critical Essay*. N.Y.: Random House.

Заключение

В предложенной читателю монографии представлены результаты исследований различных сторон современного общества. Исследования показали, что современное общество на постсоветском пространстве (Россия, Молдова, Армения, Белоруссия, а также в ряде бывших социалистических стран – Словакия) сталкивается с одинаковыми вызовами глобализационных и трансформационных процессов: снижением качества образования, трансформацией семейных ценностей, усилением коррупции, отсутствием условий для проявления социальной активности населения, ухудшением состояния медицинского обслуживания и пр. Важной проблемой являются интеграционные процессы на постсоветском пространстве, нахождение путей и перспектив их дальнейшего развития. Авторами ставится вопрос о сотрудничестве, эффективности взаимодействия с отдельными государствами (Россия и Белоруссия), анализируются причины неудач, подчеркиваются совместные достижения, отмечаются перспективы интеграционных процессов между различными странами СНГ на постсоветском пространстве. Исследователей разных стран волнуют общие вопросы, касающиеся формирования подрастающего поколения в условиях изменяющегося общества.

Представленные в монографии результаты исследований проблем современного общества свидетельствуют о необходимости координации усилий ученых разных стран по выявлению болевых точек постсоветского пространства.

Научное издание

**КУЛЬТУРА, ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**Коллективная монография
(по материалам XX Международной конференции – второй этап)**

Под общей редакцией
Е.В. Грунт и А.В. Меренкова

(на материалах XX Международного проекта
№ 17-03-14132/ 17- ОГОН)

Издательство ИСТУ
Подписано в печать 07.12.2017.
Формат 60×88/16. Усл. печ. л. 17,03. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО Издательский Дом «Ажур»
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, 54, тел. (343) 350-78-28
E-mail: azhur.ek@mail.ru, <http://www.ajur.ur.ru>
Заказ № 07/12-1

